

Ф02
Ж92

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦИИ.

**ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.**

1860.

СЕНТЯБРЬ.

Приверено 1894 г.

МАЙ 2008

СПБГУ

СПбГУ

Провинция 1919/20

СІМІТ

ОТДѢЛЪ

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

*1. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ теченіе іюля мѣсяца 1860 года.**1) О взысканіяхъ за несвоевременное производство слѣдствій по порубкамъ лѣса.*

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра государственныхъ имуществъ о дополненіи 1031 и 1037 статей уложенія о наказаніяхъ, опредѣляющихъ взысканія за несвоевременное производство слѣдствій по порубкамъ лѣса, *миліиэмъ положилъ*: дополнить означенныя статьи, изложивъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

1, Ст. 1031: Если, по упущенію лѣснаго чиновника или земскаго суда, слѣдствіе о порубкѣ или лѣсномъ пожарѣ, и

вообще о лѣсоистребленіи, не было произведено въ теченіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ, и самовольные порубщики или виновные въ учиненіи пожара и вообще какого-либо лѣсоистребленія потомъ не будутъ найдены, то слѣдующее за порубку или за происшедшій отъ пожара и лѣсоистребленія убытокъ, денежное взысканіе, обращается на виновныхъ въ непроизведеніи слѣдствія.

2, Ст. 1037: Полѣсовщики, сверхъ того, отвѣтствуютъ за причиненные казнѣ пожаромъ убытки, или же участвуютъ въ платежѣ сего вознагражденія, буде неоткрытіе виновныхъ послѣдовало не отъ одной ихъ вины, но и отъ неначатія въ свое время слѣдствій лѣсными чиновниками и земскимъ судомъ.

Мнѣніе сіе Высочайше утверждено 12-го іюня и обнародовано 13-го іюля 1860 года.

2) *О новыхъ формахъ купчей крѣпости на имѣнія, продаваемые въ кредитныхъ установленіяхъ.*

Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра финансовъ о новыхъ формахъ купчей крѣпости на продаваемые въ кредитныхъ установленіяхъ просроченныя населенныя имѣнія и свидѣтельства на залогъ населенныхъ имѣній, согласно съ заключеніемъ его, министра, *мнѣніемъ положилъ*: I., Въ замѣнъ помѣщенныхъ въ приложеніяхъ къ статьѣ 1505-й зак. гражд. (св. зак. изд. 1857 г. тома X ч. I-й) и къ статьѣ 505 устав. кредит. устан. (св. зак. изд. 1857 г. т. XI ч. II) формъ купчихъ крѣпостей на продаваемые съ публичнаго торга въ кредитныхъ установленіяхъ, заложенныя въ оныхъ недвижимыя населенныя имѣнія, издать слѣдующую новую форму купчей крѣпости: 18 . . года, мѣсяца и дня, такое-то кредитное установленіе, на основаніи своего устава, продало съ публичнаго торга такому-то (звание или чинъ, имя,

отчество и фамилія), состоявшее въ залогъ сего установленія недвижимое населенное имѣніе такого-то или такой-то (званіе или чинъ, имя, отчество и фамилія заемщика), находящееся въ такой-то губерніи, въ такомъ-то уѣздѣ, или въ такихъ-то губерніяхъ и уѣздахъ, село или села такія-то, или же деревню или деревни такія-то, или село такое-то съ деревнями такими-то. Имѣніе это, по свидѣтельству такой-то палаты гражданскаго суда, отъ такого-то дня, мѣсяца и года, за такимъ-то №., принято было такимъ-то кредитнымъ установленіемъ въ залогъ за выданную изъ онаго такому-то или такой-то (званіе или чинъ, имя, отчество и фамилія) такого-то года, мѣсяца и дня, на столько-то лѣтъ, ссуду 0000 рублей. Продажа сего имѣнія, за неплатежъ таковой ссуды, произведена по описи оному, составленной тогда-то и доставленной такому-то кредитному установленію тогда-то отъ такого-то губернскаго правленія: 1, со всѣми землями, лѣсами, водами и всякаго рода угодьями, къ тому имѣнію принадлежащими по дачамъ, переписнымъ и отказнымъ книгамъ, по планамъ и книгамъ межевымъ и по всякимъ крѣпостямъ, какъ безспорнымъ, такъ и спорнымъ (если есть спорныя и значатся такими въ описи имѣнія) мѣрою всей земли удобной и неудобной столько-то десятинъ и сажень; 2, съ господскими домами (если они есть) и со всѣми другими строеніями, къ имѣнію принадлежащими, рыбными ловлями и другими заведеніями (при чемъ особенно поименовать фабрики и заводы, если они состоятъ въ имѣніи). А въ поименованныхъ селѣ и деревняхъ (означается порознь по каждой деревнѣ) состоитъ по послѣдней N ревизіи дворовыхъ людей мужскаго пола столько-то и женскаго столько-то, крестьянъ мужскаго пола столько-то и женскаго столько-то. Прилежащими къ сему селу и деревнямъ почитаются, какъ всѣ отъ тѣхъ крестьянъ и дворовыхъ людей послѣ ревизіи родившіеся мужскаго и женскаго пола, а равно приемыши и подкидыши, такъ и всѣ, послѣ ревизіи изъ другихъ мѣстъ

въ тѣ деревни законнымъ образомъ переселившіеся и причисленные (если есть такіе) и отлучившіеся изъ имѣнія безъ надлежащаго разрѣшенія.— Съ помянутой описи ему (или ей) такому-то (или такой-то) выдана засвидѣствованная, скрѣпленная по листамъ и прошнурованная копія. За означенное недвижимое имѣніе такое-то кредитное установленіе взято съ такого-то (или такой-то) столько-то рублей; почему и представляется ему (или ей) право вступить во владѣніе купленнымъ имѣніемъ по сей купчей крѣпости. II, помѣщенную въ приложеніи къ статьѣ 324-й (№ 6) устава кред. установ. (св. зак. изд. 1857 г. т. XI ч. II) форму свидѣтельства для представленія въ залогъ недвижимаго населеннаго имѣнія замѣнить слѣдующею новою формою: губерніи N палата гражданскаго суда, по удостовѣренію о недвижимомъ имѣніи просителя N, доставшемся ему или по наслѣдству послѣ N (или отъ N по купчей, духовному завѣщанію, дарственной записи, рянной и проч.) что въ собственномъ его владѣніи состоитъ въ N уѣздѣ село N или деревня N; или села и деревни и при ономъ (или при оныхъ) земли порознь къ каждому или (если она состоитъ въ одной окружной межѣ) совокупно находящейся, въ единственномъ или же въ чрезполосномъ владѣніи: пашенной 000 десятинъ, подъ сѣнными покосами 000 десятинъ, лѣсу строеваго или дровазнаго или того и другаго вмѣстѣ 000 десятинъ, подъ поселеніемъ 000 десятинъ, всего же столько-то десятинъ, въ томъ числѣ удобной 00 десятинъ, неудобной 00 десятинъ; что при имѣніи селъ числится людей дворовыхъ 00, крестьянъ въ деревнѣ N столько-то, въ деревнѣ N столько-то; а всего по послѣдней N ревизіи дворовыхъ столько-то и крестьянъ мужескаго пола столько-то; что при селѣ или деревнѣ N устроена фабрика или заводъ, также господское строеніе (здѣсь писать и прочія особія заведенія, буде есть; что спорозъ, на сіе имѣніе, по какимъ-либо искамъ, указаго ареста и запрещенія нѣтъ (или исковъ по N N актамъ, предъ-

явленнымъ въ N мѣсто, состоитъ капитала 000 руб. и процентовъ 00 рублей серебромъ, или споровъ предъявлено въ N мѣсто на такое-то количество земли такого-то качества, казенной недомки не числится или же числится по такому-то мѣсту за N половину 000 года 000 рублей, или запрещеніе, наложенное по займу изъ такого-то установленія N года, мѣсяца и числа 000 рублей, или по требованію такого-то присутственнаго мѣста по поставкѣ N или подряду N 000 рублей или по такому-то взысканію казенному 000 рублей, или по такому-то частному долгу 000 рублей) — даетъ въ томъ же свидѣтельство, удостоверяющее въ благонадежности залога при займѣ подъ сіе имѣніе. Въ концѣ означается годъ, мѣсяцъ и число выдачи свидѣтельства, и за тѣмъ слѣдуютъ подписи присутствующихъ палаты и скрѣпа секретаря и надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ. *Примѣчаніе.* Сообразно сей формѣ писать свидѣтельства и для имѣній, представляемыхъ въ залогъ по питейнымъ откупамъ и казеннымъ подрядамъ и поставкамъ.

Имѣніе сіе Высочайше утверждено 18-го іюня и обнародовано 18-го іюля 1860 года.

3) *Объ устройствѣ ссыльныхъ евреевъ въ Сибири.*

Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра государственныхъ имуществъ объ устройствѣ ссыльныхъ евреевъ въ Сибири, согласно съ заключеніемъ его, министра, *мнѣніемъ положилъ:* I., Въ измѣненіе статей 872, 873, 874 устава о ссыльныхъ (св. зак. изд. 1857 г. т. XIV) постановить: 1., Евреи, ссылаемые въ Сибирь, а равно и осужденные въ каторжную работу, по окончаніи срока сей работы, поселяются не отдѣльными селеніями, а въ деревняхъ старожиловъ, въ мѣстахъ по назначенію главнаго начальства Сибири. 2., Дѣти означенныхъ евреевъ, въ томъ числѣ и сыновья

ихъ, уволенные изъ кантонистовъ, оставляются при родителяхъ. II., Статьи 263 устава о ссыльныхъ (св. зак. изд. 1857 г. Т. XIV) и 729 того же устава св. зак. изд. 1857 г. Т. XIV прод. III № 3-й) дополнить слѣдующимъ *примѣчаніемъ*: «Евреевъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, запрещается поселять на стоверстномъ разстояніи отъ Китайской границы и вообще отъ границъ съ неподвластными Россіи народами». III., Для предупрежденія непомѣрнаго умноженія числа евреевъ въ Сибири, прекратить ссылку ихъ туда на водвореніе въ замѣнъ продолжительнаго заключенія въ арестантскихъ ротахъ и рабочихъ домахъ, вмѣнивъ судебнымъ мѣстамъ въ обязанность постановлять приговоры о евреяхъ—преступникахъ на основаніи общихъ правилъ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, не принимая, въ отношеніи къ симъ евреямъ, тѣхъ временныхъ мѣръ, которыя, впродъ до лучшаго устройства мѣстъ заключенія, нынѣ допускаются въ отношеніи прочихъ преступниковъ.

Мнѣніе сіе Высочайше утверждено 12-го іюня и обнародовано 19-го іюля 1860 года.

II. Высочайшій Именной указъ, данный Провителю Сенату.

Объ имѣніи жены майора Черепановой.

Списходя на всеподданнѣйшее прошеніе жены отставнаго майора Конкордіи Черепановой, урожденной Шидловской, Всемилостивѣйше дозволяемъ: принадлежащее ей родовое имѣніе, состоящее Воронежской губерніи Бирюченскаго уѣзда въ слободѣ Шеншиповкѣ, Иваповка тожъ, населенное по 10-й ревизіи 254 мужеска пола крестьянамъ, со всѣми слѣдующими

къ сему имѣнію землями и угодьями, передать, послѣ ея смерти, въ пожизненное владѣніе мужа ея, отставнаго маіора Федора Черепанова, отказавшагося отъ слѣдующей ему изъ сего имѣнія указной части, съ тѣми правами, которыя обыкновенно соединяются съ временнымъ владѣніемъ, безъ права продажи и отчужденія какимъ бы то ни было образомъ чего-либо изъ состава сего имѣнія и съ обязанностію уплачивать лежащіе на ономъ казенные и частные долги. По смерти обоихъ супруговъ, имѣніе это должно поступить къ наслѣдникамъ Черепановой на точномъ основаніи законовъ. Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: **АЛЕКСАНДРЪ.**

11-го Марта 1860 года.

III. Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта.

1) По дѣлу о крѣпостномъ духовномъ завѣщаніи капитанъ-лейтенанта Субботина и по вопросу о вторичной, послѣ смерти завѣщателей, явль крѣпостныхъ духовныхъ завѣщаній (18-го іюня 1860 года).

Ротмистръ Мишинъ и штабсъ-капитанъ Суховиловъ жаловались Правительствующему Сенату на постановленіе Орловской гражданской палаты, которая не приняла къ вторичному засвидѣтельствуванію своему духовное завѣщаніе капитанъ-

лейтенанта Субботина на томъ основаніи, что завѣщаніе сіе было уже засвидѣтельствовано крѣпостнымъ порядкомъ въ Елецкомъ уѣздномъ судѣ, при жизни завѣщателя. По объясненію Мишина и Суховилова, гражданская палата не должна была признавать завѣщаніе Субботина облеченнымъ въ законную форму, но обязана была войти въ разсмотрѣніе вопроса: не пропущенъ ли предъявительницею завѣщанія, женою титулярнаго совѣтника Марією де-Шаріо, срокъ, установленный закономъ для явки завѣщаній.

Изъ дѣла видно, что завѣщаніе Субботина совершено въ пользу де-Шаріо, крѣпостнымъ порядкомъ, въ Елецкомъ уѣздномъ судѣ. По смерти завѣщателя, Марія де-Шаріо введена была Елецкимъ уѣзднымъ судомъ во владѣніе завѣщаннымъ ей имѣніемъ, со взысканіемъ слѣдующихъ по оному пошлинъ. Затѣмъ де-Шаріо представила завѣщаніе для засвидѣльствованія въ Орловскую гражданскую палату, гдѣ и состоялось обжалованное Мишинымъ и Суховиловымъ опредѣленіе.

Государственный Совѣтъ, въ который настоящее дѣло внесено было за разногласіемъ, прежде всего остановился на законодательномъ вопросѣ о вторичной, послѣ смерти завѣщателя, явкѣ крѣпостныхъ духовныхъ завѣщаній. Въ этомъ отношеніи было принято на видъ, что означенный вопросъ еще въ 1857 году возбудилъ особое вниманіе Государственного Совѣта и на основаніи мнѣнія онаго, Высочайше утвержденнаго 20-го мая того же года, потребованы свѣдѣнія о разрѣшеніи подобныхъ настоящему случаевъ отъ С.-Петербургской и Московской палатъ гражданского суда. Изъ этихъ свѣдѣній обнаруживается, что вопросъ сей въ означенныхъ двухъ палатахъ до настоящаго времени разрѣшался совершенно различно: такимъ образомъ въ С.-Петербургской гражданской палатѣ крѣпостныя завѣщанія являлись вторично по смерти завѣщателя, а въ Московской гражданской палатѣ, хотя и бы-

ли прошенія о вторичной явкѣ завѣщаній, но палата сія, не имѣя въ виду закона, который положительно обязывалъ бы дѣлать вторичную явку крѣпостныхъ завѣщаній, отказывала просителямъ, предоставляя имъ предъявлять завѣщанія куда слѣдуетъ для ввода во владѣніе завѣщаннымъ имуществомъ.

Изъ сего видно, что возникшій въ дѣлѣ семь вопросъ требуетъ въ настоящее время положительнаго разрѣшенія для возможнаго прекращенія разнообразныхъ дѣйствій судебныхъ мѣстъ при вторичной явкѣ завѣщаній.

Взаимное соображеніе дѣйствующихъ по сему предмету узаконеній показываетъ, что всѣ завѣщанія, какъ крѣпостныя, такъ и домашнія, отнесены статьею 728-ю т. X ч. I зак. гражд., къ актамъ втораго рода, которые не совершаются, но лишь вносятся въ книгу крѣпостныхъ дѣлъ токмо для явки и засвидѣтельствованія.

По различію завѣщаній крѣпостныхъ и домашнихъ (ст. 1012) установлены два обряда явки сихъ актовъ: первый—явка завѣщанія для засвидѣтельствованія при жизни завѣщателя (ст. 1036) и второй—явка завѣщанія для учиненія распоряженія объ исполненіи по смерти завѣщателя (ст. 1014, 1060, 1061, и 1063).

Существенное различіе сихъ обрядовъ заключается въ томъ, что при явкѣ крѣпостнаго завѣщанія, для засвидѣльствованія при жизни завѣщателя (ст. 1042), не дѣлается никакихъ распоряженій объ исполненіи воли завѣщателя, потому что завѣщаніе, какъ объявленіе воли владѣльца объ имуществѣ, на случай его смерти (ст. 1010), подлежитъ при жизни его измѣненію и самой отмѣнѣ единственно по его усмотрѣнію (ст. 1030 и 1032). Послѣ такой явки завѣщанія для засвидѣльствованія, предоставляемаго какъ гражданскимъ палатамъ, такъ и уѣзднымъ судамъ и всѣмъ мѣстамъ, имъ рав-

нымъ (ст. 1036), духовная возвращается завѣщателю не для исполненія, а для храненія (ст. 1040 и 1043).

Напротивъ того, при явкѣ завѣщанія для исполненія по смерти завѣщателя, духовная его утверждается и возвращается душеприкащику или наслѣднику (ст. 1014, 1060 и 1061) для представленія надлежащему присутственному мѣсту, которое дѣлаетъ уже самое распоряженіе объ исполненіи завѣщанія (ст. 925, 1097), ибо воля завѣщателя по смерти его отмѣнена быть не можетъ.

На совершеніе явки къ исполненію, предоставленной исключительно гражданскимъ палатамъ и мѣстамъ имъ равнымъ назначается особый срокъ (ст. 1063), по истеченіи коего завѣщанія къ явкѣ не принимаются и остаются ничтожными (ст. 1065). Срокъ сей, по точному разуму статей 1063, 1064 и 1065 т. X ч. I зак. гражд., относится въ равной степени къ домашнимъ и крѣпостнымъ завѣщаніямъ, для коихъ въ сихъ статьяхъ не сдѣлано никакого изъятія, а на основаніи статьи 1061-й того же тома отъ совершенія обряда явки завѣщанія не изъяты даже и тѣ крѣпостныя завѣщанія, кои вносятся для храненія въ опекунскій совѣтъ или комитетъ челоуѣколюбиваго общества и слѣдовательно имѣютъ болѣе преимуществъ на признаніе ихъ подлинности.

Изъ сего видно, что вторичная явка завѣщанія по смерти завѣщателя имѣетъ особое значеніе, распространяющееся на всѣ завѣщанія вообще: какъ домашнія, такъ и крѣпостныя. Она служитъ удостовѣреніемъ въ томъ, что воля завѣщателя, выраженная въ засвидѣтельствованномъ при его жизни завѣщаніи, осталась неизмѣнною, что завѣщаніе имъ отмѣнено не было, и что оно должно подлежать исполненію; слѣдовательно вторичная явка составляетъ необходимую предварительную мѣру, которая должна быть исполняема въ отношеніи всѣхъ за-

завѣщаній безъ исключенія, прежде предъявленія оныхъ въ надлежащее присутственное мѣсто для исполненія.

Посему Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ выразить въ законѣ положительно правило о необходимости вторичной явки по смерти завѣщателя духовной, засвидѣтельствованной у крѣпостныхъ дѣлъ при его жизни.

Переходя за сямъ къ разрѣшенію существа настоящаго дѣла о завѣщаніи титулярнаго совѣтника Субботина и принямая во вниманіе, что Марья де-Шаріо, по смерти завѣщателя, крѣпостное духовное завѣщаніе его представила прямо въ уѣздный судъ и, согласно ея ходатайству, была введена во владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ безспорно и такимъ образомъ сама подчинилась тому порядку, который по закону долженъ исполняться уже послѣ явки завѣщанія, Государственный Совѣтъ призналъ, что засимъ вторичное ходатайство той же Марьи де-Шаріо о новой явкѣ таковаго завѣщанія, по которому она уже была введена во владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ, не подлежало удовлетворенію со стороны гражданской палаты.

На основаніи сихъ соображеній Государственный Совѣтъ *милостиво положилъ:*

1., Статью 1060 т. X ч. I св. гражд. зак. изложить въ слѣдующемъ видѣ: домашнія и крѣпостныя завѣщанія по смерти завѣщателя, прежде всякаго по онымъ исполненія, должны быть явлены въ гражданской палатѣ или въ присутственномъ мѣстѣ, ей равномъ, въ положенный срокъ.

2., Принесенную Мшшными и Суховиловымъ жалобу на распоряженіе Орловской гражданской палаты, по дѣлу сему послѣдовавшее, оставить безъ послѣдствій.

2) По дѣлу о духовномъ завѣщаніи вдовы премьеръ-маіора Евлашевой и по возникшему изъ сего дѣла вопросу о непринятіи къ засвидѣтельствуванію завѣщанія, въ коихъ соединены въ одномъ лицѣ подписи переписчика, рукоприкладчика и свидѣтеля (18 іюня 1860 г.).

Послѣ умершей вдовы премьеръ-маіора Евлашевой осталось духовное завѣщаніе, составленное въ пользу дочери чиновника 7 класса дѣвицы Соймоновой.

Завѣщаніе это, писанное духовнымъ отцомъ завѣщательницы, священникомъ Афанасьевымъ, подписано имъ, Афанасьевымъ, какъ переписчикомъ, завѣщательницею Евлашевою и тремя свидѣтелями: имъ же, Афанасьевымъ, отцомъ Соймоновой чиновникомъ 7 класса Соймоновымъ и статскимъ совѣтникомъ княземъ Мещерскимъ.

2-й департаментъ Московской гражданской палаты, принимая во вниманіе, что за исключеніемъ переписчика, священника Афанасьева, завѣщаніе Евлашевой подписано только двумя свидѣтелями, не приняла означеннаго завѣщанія къ засвидѣтельствуванію, но 7 департаментъ Сената, по жалобѣ Соймоновой, предписалъ палатѣ принять завѣщаніе Евлашевой къ явкѣ, буде не встрѣтится къ тому другихъ законныхъ препятствій.

По поступленіи дѣла сего, по всеподданнѣйшимъ жалобамъ родственниковъ Евлашевой, на разсмотрѣніе общаго собранія Правительствующаго Сената, и за послѣдовавшимъ въ общемъ собраніи разногласіемъ, настоящее дѣло представлено было въ Государственный Совѣтъ.

Государственный Совѣтъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, принялъ во вниманіе, что возникшій по оному и возбужденный разномысліе въ Сенатѣ вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли подписямъ переписчика завѣщанія, приложившаго руку и въ качествѣ свидѣтеля, придавать значеніе двухъ отдѣльныхъ подписей,

неоднократно возникалъ въ судебной практикѣ и возбуждалъ недоумѣніе и что потому необходимо пояснить сей вопросъ для прекращенія на будущее время разнообразныхъ по сему предмету дѣйствій судебныхъ мѣстъ.

На точномъ основаніи статей 1048 и 1081 т. X ч. I зак. гражд., для дѣйствительности завѣщанія требуется: 1, подпись завѣщателя или рукоприкладчика за него; 2, подпись переписчика и 3, подпись двухъ или трехъ свидѣтелей, то есть подписи четырехъ или пяти отдѣльныхъ лицъ. Подпись и показаніе cadaго изъ нихъ имѣютъ свое самостоятельное значеніе: завѣщатель, призывая ихъ къ свидѣтельству, дѣлаетъ порученіе каждому особо и потому каждый свидѣтель, составляя отдѣльное, способное къ свидѣтельству лицо, отвѣчаетъ за себя отдѣльно. Отдѣльность переписчика, рукоприкладчика завѣщателя и cadaго изъ свидѣтелей служитъ весьма важнымъ препятствіемъ къ подлогамъ. Посему для устраненія на будущее время всякаго недоразумѣнія въ истинномъ смыслѣ вышеозначеннаго вопроса, относящагося до совершенія духовныхъ завѣщаній, Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ выразить въ законѣ положительно, что всякое соединеніе въ одномъ лицѣ переписчика завѣщанія и рукоприкладчика за завѣщателя и свидѣтелей рѣшительно воспрещается.

Обращаясь затѣмъ къ разрѣшенію существа дѣла о духовномъ завѣщаніи Евлашевой, Государственный Совѣтъ нашелъ, что вышеизложеннаго правила до настоящаго времени положительно въ законѣ выражено не было и потому возникшій въ этомъ дѣлѣ вопросъ постоянно возбуждалъ на практикѣ недоумѣнія и сомнѣнія, а какъ случаи сомнѣнія слѣдуетъ объяснять въ пользу исполненія воли завѣщателя, то нынѣ надлежитъ, не распространяя вышеизложеннаго объясненія на прежнія завѣщанія, принять завѣщаніе Евлашевой къ засвидѣтельствуванію, буде не встрѣтятся къ тому другихъ законныхъ препятствій.

Посему Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

1, Предписать 2-му департаменту Московской гражданской палаты принять завѣщаніе Евлашевой къ засвидѣтельствуванію, если не встрѣтится къ тому какого либо законнаго препятствія, и

2, Въ примѣчаніи къ статьѣ 1048 т. X ч. I св. гражд. зак. пояснить, что соединеніе въ одномъ лицѣ переписчика, рукоприкладчика завѣщателя и свидѣтеля воспрещается и на семь основаніи переписчикъ завѣщанія не можетъ быть ни рукоприкладчикомъ за завѣщателя, и свидѣтелемъ при завѣщаніи, ниже рукоприкладчикомъ за свидѣтеля; равно какъ и рукоприкладчикъ за завѣщателя не можетъ быть свидѣтелемъ при завѣщаніи или рукоприкладчикомъ за свидѣтеля.

ОТДѢЛЪ II

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ПО МИНИСТЕРСТВУ ЮСТИЦІИ.

- 1) *По предмету введенія въ дѣйствіе новаго положенія о судебныхъ слѣдователяхъ.*

Именнымъ Высочайшимъ его императорскаго величества указомъ 8-го іюня сего года, опубликованнымъ въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 16-го іюня повелѣно: въ 44-хъ губерніяхъ, образованныхъ на общемъ основаніи, отдѣлить нынѣ же слѣдственную часть отъ полиціи, назначивъ въ указанныя губерніи, для производства формальныхъ слѣдствій, особыхъ, подвѣдомственныхъ министерству юстиціи судебныхъ слѣдователей.

При этомъ, въ означенномъ Именномъ указѣ и особомъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденномъ тогоже 8-го іюня, между прочимъ, постановлено:

1., Распредѣленіе судебныхъ слѣдователей по губерніямъ и уѣздамъ, соотвѣтственно количеству слѣдственныхъ дѣлъ, производящихся въ каждомъ уѣздѣ, предоставить министру юстиціи по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы новый порядокъ производства слѣдствій былъ вводимъ въ дѣйствіе постепенно по мѣрѣ опредѣленія судебныхъ слѣдователей, оставляя окончаніе слѣдствій, начатыхъ до введенія сего порядка, на обязанности мѣстной полиціи на существующихъ основаніяхъ.

и 2., Предоставить министру юстиціи дать на первый разъ разрѣшеніе гг. начальникамъ губерній допускать избранныхъ ими, по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ, лицъ къ управленію этой должности прежде утвержденія ихъ министромъ юстиціи, доводя о томъ до его свѣдѣнія.

Въ самомъ же учрежденіи судебныхъ слѣдователей въ статьяхъ 7-ой и 8-ой сказано, что назначеніе каждому слѣдователю его участка, мѣстопребыванія и самое измѣненіе сихъ участковъ, въ случаѣ необходимости, дѣлается губернаторомъ, по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ.

Озабочиваясь скорѣйшимъ и самымъ точнымъ исполненіемъ вышеозначенной Высочайшей ево императорскаго величества воли, управляющій министерствомъ юстиціи препроводилъ къ начальникамъ губерній одобренное какъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, такъ и министерствомъ юстиціи, общее росписаніе числа слѣдователей, распредѣляемыхъ по каждой губерніи и уѣзду, съ просьбою о назначеніи, въ возможно непродолжительномъ времени, надлежащаго числа судебныхъ слѣдователей изъ лицъ, по преимуществу окончившихъ курсъ наукъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и практически знакомыхъ съ судебными дѣлами.

— 101 —

ОБЩЕЕ РОСПИСАНІЕ СУДЕБНЫХЪ СЛѢДОВАТЕЛЕЙ ПО ГУБЕР-
НІЯМЪ И УѢЗДАМЪ.

I. Архангельская губернія. Уѣзды: Архангельскій—2, Холмогорскій—1, Пинежскій—1, Шенкурскій—1, Опежскій—1, Мезенскій—1, Кемскій—1, итого 8.

II. Астраханская. Уѣзды: Астраханскій—3, Черноярскій—1, Красноярскій—1, Енотаевскій—1, Царевскій—2, итого 8.

III. Виленская. Уѣзды: Виленскій—6, Опшмянскій—3, Свенцянский—2, Троцкскій—3, Дисненскій—2, Вилейскій—2, Лидскій—2, итого 20.

IV. Витебская. Уѣзды: Витебскій—3, Городецкій—1, Суражскій—1, Велижскій—1, Полоцкскій—1, Лепельскій—1, Невельскій—1, Дризенскій—1, Себежскій—1, Люцинскій—1, Рѣжцкскій—1, Динабургскій—2, итого 15.

V. Владимірская. Уѣзды: Владимірскій—3, Суздальскій—2, Шуйскій—3, Юрьевскій—1, Переяславскій—2, Александровскій—2, Покровскій—1, Судогодскій—1, Муромскій—1, Мелепковскій—2, Вязпиковскій—1, Гороховскій—1, Ковровскій—2, итого 22.

VI. Вологодская. Уѣзды: Вологодскій—3, Грязовецкскій—2, Кадинковскій—1, Вельскій—1, Тотемскій—2, Устюжскій—2, Сольвычегодскій—1, Никольскій—2, Яренскій—1, Усть-сы-
сольскій—1, итого 16.

VII. Волынская. Уѣзды: Житомирскій—5, Новградъ-во-
лыньскій—3, Овручскій—1, Староконстантиновскій—1, Кре-

менецкій—2, Дубенскій—2, Острожскій—1, Луцкій—2, Заславскій—2, Владимірскій—2, Ровенскій—2; Ковельскій—1, итого 24.

VIII. Воронежская. Уѣзды: Воронежскій—5, Задонскій—2, Землянскій—2, Нижнедѣвицкій—2, Бобровскій—2, Павловскій—2, Бирюченскій—2, Валуйскій—2, Коротоякскій—2, Острогожскій—2, Богучарскій—3, Новохоперскій—2, итого 28.

IX. Вятская. Уѣзды: Вятскій—3, Орловскій—2, Котельническій—2, Яранскій—2, Нолинскій—2, Уржумскій—2, Малмыжскій—3, Елабужскій—2, Сарапульскій—3, Слободскій—3, Глазовскій—3, итого 27.

X. Гродненская. Уѣзды: Гродненскій—2, Волковыскій—1, Пружанскій—1, Слонимскій—1, Кобринскій—1, Брестскій—2, Бѣльскій—2, Бѣлостокскій и Сокольскій—4, итого 14.

XI. Екатеринославская. Уѣзды: Екатеринославскій—3, Верхнедѣпровскій—2, Новомосковскій—2, Павлоградскій—2, Бахмутскій—2, Славяносербскій—2, Ростовскій—3, Александровскій—4, итого 22.

XII. Казанская. Уѣзды: Казанскій—6, Свияжскій—2, Цивильскій—2, Чебоксарскій—2, Козмодемьянскій—2, Ядринскій—1, Царевококшайскій—2, Мамадышскій—2, Чистопольскій—3, Ланшевскій—2, Спасскій—2, Тетюшскій—2, итого 28.

XIII. Калужская. Уѣзды: Калужскій—2, Малоярославецкій—1, Мосальскій—1, Боровскій—1, Лихвинскій—1, Тарусскій—1, Жиздринскій—3, Перемышльскій—1, Медынскій—2, Мещевскій—1, Козельскій—1, итого 15.

XIV. Кіевская. Уѣзды: Кіевскій—9, Васильковскій—2, Каневскій—2, Черкасскій—2, Чигиринскій—2, Звенигородскій—1, Таращанскій—2, Радомысльскій—3, Сквирскій—2, Бердичевскій—3, Липовецкій—2, Уманскій—2, итого 32.

XV. Ковенская. Уѣзды: Ковенскій—4, Вилькомирскій—1, Россіенскій—4, Поневѣжскій—2, Тельшевскій—3, Шавельскій—3, Ново-александровскій—3, итого 20.

XVI. Костромская. Уѣзды: Костромской—4, Нерехтский—2, Кинешемский—2, Юрьевецкий—2, Буйский—1, Галичский—1, Солигаличский—1, Чухломский—1, Кологривский—1, Макарьевский—2, Варнавинский—1, Ветлужский—2, итого 20.

XVII. Курская. Уѣзды: Курский—4, Обоянский—3, Бѣлгородский—2, Корочанский—2, Суджанский—2, Львовский—1, Рыльский—3, Путивльский—2, Дмитриевский—2, Фатежский—3, Щигровский—3, Тямский—1, Старооскольский—2, Новооскольский—2, Грайворонский—3, итого 35.

XVIII. Минская. Уѣзды: Минский—3, Борисовский—2, Игуменский—1, Бобруйский—2, Рѣчицкий—2, Мозырский—1, Слуцкий—1, Пинский—1, Новогрудский—2, итого 15.

XIX. Могилевская. Уѣзды: Могилевский—3, Копыльский—1, Оршанский—2, Сѣннинский—1, Быховский—1, Рогачевский—1, Гомельский—1, Чаусовский—1, Чериковский—1, Мстиславский—1, Клімовицкий—1, итого 14.

XX. Московская. Уѣзды: Московский—3, Богородский—2, Бронницкий—2, Верейский—1, Волоколамский—1, Дмитровский—2, Звенигородский—2, Клинский—2, Коломенский—2, Можайский—1, Подольский—2, Рузский—1, Серпуховский—2, итого 23.

XXI. Нижегородская. Уѣзды: Нижегородский—7, Арзамасский—2, Балахнинский—3, Васильский—2, Ардатовский—3, Горбатовский—2, Семеновский—3, Княгининский—2, Макарьевский—2, Лукояновский—2, Сергачский—2, итого 30.

XXII. Новгородская. Уѣзды: Новгородский—5, Крестецкий—2, Вадацкий—1, Демянский—3, Боровичский—2, Тихвинский—2, Устюжский—1, Череповский—2, Кириловский—1, Бѣлозерский—1, Старорусский—1, итого 21.

XXIII. Олонецкая. Уѣзды: Петрозаводский—1, Олонецкий—1, Лодейнопольский—1, Вытегорский—2, Каргопольский—2, Пудожский—1, Повѣнецкий—1, итого 9.

XXIV. Оренбургская. Уезды: Уфимскій—5, Оренбургскій—4, Мензелинскій—4, Челябинскій—3, Троицкій—1, Бирскій—2, Стерлитамакскій—2, Верхнеуральскій—1, Белебеевскій—3, итого 25.

XXV. Орловская. Уезды: Орловскій—4, Болховскій—1, Брянскій—2, Дмитровскій—1, Елецкій—2, Карачевскій—2, Кромскій—2, Ливенскій—2, Малоархангельскій—2, Мценскій—1, Сѣвскій—1, Трубчевскій—2, итого 22.

XXVI. Пензенская. Уезды: Пензенскій—2, Саранскій—1, Инсарскій—2, Краснослободскій—2, Нижнеомовскій—2, Наровчатскій—2, Керенскій—1, Чембарскій—2, Мокшанскій—1, Городищенскій—2, итого 17.

XXVII. Пермская. Уезды: Пермскій—4, Кунгурскій—3, Красноуфимскій—2, Осинскій—3, Оханскій—3, Соликамскій—1, Чердынскій—1, Екатеринбургскій—3, Шадринскій—3, Камышловскій—3, Ирбитскій—2, Верхотурскій—2, итого 30.

XXVIII. Подольская. Уезды: Каменецкій—3, Проскуровскій—1, Летичевскій—1, Лѣтинскій—1, Винницкій—3, Брацлавскій—3, Гайсинскій—1, Ольгопольскій—2, Балтскій—3, Ямпольскій—2, Могилевскій—3, Ушицкій—2, итого 25.

XXIX. Полтавская. Уезды: Полтавскій—4, Кременчугскій—1, Роменскій—1, Зеньковскій—2, Гадячскій—2, Хорольскій—1, Лубенскій—2, Лохвицкій—2, Миргородскій—1, Пирятинскій—1, Прилуккій—2, Переяславскій—2, Константинопольскій—2, Кобелякскій—1, Золотоношскій—2, итого 26.

XXX. Псковская. Уезды: Псковской—3, Островской—2, Опочецкій—1, Новоржевскій—1, Великолукцкій—1, Торопецкій—1, Холмскій—1, Порховской—2, итого 12.

XXXI. Рязанская. Уезды: Рязанскій—3, Зарайскій—2, Михайловскій—1, Пронскій—1, Скопинскій—1, Данковскій—1, Рапепбургскій—2, Рязкскій—2, Сапожковскій—2, Спасскій—1, Касимовскій—1, Егорьевскій—1, итого 18.

XXXII. *С.-Петербургская. Уѣзды:* С.-Петербургскій—4, Царскосельскій—2, Новолодожскій—2, Лугскій—2, Петергофскій—1, Гдовскій—1, Ямбургскій—1, Шлиссельбургскій—1, итого 14.

XXXIII. *Самарская. Уѣзды:* Самарскій—4, Ставропольскій—2, Бугульминскій—2, Бугурусланскій—3, Бузулукскій—3, Николаевскій—3, Новоузенскій—3, итого 20.

XXXIV. *Саратовская. Уѣзды:* Саратовскій—5, Петровскій—1, Сердобскій—2, Кузнецкій—2, Аткарскій—2, Балашевскій—2, Вольскій—3, Хвалыпскій—3, Камышинско-Царицннскій округъ—3, итого 23.

XXXV. *Симбирская. Уѣзды:* Симбирскій—3, Сенгилѣевскій—2, Сызранскій—3, Корсунскій—2, Алатырскій—2, Курмышскій—2, Ардатовскій—1, Буинскій—1, итого 16.

XXXVI. *Смоленская. Уѣзды:* Смоленскій—4, Ельнинскій—1, Духовщинскій—1, Краснинскій—2, Порѣчскій—2, Рославльскій—2, Дорогобужскій—1, Вяземскій—2, Гжатскій—2, Сычевскій—1, Юхновскій—1, Бѣльскій—2, итого 21.

XXXVII. *Таврическая. Уѣзды:* Симферопольскій—5, Евпаторійскій—1, Феодосійскій—3, Ялтинскій—1, Перекопскій—1, Дибровскій—1, Мелитопольскій—2, Бердянскій—3, итого 17.

XXXVIII. *Тамбовская. Уѣзды:* Тамбовскій—5, Козловскій—3, Липецкій—2, Лебедянскій—2, Уманскій—1, Моршанскій—5, Шацкій—2, Елатомскій—2, Спасскій—2, Темниковскій—2, Борисоглѣбскій—2, Кирсановскій—3, итого 31.

XXXIX. *Тверская. Уѣзды:* Тверской—3, Бѣжецкій—1, Весьегопскій—1, Вышневолоцкій—3, Зубцовскій—2, Калязинскій—1, Капшинскій—1, Корчевскій—1, Новоторжскій—2, Осташковскій—1, Ржевскій—1, Старицкій—2, итого 19.

XL. Тульская. Уѣзды: Тульскій—4, Алексинскій—1, Каширскій—1, Веневскій—1, Епифанскій—1, Ефремовскій—1, Богородицкій—1, Новосильскій—1, Черпскій—1, Крапивинскій—1, Одоевскій—1, Бѣлевскій—1, итого 15.

XLI. Харьковская. Уѣзды: Харьковскій—4, Ахтырскій—2, Богодуховскій—1, Валковскій—1, Волчанскій—1, Зміевскій—2, Изюмскій—2, Купянскій—1, Лебединскій—2, Сумскій—2, Старобѣльскій—2, итого 20.

XLII. Херсонская. Уѣзды: Херсонскій—5, Одесскій—2, Тираспольской—2, Анапьевскій—2, Бобринецкій—2, Александрійскій—2, итого 15.

XLIII. Черниговская. Уѣзды: Черниговскій—2, Нѣжинскій—2, Глуховскій—2, Новгородсѣверскій—1, Стародубскій—2, Новозыбковскій—2, Сосницкій—3, Борзенскій—2, Конотопскій—1, Кролевецкій—2, Козелецкій—2, Остерскій—3, Городницкій—2, Мглинскій—1, Суражскій—2, итого 29.

XLIV. Ярославская. Уѣзды: Ярославскій—4, Ростовскій—3, Рыбинскій—2, Угличскій—2, Мышкинскій—1, Мологскій—1, Любимскій—1, Даниловскій—2, Пошехонскій—2, Романовъ—Борисоглѣбскій—1, итого 19.

Всего 900.

Примѣчаніе. Вѣдомство судебныхъ слѣдователей, назначенныхъ въ уѣзды губернскихъ городовъ, распространяется, какъ на уѣздъ, такъ и на самый губернский городъ, за исключеніемъ лишь двухъ столичныхъ городовъ и городовъ градоначальствъ.

Подлинное подписали: Министръ Внутреннихъ дѣлъ С. Ланской. Управляющій Министерствомъ Юстиціи Д. Замятинъ.

2) О предупрежденіи замедленія дѣлъ справками.

Коммисія, учрежденная по Высочайшему повелѣнію для разсмотрѣнія отчета Министерства Юстиціи за 1858 г., обратила вниманіе на значительное число дѣлъ, останавливающихся за справками, и потому полагала: впредь до имѣющихся въ виду коренныхъ преобразованій въ нашемъ судопроизводствѣ поручить Министерству Юстиціи обратить особенное вниманіе и стараться отвратить это вредное для тяжущихся и подсудимыхъ послѣдствіе чрезъ надлежащія инструкціи оберъ-прокурорамъ, прокурорамъ и стряпчимъ.

На журналѣ коммисіи по сему предмету собственною его императорскаго величества рукою написано: *дѣльно.*

Во исполненіе сего составлены въ Министерствѣ Юстиціи и разосланы по принадлежности слѣдующія инструкціи о предупрежденіи замедленія дѣлъ излишними справками:

А) *Инструкція оберъ-прокурорамъ Правительствующаго Сената.*

1, Гг. оберъ-прокурорамъ Правительствующаго Сената поручается обращать постоянное бдительное и особенное вниманіе на всѣ тѣ дѣла Правительствующаго Сената, которыя не могутъ получить окончательнаго разрѣшенія по недостатку имѣющихся въ нихъ свѣдѣній или потому, что не получены еще въ Правительствующемъ Сенатѣ требуемые закономъ отзывы и заключенія разныхъ лицъ или присутственныхъ мѣстъ.

Вслѣдствіе сего гг. оберъ-прокурорамъ вмѣняется въ особенную обязанность неупустительно слѣдить за дѣйствіями канцелярій по сему предмету и подвергать строжайшему взысканію виновныхъ въ несоблюденіи предписанныхъ, въ семъ отношеніи, постановленій и кромѣ того руководствоваться слѣдующими правилами:

2, Гг. оберъ-прокуроры обязаны наблюдать, чтобы всё дѣла, поступающія въ Правительствующій Сенатъ, немедленно подвергаемы были подробному разсмотрѣнію, дабы привести въ положительную ясность и извѣстность всё недостатки вступившаго дѣла и всё тѣ свѣдѣнія, которыми оно должно быть дополнено. За тѣмъ всё сіи свѣдѣнія должны быть требуемы отъ надлежащихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ одновременно. Разновременность требуемыхъ справокъ и свѣдѣній можетъ быть оправдана только крайнею и неизбѣжною необходимостію.

3, Если разновременность требуемыхъ свѣдѣній послѣдуетъ не по необходимости, а по упущенію дѣлопроизводителя, первоначально разсматривавшаго дѣло, то сей послѣдній долженъ быть подвергнутъ за это надлежащему взысканію.

4, Одновременно съ докладомъ Правительствующему Сенату о необходимыхъ свѣдѣніяхъ или даже и прежде сего, оберъ-секретари должны требовать всё тѣ справки, которыхъ требованіе закономъ возлагается на нихъ лично. Гг. оберъ-прокуроры обязаны слѣдить, чтобы правило сіе исполняемо было ими въ точности.

5, Если свѣдѣнія требуются изъ губернскихъ или уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, то въ важныхъ случаяхъ или когда можно ожидать замедленія дѣла отъ несвоевременнаго доставленія свѣдѣнія, гг. оберъ-прокуроры обязаны предлагать Правительствующему Сенату вмѣстѣ съ тѣмъ представлять начальникамъ губерній и губернскимъ прокурорамъ слѣдить за педопущеніемъ медленности присутственными мѣстами или должностными лицами, отъ которыхъ свѣдѣнія потребованы.

6, Если бы послѣ сего губернскіе прокуроры показали слабость въ наблюденіи за исполненіемъ указовъ Сената, то гг. оберъ-прокуроры обязаны сообщать объ этомъ Министерству Юстиціи на распоряженіе.

7, Гг. оберъ-прокуроры обязаны наблюдать, чтобы по дѣламъ, по которымъ чинимы были неоднократныя подтвержденія, о семъ непремѣнно прописываемо было въ опредѣленіи (ст. 188 учр. Сен.)

8, Гг. оберъ-прокуроры обязаны принимать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, дабы низшія присутственныя мѣста и должностныя лица, доставляющія Сенату свѣдѣнія неполныя и невѣрныя и вынуждающія этимъ вторичныя требованія, непремѣнно подвергаемы были за сіе взысканію.

9, Въ особенности по дѣламъ уголовнымъ гг. оберъ-прокуроры обязаны наблюдать, чтобы не требуемы были свѣдѣнія закономъ именно не предписанныя, а только тѣ, которыя необходимы для приведенія имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ въ полную ясность.

10, Гг. оберъ-прокуроры обязаны обращать вниманіе на то, чтобы при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ Правительствующимъ Сенатомъ непремѣнно соблюдаема была 447 ст. законовъ о судопр. по прест. и прост., т. е. обращаемо было строгое вниманіе на движеніе, которое получили дѣла въ судебныхъ мѣстахъ низшихъ степеней, и подвергаемы были взысканію виновные въ замедленіи хода дѣла не пужными дополненіями или излишними справками.

11, По гражданскимъ дѣламъ гг. оберъ-прокурорамъ вмѣняется въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы при разсмотрѣніи сихъ дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ были требуемы только тѣ справки и свѣдѣнія, которыя по закону требуютъ надлежить, а такъ какъ на основаніи закона (ст. 441 зак. о судопр. гражд.) всѣ потребныя свѣдѣнія и справки по гражданскимъ дѣламъ собираются судами низшихъ степеней, и дѣло должно быть представлено въ высшій судъ въ полномъ видѣ (ст. 543), то и слѣдуетъ наблюдать, чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ Сенатъ вынуждается требовать свѣдѣнія, долженствующія уже находиться въ дѣлѣ, в-

повные въ семъ нижніе суды непремѣнно подвергались за это взыскаіію, согласно смыслу ст. 543 судопр. гражд. На основаніи этой же статьи должны подвергаться взыскаіію и суды второй степени, если при разсмотрѣніи дѣла окажется, что они собирали ненужныя свѣдѣнія.

12, Гг. оберъ-прокурорамъ вмѣняется въ особенную обязанность употреблять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для прекращенія требованія излишнихъ справокъ по гражданскимъ дѣламъ. Уменьшеніе числа дѣлъ, останавливающихся въ Правительствующемъ Сенатѣ за справками, будетъ лучшимъ доказательствомъ ихъ бдѣтельности и ревности въ отправленіи своихъ обязанностей.

13, Гг. оберъ-прокуроры наблюдаютъ, чтобы виновные въ несвоевременномъ доставленіи Сенату свѣдѣній подвергались взысканіямъ и чтобы дѣла по жалобамъ и представленіямъ губернскихъ правленій о замедленіи дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ разсматривались со всевозможною строгостію и были по нимъ принимаемы дѣйствительныя предупреждающія мѣры.

Б) Инструкція губернскимъ, областнымъ и другимъ мѣстамъ прокурорамъ.

1, Губернскіе прокуроры обязаны, освѣдомляясь, на основаніи ст. 2485 губ. учр., о теченіи дѣлъ въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, обращать особенное вниманіе на то, чтобы въ судебныхъ мѣстахъ ходъ дѣлъ не былъ замедляемъ собираніемъ излишнихъ справокъ, чтобы губернское правленіе само исполняло и имѣло наблюденіе за своевременнымъ исполненіемъ требованій разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Губернскіе прокуроры постоянно обязаны имѣть въ виду дѣйствія ревизіоннаго стола губернскаго правленія и слѣдить за тѣмъ, чтобы къ поужденію недостающихъ свѣдѣній присутственныхъ мѣстъ были принимаемы мѣры дѣйствительныя.

2. Вниманіе губернскихъ прокуроровъ должно быть обращено на то, чтобы указы Правительствующаго Сената были исполняемы въ возможно скоромъ времени.

3. Для ускоренія хода дѣлъ въ Сенатѣ, Министерствомъ Юстиціи сдѣлано распоряженіе, чтобы при требованіи Правительствующимъ Сенатомъ свѣдѣній изъ губернскихъ или уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ важныхъ случаяхъ или когда можно ожидать замедленія дѣла отъ несвоевременнаго доставленія свѣдѣній, поручаемо было губернскимъ прокурорамъ слѣдить за недопущеніемъ медленности присутственными мѣстами, отъ которыхъ свѣдѣнія потребованы. Если губернскими прокурорами въ этихъ случаяхъ будутъ принимаемы слабыя мѣры наблюденія, то они будутъ подвергаемы строгимъ мѣрамъ взысканія, бдительность же и ревность въ исполненіи этихъ ихъ обязанностей будетъ лучшимъ доказательствомъ ихъ благонадежности и способности къ отправленію главной ихъ обязанности, — повсемѣстнаго наблюденія за законностью дѣйствій присутственныхъ мѣстъ.

4. По уголовнымъ дѣламъ губернскіе прокуроры обязаны наблюдать, чтобы уголовныя палаты, получивъ для ревизіи дѣла, тотчасъ приступали къ ихъ обзору и одновременно требовали всѣ нужныя справки и свѣдѣнія, и заботиться о взысканіи съ нижнихъ судовъ за каждую неполноту дѣла. Кромѣ того не должны быть оставляемы безъ взысканія чиновники канцелярій палатъ за разновременность требованія свѣдѣній, которыя могли бы быть потребованы вмѣстѣ при первоначальномъ обзорѣ дѣла. Прокуроры, по порученію Министерства Юстиціи, обязаны предложить объ этомъ уголовнымъ палатамъ.

5. Губернскіе прокуроры обязаны обращать вниманіе, чтобы палаты возвращали для переслѣдованія дѣла только въ случаяхъ, статью 388 зак. о судопр. по преступ. указаннымъ.

6. По гражданскимъ дѣламъ прокуроры обязаны также слѣдить за единовременнымъ требованіемъ всѣхъ свѣдѣній тот-

часть же послѣ перваго обозрѣнія дѣла въ гражданскихъ палатахъ и за взысканіемъ съ чиновниковъ канцелярій оныхъ въ случаѣ, если разновременность требованія свѣдѣній не оправдывается неизбѣжною необходимостію, о чемъ прокуроры также обязаны, по порученію Министерства Юстиціи, предложить палатамъ.

7, Прокурорамъ вмѣняется въ обязанность употреблять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для прекращенія требованія излишнихъ справокъ по гражданскимъ дѣламъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы подвергаемы были взысканію нижніе суды на основаніи 543 ст. зак. о судопр. гражд. за представленіе дѣлъ въ неполномъ видѣ и за требованіе справокъ и свѣдѣній излишнихъ.

8, Прокуроры должны слѣдить, чтобы принимаемы были самыя строгія мѣры взысканія съ низшихъ судебныхъ мѣстъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ими допущена будетъ такая неправильность въ производствѣ дѣла, которая дѣлаетъ невозможнымъ рѣшеніе опаго палатою и дѣло должно быть возвращаемо для новаго производства.

9, Прокуроры обязаны наблюдать, чтобы присутственныя мѣста и лица, доставляющія свѣдѣнія невѣрныя и неполныя и вынуждающія этимъ требованіе дополнительныхъ свѣдѣній, непременно были подвергаемы за это строгому взысканію.

10, Если мѣры наблюденія, принятія прокурорами для прекращенія требованія излишнихъ справокъ и замедленія дѣлъ отъ псевдоевременнаго оныхъ доставленія, будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ дѣйствительное ускореніе хода дѣлъ, то это въ глазахъ начальства будетъ лучшимъ доказательствомъ ихъ ревности къ службѣ и Министерство Юстиціи будетъ обращать вниманіе на тѣхъ изъ нихъ, которыхъ дѣйствія окажутся успѣшными. Въ тоже время губернскіе прокуроры обязаны наблюдать, чтобы и уѣздными стражцами принимаемы были мѣры наблюденія къ предупрежденію замедленія хода дѣлъ излишними свѣдѣніями.

ми и справками, согласно данной имъ инструкціи, и на тѣхъ изъ нихъ, коихъ дѣйствія окажутся успѣшными, обращали бы вниманіе высшаго губернскаго начальства.

В) Инструкція уѣзднымъ стряпчимъ.

1., Стряпчіе, освѣдомляясь постоянно о теченіи дѣлъ въ уѣздныхъ, городскихъ и окружныхъ присутственныхъ мѣстахъ, обязаны обращать особенное вниманіе на то, чтобы въ судебныхъ мѣстахъ ходъ дѣлъ не былъ замедляемъ собираніемъ излишнихъ справокъ.

2., Стряпчіе обязаны наблюдать, чтобы судебныя мѣста первой степени, по полученіи слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ, немедленно разсматривали его во всей подробности и затѣмъ одновременно требовали всѣ нужныя для дополненія дѣла справки, свѣдѣнія и т. д. Если же стряпчими замѣчено будетъ, что судебныя мѣста требуютъ справки разновременно, то они обязаны доносить объ этомъ по начальству.

3., Стряпчіе обязаны наблюдать, чтобы судебными мѣстами не было требуемо свѣдѣній, въ законѣ именно не указанныхъ, и чтобы при требованіи изъ консисторій справокъ изъ метрическихъ и обыскныхъ книгъ судебныя мѣста указывали на всѣ нужныя и принадлежащія къ выправкѣ подробности (ст. 294 зак. о судопр. по прест. и прост.).

4., Стряпчіе слѣдятъ, чтобы свѣдѣнія судамъ доставляемы были безотлагательно полныя и вѣрныя и въ случаѣ, если неполнота свѣдѣній вынуждаетъ судъ вторично требовать оныхъ, то доносили бы объ этомъ по начальству.

5., По гражданскимъ дѣламъ стряпчіе обязаны наблюдать, чтобы свѣдѣнія и справки требуемы были судами первой степени лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ объ этомъ существуетъ положительное указаніе закона, и притомъ, чтобы при последо-

вательномъ поступленіи въ суды бумагъ по сямъ дѣламъ, по каждой изъ оныхъ требовались единовременно всѣ нужныя свѣдѣнія.

6., Стряпчіе должны слѣдить за тѣмъ, чтобы суды сносились непременно непосредственно съ тѣми мѣстами и лицами, отъ которыхъ имъ нужно имѣть свѣдѣнія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это дозволено закономъ.

7., Стряпчіе обязаны наблюдать за своевременнымъ исполненіемъ городскими и уѣздными присутственными мѣстами предписаній судебныхъ мѣстъ высшихъ степеней и губернскихъ правленій по судебнымъ дѣламъ, дѣлать о скорѣйшемъ исполненіи личныя и письменныя настоянія и доносить по начальству, если исполненіе требованія будетъ замедляемо по бездѣтельности, небрежности и нерадѣнію.

8., Если дѣйствія стряпчихъ, сообразно этой инструкціи, будутъ успѣшны, если имъ удастся постояннымъ надзоромъ ускорить ходъ дѣлъ съ устраненіемъ требованія излишнихъ справокъ и свѣдѣній и постояннымъ настояніемъ ускорить доставленіе свѣдѣній высшимъ судебнымъ мѣстамъ и губернскимъ правленіямъ по судебнымъ дѣламъ, то это будетъ лучшимъ доказательствомъ ревности ихъ къ службѣ. Министерствомъ юстиціи сдѣлано распоряженіе, чтобы губернскіе прокуроры обращали вниманіе начальства на тѣхъ изъ уѣздныхъ стряпчихъ, которые окажутъ въ дѣйствіяхъ по сей инструкціи особое усердіе.

Препровождая къ начальникамъ губерній двѣ послѣднія инструкціи, управляющій министерствомъ юстиціи просилъ ихъ не оставить своимъ вниманіемъ уѣздныхъ стряпчихъ, которые покажутъ особую ревность въ дѣйствіяхъ своихъ согласно данной имъ инструкціи.

ОТДѢЛЪ III.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

(Высоч. прик. отъ 25-го іюля за № 13 и прик. по М-ву Юстиціи отъ 24-го іюля за № 24).

1) ПО ДЕПАРТАМЕНТУ МИНИСТЕРСТВА.

Назначенъ: чиновникъ особыхъ порученій VIII класса при департаментѣ, коллежскій ассесоръ *Берви*—чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при семъ департаментѣ (12 іюля 1860 года).

Опредѣленъ въ службу изъ отставныхъ: надворный совѣтникъ *Лешиновскій*, съ причисленіемъ къ департаменту (13-го іюля 1860 года).

2) ПО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ ВООБЩЕ:

Умершіе исключаются изъ списковъ: сенаторы, тайные совѣтники: *Лубенскій* и *Долгополовъ*.

3) ПО 2-МУ ОТДѢЛЕНІЮ 3-ГО ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА:

Назначенъ: старшій помощникъ секретаря, титулярный совѣтникъ *Деллз*—секретаремъ (7-го іюня 1860 г.).

4) по 1-му отдѣленію 6-го департамента
Правительствующаго Сената:

Назначенъ: старшій помощникъ секретаря, титулярный совѣтникъ *Савостьяновъ* секретаремъ (30 іюня 1860 года).

5) по губернскимъ учрежденіямъ:

Утверждаются по выборамъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шійко*—предсѣдателемъ Полтавской межевой палаты.

Предсѣдатель Орловской палаты уголовнаго суда, статскій совѣтникъ *Оловениковъ*—предсѣдателемъ тамошней палаты гражданскаго суда (12 іюля 1860 года).

Ярославскій совѣстный судья, титулярный совѣтникъ *Карповичъ*—въ той же должности (5-го іюля 1860 года).

Назначены: товарищъ предсѣдателя Волынской палаты уголовнаго суда, статскій совѣтникъ *Зенкевичъ*—Минскимъ губернскимъ прокуроромъ (13-го іюля 1860 года).

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ объявляетъ особенное Монаршее Его Величества благоволеніе, за отчетливое и добросовѣстное исполненіе возложеннаго порученія, въ числѣ прочихъ лицъ, составляющихъ комиссію, учрежденную при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ: сенатору, состоящему при 2-мъ отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи, тайному совѣтнику *Рыпинскому*, какъ члену сей комиссіи со стороны означеннаго отдѣленія, и членамъ той комиссіи отъ министерства юстиціи: оберъ-прокурору 2-го отдѣленія 5 департамента Правительствующаго Сената, дѣйствительному статскому совѣтнику *Стояновскому* и состоящему за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, статскому совѣтнику *Колмакову*.

ОТДѢЛЪ I.

СОННОЕ ОПЪЯНЕНІЕ

КАКЪ ПРИЧИНА НЕВМЪЯЕМОСТИ.

(Schlaftrunkenheit, état neutre entre le sommeil et la veille).

Дѣйствительная жизнь производитъ разнообразныя явленія. Наука должна наблюдать за ними, и, черпая изъ жизни поучительныя примѣры, совершенствоваться постепенно и сообразно съ дѣйствительными потребностями ея. Только при этомъ условіи, наука избѣжитъ опаснаго впаденія въ мечтательныя теоріи, и, будучи плодомъ опытности вѣковъ, какъ мудрость положительная и практическая, станетъ болѣе и болѣе озарять живительнымъ свѣтомъ своимъ разнообразныя и часто хаотическія явленія жизни.—Вотъ истинный путь, по которому наука вообще должна слѣдовать. Тѣмъ болѣе это справедливо въ отношеніи къ наукѣ уголовного права, потому что предметъ ея—междучеловѣческія отношенія. Всѣ выводы, всѣ положенія ея должны основываться на точномъ и внимательномъ изученіи человѣческой природы.

Одинъ изъ такихъ фактовъ, вызванныхъ дѣйствительною жизнію и важныхъ въ отношеніи къ наукѣ, намѣрены мы теперь рассказать, такъ какъ намъ случилось быть близкимъ наблюдателемъ совершенія его. Обстоятельство произошло въ дѣйствительной жизни; уголовное слѣдствіе вызвало его въ область права; намъ хотѣлось бы дать ему жизнь и въ наукѣ, потому что, намъ кажется, оно не должно умирать въ безвѣстности и мракѣ архива.

Вотъ обстоятельства печальнаго дѣла въ томъ видѣ, какъ они представились при первоначальномъ обзорѣни его:

Крестьянинъ И-въ, состоявшій дворникомъ въ домѣ Э-ма, въ одномъ изъ городовъ нашего обширнаго отечества, 24-го августа 1856 года, спалъ одинъ въ дворнической комнатѣ и въ два часа ночи пробужденъ былъ, какъ видно изъ его показанія, сильнымъ стукомъ, происходившимъ въ домѣ. Онъ сталъ прислушиваться и различилъ, что стукъ происходилъ дѣйствительно у нихъ и на одной линіи съ дворническою, въ корридорахъ. Стукъ этотъ сопровождался звукомъ разбитыхъ стеколъ. На И-ва напалъ страхъ. Опомившись нѣсколько, сталъ онъ стучать вверхъ въ потолокъ, но не знаетъ, слышалъ-ли кто этотъ стукъ; тогда ему стало видѣться черезъ окно мельканіе по двору, на землѣ, огня отъ противоположныхъ оконъ квартиры, въ которой проживали двѣ старушки, и у него явилась мысль, что къ нимъ зашли мошенники и губятъ ихъ.—Подъ вліяніемъ этого предположенія, онъ высунулъ головою въ форточку, но увидѣлъ на дворѣ неизвѣстнаго человѣка, который сказалъ ему: «высунь-ка, высунь голову, она слетитъ съ плечъ».—По всѣмъ симъ изложеннымъ И-вымъ обстоятельствамъ никакого при слѣдствіи разъясненія не было сдѣлано; а пменно, не были спрошены: 1-е) жильцы, находящіеся надъ дворнической о томъ, слышали-ли они стукъ, произведенный И-вымъ въ потолокъ? 2-е) хозяинъ и жильцы этого же дома о томъ, происходилъ ли въ немъ стукъ, сопровождавшійся звукомъ стеколъ, о которомъ рассказывалъ И-въ, и не про-

изводилъ ли его кто-нибудь по какой-нибудь независимой отъ этого обстоятельства причинѣ? 3-е) не были спрошены также двѣ старушки, отъ оконъ квартиры которыхъ И-въ видѣлъ мельканіе по землѣ огня, о томъ, ходилъ ли кто-нибудь въ ихъ квартирѣ 24 августа въ 2 часа ночи съ огнемъ или всѣ въ той квартирѣ спали въ это время и огня никакого не было? 4-е) не приведено въ извѣстность, былъ ли въ описываемое время кто-нибудь на дворѣ, кто бы серьезно или въ шутку говорилъ И-ву, когда онъ выглянулъ въ форточку: «высунь-ка, высунь голову, она слетитъ съ плечъ?» 5-е) Далѣе И-въ показывалъ, что онъ, испугавшись еще болѣе, отскочилъ во внутрь комнаты и сталъ кричать: «караулъ!» Съ этой только минуты являются въ дѣлѣ нѣкоторыя подтвержденія показанія И-ва, ибо каменщики, жившіе въ домѣ Э-ма, крестьяне, въ числѣ 8-ми человекъ, подъ присягою показали, что они были пробуждены дикимъ крикомъ И-ва, на который они и побѣжали къ дворнической, и одинъ изъ нихъ, К-нъ, что первымъ бросился туда товарищъ ихъ Леонтій П-нъ. Пока это происходило у каменщиковъ, И-въ, какъ видно изъ его же показанія, не видя помощи, кликнулъ по имени каменщика Г-ма, который будтобы ему откликнулся. Дѣйствительно ли это произошло, черезъ спросъ по сему предмету каменщика Г-ма также не приведено въ извѣстность; и не спрошены прочіе каменщики о томъ, точно ли И-въ побѣжалъ первымъ на крикъ И-ва? 6-е) Разсматривая далѣе показаніе И-ва, видно, что онъ, ободрившись откликомъ Г-ма, взялъ топоръ, одѣлся и вышелъ на дворъ. Но здѣсь, увидя бѣгущаго къ нему на встрѣчу человека съ камнемъ въ рукѣ (какъ оказалось въ послѣдствіи, каменщика П-на, по показанію одного изъ товарищей его побѣжавшаго первымъ на помощь къ И-ву вслѣдствіе его крика), счелъ его за того самаго, котораго видѣлъ въ форточку и ударилъ остриемъ топора по лбу. Человеку этотъ завертѣлся и камнемъ, которымъ

еще и прежде того замахивался на И-ва, бросилъ въ него, но не попалъ. Былъ ли это тоже бредъ И-ва, или дѣйствительно П-нъ, схватившій можетъ быть камень сначала для защиты И-ва, видя явное нападеніе на себя, сталъ защищаться,—все это осталось неизвѣстнымъ. Послѣ сего, по показанію И-ва, онъ не помнитъ, что сдѣлалъ, но, судя по медицинскому осмотру тѣла П-на, обнаружившему на головѣ его нѣсколько ранъ, нанесенныхъ топоромъ и на верхнемъ лѣвомъ вѣкѣ слѣды, видимому, зубовъ, должно полагать, что И-въ нанесъ еще нѣсколько ударовъ П-ну и былъ съ нимъ въ борьбѣ, но въ такомъ раздраженіи, что и самъ того не помнитъ. П-нъ умеръ черезъ нѣсколько дней въ больницѣ, къ сожалѣнію, безъ допроса объ этомъ происшествіи. Такъ несчастно покончили эти недавніе пріатели (это подтвердилось въ послѣдствіи), но теперь невольные, безсознательные, по взаимной ошибкѣ, враги. Очень вѣроятно, что П-нъ же и откликнулся на зовъ И-ва такъ какъ онъ первымъ побѣждалъ къ нему на встрѣчу и такъ какъ при слѣдствіи осталось не обнаруженнымъ, кто именно произвелъ этотъ откликъ. Но И-въ по ошибкѣ принялъ его голосъ за голосъ Г-ма.—Былъ ли въ рукахъ П-на камень? не былъ ли таковой найденъ около тѣла И-на или вблизи отъ мѣста кроваваго происшествія? Это осталось вовсе не обследованнымъ, по несоставленію мѣстной полиціею подробнаго акта объ осмотрѣ тѣла П-на и предметовъ, окружавшихъ его, не смотря на то, что 947-ю статьею XV т. св. зак. изд. 1842 г. это положительно требуется. Обстоятельства, изложенныя послѣ сего въ показаніи И-ва, совершенно сходны съ таковыми же 8-ми каменьщиками, данными, какъ было упомянуто, подъ присягою, а именно, что они прибѣжали вслѣдъ за П-нымъ на мѣсто происшествія тогда, когда послѣдній уже лежалъ на землѣ израненный и умирающій. На спросъ ихъ И-въ, показывая на П-на, сказалъ, что онъ убилъ вора. Каменьщики объявили ему объ ошибкѣ его и показали лицо умирающаго П-на, освѣтивъ его фонаремъ. Тогда И-въ испугался, ноги у него подкосились и онъ

зарыдалъ. Разказавъ наскоро все происшествіе каменьщикамъ онъ побѣжалъ къ священнику, чтобы позвать его для исповѣди и причащенія Св. Тайнъ П-на. Противъ этого не спрошенъ былъ также священникъ о томъ, что объявлялъ ему И-въ по приходѣ и въ какомъ видѣ разказывалъ это происшествіе. Разъясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ однакоже было важно потому, что по смыслу вышеизложенныхъ обстоятельствъ можно было предполагать, что все объясненное И-вымъ или по крайней мѣрѣ большая часть изъ этого было видѣно и слышано имъ во снѣ; мало по малу, подѣ влияніемъ благоприятныхъ къ тому обстоятельствъ, какъ-то: стука, мельканія огня и др., которыя могли происходить и въ дѣйствительности, независимо отъ его сна, бредъ могъ перемѣшиваться и какъ бы сливаться съ дѣйствительностью, увлекая И-ва, по непостижимому велѣнію судьбы, къ совершенію ужаснаго дѣла, до того самаго момента, когда онъ выбѣжалъ на дворъ съ топоромъ въ рукѣ, и, что, даже и послѣ этого послѣдняго дѣйствія, И-въ находился подѣ влияніемъ сна и въ такомъ состояніи совершилъ убійство.—Разъясненіе этихъ вопросовъ могло привести къ совершенно другому взгляду на степень виновности по сему дѣлу И-ва и яснѣе очертить родъ его преступленія. Кромѣ всего вышеизложеннаго, по дѣлу сему представлялось нужнымъ привести въ извѣстность черезъ спросъ И-ва и другихъ хорошо знающихъ его лицъ и на основаніи 328 ст. IV т. св. зак. изд. 1857 г., чрезъ медицинское наблюденіе, не страдалъ ли И-въ прежде сего случая кошмарами или тому подобными припадками во время сна, которые бы подтверждали возможность настоящаго поведенія И-ва. Всѣ эти разъясненія тѣмъ болѣе представлялись необходимыми, что они совершенно согласны съ теоретическими указаніями извѣстныхъ криминалистовъ, каковы Фридрейхъ и Менде, совѣты которыхъ относительно производства слѣдствій по подобнаго рода дѣламъ читатель увидитъ

ниже, въ этой же статьѣ. Вслѣдствіе сего дѣло было обращено для дополненія.

Дополнительнымъ слѣдствіемъ подтвердились многія изъ этихъ обстоятельствъ, а именно: повивальная бабка Г-ская, жившая надъ дворнической комнатою, показала, что въ ту самую ночь, когда дворникъ И-въ зарубилъ каменьщика въ ихъ домѣ, она пробуждена была стукомъ въ полъ ея квартиры, снизу, изъ дворнической; услыхавъ крикъ И-ва «караулъ», она зажгла свѣчу и, увидѣвъ на дворѣ толпу народа, узнала, что дворникъ убилъ нечаянно топоромъ каменьщика.

Дочь столара В-ва и мѣщанка А-ва, живущія вмѣстѣ противъ дворнической, подтвердили, что въ ночь, когда произошло описанное убійство, у нихъ, какъ и всегда, горѣла передъ иконами лампада.

Отъ этой то лампады и происходило, вѣроятно, мерцаніе огня, видѣнное И-вымъ.

Каменьщики крестьяне Г-мъ и Дмитрій Д-вы подъ присягою показали, что по ихъ соображеніямъ, П-нъ выбѣжалъ прежде другихъ на крикъ И-ва, но что утверждать этого они не могутъ.—Страданіе И-ва кошмарами подтвердилось показаніями его самаго и хозяина дома капитана Э-ма, удостовѣрившими, что онъ даже лечился отъ нихъ кровопусканіемъ.

Присяжные показанія каменьщиковъ удостовѣрили объ отсутствіи всякихъ непріязненныхъ отношеній между И-вымъ и покойнымъ П-нымъ, свидѣтельствуя о добрыхъ между ними отношеніяхъ.

Повальный обыскъ удостовѣрилъ хорошее поведеніе И-ва, а хозяинъ дома отозвался, что онъ былъ постоянно отлично примѣрнаго поведенія и нанесъ раны П-пу неумышленно, о чемъ самъ объявилъ ему въ ту же минуту; впослѣдствіи особо поданнымъ въ судъ прошеніемъ, онъ ходатайствовалъ объ освобожденіи этого несчастнаго къ нему на поруки.

Наконецъ священникъ Г-въ, къ которому И-въ бросился немедленно послѣ убійства, увѣдомилъ, что дѣйствительно И-въ прибѣжалъ къ нему въ ту самую ночь, когда случилось сказанное происшествіе, въ сильномъ испугѣ, и просилъ его убѣдительно идти какъ можно скорѣе для исповѣди и причащенія человѣка, какъ онъ выражался, добраго, котораго онъ почти зарубилъ топоромъ, считая его за разбойника.

Въ прочихъ частяхъ дѣло осталось недополненнымъ, отчасти потому, что удобное время къ тому было уже пропущено, какъ напримѣръ на осмотръ положенія тѣла И-на и окружающихъ его предметовъ, отчасти потому, что производители слѣдствія, не проникнутые достаточными свѣдѣніями, упорно не соглашались исполнить требованія суда, какъ напримѣръ относительно подверженія И-ва медицинскому наблюденію въ состояніи здоровья и склонности къ тревожнымъ сновидѣніямъ, а отчасти наконецъ и потому, что не нашлось никакихъ слѣдовъ къ разысканію причины шума, происходившаго въ домѣ, къ повѣркѣ: точно ли на дворѣ стоялъ кто нибудь и говорилъ: «высунь-ка голову, она слетитъ съ плечъ» и т. д.; тѣмъ не менѣе случай этотъ обозначился довольно ясно.

Приступая къ обсужденію поступка И-ва на основаніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, нельзя не убѣдиться, что убійство дѣйствительно совершено И-мъ въ безсознательномъ состояніи просонокъ при отсутствіи свободной воли.—Подобный случай давно уже былъ замѣченъ иностранною судебно уголовною казуистикою, признанъ юристами теоретиками и подтвержденъ неоднократно фактами и медицинскими изслѣдованіями. Не лишнимъ считаемъ обратиться по этому предмету къ нѣкоторымъ судебно-медицинскимъ и юридическимъ сочиненіямъ, чтобы по поводу вышеописаннаго обстоятельства рассмотреть вопросъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ въ просонкахъ; потомъ мы выскажемъ мнѣніе, какъ слѣдовало бы рѣшить по нашимъ законамъ описанное нами дѣло.

Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ Генке: «сонливость (просонки), т. е. среднее состояніе между сномъ и бдѣніемъ, случающееся при переходѣ одного въ другое, бываетъ соединена съ разстройствомъ чувствъ и съ нарушеніемъ самопознанія, хотя кратковременнымъ.—При засыпаніи сонливость бываетъ тѣмъ большая, чѣмъ крѣпче и глубже былъ сонъ, отъ коего пробудили спящаго; въ пробужденномъ же состояніи сонливость есть тѣмъ большая, чѣмъ печальнѣе нарушенъ былъ сонъ дѣйствіемъ сильныхъ наружныхъ впечатлѣній на чувства, или жестокими движеніями души (какъ-то страшными сновидѣніями). Въ сонливости воспріимчивость чувственныхъ органовъ къ впечатлѣніямъ есть меньшая, нежели во время бдѣнія, но произвольныя движенія, смотря по занимающимъ душу, хотя и неяснымъ представленіямъ, суть опредѣлительныя. Такъ какъ въ состояніи сонливости нарушено самопознаніе, то вмѣненіе противузаконныхъ поступковъ, учиненныхъ въ сіе время, не можетъ имѣть мѣста, хотя бы преступникъ помнилъ оныя или не помнилъ своего дѣянія и обстоятельствъ онаго».

Очень поучителенъ извѣстный случай о Бернадѣ Шимайцигѣ, убившемъ въ сонливости свою жену. (См. Klein's Annalen г. VIII стр. 9 или Pyl's Repertorium ч. III кн. I стр. 72 или Meisters Urtheilen und Gutachten in peinl. u. andern Straffällen ч. I стр. 1 и слѣдующія).—Въ семъ послѣднемъ сочиненіи находится недавно сообщенное Клейномъ и Пилемъ, но приведенное прежде того Мейстеромъ свидѣтельство, съ примѣчаніемъ, а также и наблюденіе о сонливости, сдѣланное Мейстеромъ надъ самимъ собою. Я знаю молодого тучнаго полнокровнаго человѣка, который каждый разъ, будучи пробуждаемъ отъ послѣбѣденнаго сна, (даже нѣжнымъ голосомъ его жены), съ жестокостію бьетъ вокругъ себя и только съ трудомъ приходитъ въ самосознаніе.

У Фридриха (Friedrich—System der gerichtlichen Psychologie. Regensburg 1852 § 13) находимъ слѣдующее:

«Сонное опьяненіе (Die Schlaftrunkenheit), т. е. состояніе среднее между сномъ и бдѣніемъ, бывающее при переходѣ отъ перваго къ послѣднему, соединяется почти всегда съ потемнѣніемъ умственныхъ отправленій, съ уничтоженіемъ, хотя и кратковременнымъ, самосознанія, а слѣдовательно и съ несвободнымъ состояніемъ воли, такъ что нѣкоторые физиологи причисляли переходъ отъ сна къ бдѣнію прямо къ скоропроходящему умопомѣшательству (Subita evigilatio quasi convulsive fit et ad exercitum sensus et motus statim disponit, aliquando mentem turbat.—Tadelot. Physica hominis sani § 222).— У знаменитаго криминалиста Мейстера (Meister's Urtheilen und Gutachten in peinlichen und anderen Straffällen. Frankf. a. d. O. 1808) находимъ слѣдующій разсказъ о немъ самомъ, о чемъ упоминаетъ и Генке: Однажды Мейстеръ, послѣ сильнаго утомленія и съ нѣкоторою головою болью, произведенною дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, заснулъ на софѣ въ одеждѣ. Во время сна голова его немного перевѣсилась черезъ спинку софы.—Черезъ нѣсколько времени ему показалось, что кто-то подходитъ къ нему со свѣчкою въ рукахъ. Онъ внезапно проснулся, но безъ всякаго самосознанія, вскочилъ и сталъ смотрѣть на приближающееся къ нему лицо, но не узналъ его; онъ чувствовалъ только одно,—что къ нему что-то приближается. Ужасъ овладѣлъ имъ, но безъ всякой ясной, опредѣлительной мысли о причинѣ этого страха. Одновременно съ сознаниемъ чего-то приближающагося къ нему, въ немъ родилось естественное чувство самосохраненія, стремленіе къ немедленной оборонѣ. Онъ быстро схватился за стулъ, поднялъ его и уже готовъ былъ нанести имъ ударъ приближающемуся къ нему лицу. Это была одна дама; не потерявъ присутствіе духа, она съ кротостью спросила его, что съ нимъ случилось? не болѣнъ ли онъ? Эти вопросы, поразивъ его слухъ, бросили лучъ самосознанія въ его душу; онъ тот-

часъ же опустилъ стулъ на полъ и проснулся. Самъ Мейстеръ думаетъ, что не случись этого послѣдняго обстоятельства, онъ, въ порывѣ отчаянія, непременно кинулся бы на подходившую къ нему особу. Въ подобномъ же этому страшномъ состояніи былъ однажды и Мошаръ (въ его *Repertor. für empirische Psychologie*, 2 Bd. S. 119) при пробужденіи отъ перваго сна, и только мало по малу возвратился къ полному самосознанію. Когда спящій, говоритъ весьма справедливо Штельцеръ (*Ueber der Willen*, Lpzg. 1817, S. 267), внезапно пробуждается отъ сильнаго ужаса, причиненнаго какимъ-нибудь ночнымъ страшилищемъ, весьма естественно, что въ немъ прежде всего и неотразимо рождается мысль о необходимости оборонѣ, и если въ этотъ страшный моментъ полусонный взоръ его встрѣчаетъ какую-нибудь человѣческую фигуру, онъ принимаетъ ее за привидѣніе и убиваетъ.

Что касается до вмѣненія зла, содѣяннаго въ состояніи соннаго опьяненія, въ вину совершившему его, то само собою разумѣется, что за отсутствіемъ въ виновникѣ такого дѣянія самосознанія и свободы, онъ не можетъ подлежать никакой отвѣтственности за него. Фогель (*Ein Betrag zur gerichtsarztlichen Lehre von der Zurechnungsfähigkeit—2. Aufl.* 1825. S. 146) говоритъ:» въ состояніи соннаго опьяненія человѣкъ не имѣетъ яснаго и отчетливаго понятія ни о чемъ, происходящемъ вокругъ него: мракъ и смѣшеніе мыслей, царствовавшіе въ головѣ его во время сна, еще не совсѣмъ разсѣялись; у него нѣтъ никакого яснаго представленія о причинахъ, побуждающихъ его бить,—ему недостаетъ самосознанія и если въ такую минуту онъ совершаетъ какое-нибудь зло, то оно не должно быть ему вмѣнено въ вину.» Но сколь мало нуждается, съ одной стороны, въ доказательствахъ самая невмѣняемость дѣянія, совершеннаго въ сонномъ опьяненіи, столь же сильно, съ другой стороны, трудность доказать дѣйствительность состоянія человѣка въ сонномъ опьяненіи въ данномъ случаѣ преступленія, возбуждаетъ въ этомъ отноше-

ни сомнѣнія и недовѣрчивость. Если свидѣтели прямо удостовѣряютъ о внезапномъ пробужденіи виновника и о состояніи его въ сонномъ опьяненіи, то дѣло ясно, но ежели не имѣется такихъ положительныхъ доказательствъ, то остается судить только по вѣроятностямъ. Менде (Ausführliches Handb. der gerichtl. Medizin, Lpzg § 270) говоритъ, что въ этихъ случаяхъ надобно обращать вниманіе на слѣдующее: 1-е) Доказывается ли обстоятельствами дѣла, что данное лицо подвержено частымъ, труднымъ и глубокимъ снамъ, отъ которыхъ оно не легко пробуждается и не иначе, какъ вслѣдствіе сильныхъ причинъ. 2) Не было ли передъ сномъ стеченія такихъ обстоятельствъ, которыя могли бы произвести въ человѣкѣ нѣкоторое душевное волненіе, непрекращенное даже и самымъ сномъ и которыя могли бы поэтому породить дурныя сновидѣнія. 3) Совершилось ли противозаконное дѣяніе въ такое время, когда виновникъ онаго обыкновенно спитъ или въ такое время, когда онъ заснулъ вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ. 4) Не было ли какихъ-нибудь причинъ, произведшихъ внезапное пробужденіе. 5) Носитъ ли преступленіе на себѣ характеръ чистаго безсознательнаго дѣянія и недостатка свободнаго состоянія воли и нѣтъ ли повода предполагать, что преступленіе произошло отъ какихъ-либо другихъ причинъ. 6) Лицо, совершившее преступное дѣйствіе, должно само, послѣ полного пробужденія, придти въ изумленіе отъ своего дѣйствія, и даже ему должно показаться совершенно невѣроятнымъ, чтобы оно могло быть сдѣлано имъ,—и наконецъ, когда оно вполне убѣдится въ томъ, то должно придти въ сильное раскаяніе, и въ большей части случаевъ, обнаруживать такое душевное состояніе, которое вовсе не свойственно умышленному преступнику. То обстоятельство, что случаи подобнаго соннаго опьяненія бываютъ весьма рѣдки, тогда какъ собственно внезапное пробужденіе есть происшествіе довольно обыкновенное, Фогель объясняетъ (Vogel—Ausführliches Handb. der gerichtl. Medizin VI Thl. Leipz

1832 § 270) — тѣмъ, что обыкновенно при внезапномъ пробужденіи бываетъ только легкое, скоропреходящее отсутствіе сознанія, и что рѣдко обстоятельства соединяются такъ, что производятъ полное потемнѣніе разсудка.

Изъ нѣмецкихъ криминалистовъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, мы можемъ привести здѣсь еще слѣдующихъ, которые признаютъ сонное опьяненіе за обстоятельство, уничтожающее вмѣняемость, такъ какъ оно сопровождается очевиднымъ несвободнымъ и нездравымъ состояніемъ воли и разсудка: Rosshirt—Lehrbuch des Criminalrechts, Abegg—Lehrbuch der Strafrechtswissenschaft, Kleins—Annalen, Heingoth, Jarcke и друг. Фейербахъ относитъ сонное опьяненіе къ преходящимъ помѣшательствамъ ума и также признаетъ его причиною невмѣняемости.

Что касается до французскихъ юристовъ, то они вообще, какъ извѣстно, гораздо менѣе, чѣмъ нѣмцы, обращали вниманіе на теоретическое развитіе подобныхъ вопросовъ. Неточность выраженія: «*démence*», употребленнаго въ *code pénal*, породила между ними споры объ этомъ предметѣ, которые не прямо касаются избраннаго нами предмета.

Однако Rauter въ *Traite du droit criminel*, Carnot—въ *Commentaire sur le code pénal*, Pascal Bonnin въ *Commentaire du code pénal et des lois de la presse*, Trébutien въ *Cours élémentaire du droit criminel*, Bertauld—*cours du code pénal* и другіе признаютъ невмѣняемость преступленій, совершенныхъ вообще въ безсознательномъ состояніи души: какъ то: *démence*, *ivresse* и принужденіе отъ превосходящей силы.

Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ Росси (Rossi—*Traité du droit pénal*): *L'état de sommeil, cet état au sujet duquel des savans n' ont pas hésité à nous donner des décisions absolues en matière pénale, est un état, qui échappe à nos observations. Les discussions oiseuses sur l'imputabilité pénale des actions, commises dans le sommeil, ne méritent d'être citées, que comme un exemple frappant de la témérité de l' homme, lors-*

qu' il prétend se lancer sans frein et sans guide dans le domaine de la justice morale. Il suffit de se rappeler un instant les bornes et les imperfections de la justice humaine, pour reconnaître qu' elle n' a ni les moyens, ni le besoin, ni le droit de s'enquérir des actions commises pendant le sommeil». Странно слышать такое мнѣніе отъ человеколюбиваго Росси. Противъ этого всего легче возразить такъ, что если человѣческая юстиція не должна вторгаться въ обсужденіе неувимыхъ состояній души человѣка, то тѣмъ болѣе не должна она присвоивать себѣ право наказывать такихъ людей, о которыхъ есть ясныя указанія, что они совершили преступленіе безсознательно. Но чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, надобно все таки обсудить дѣло.

Да и могъ ли вопросъ о сонномъ опьяненіи много занимать собою умы, признающіе въ уголовномъ правѣ начала мести, говорящіе, что за пролитую кровь одного человѣка надобно непременно пролить кровь и другаго человѣка, и проповѣдующіе, что если и существуютъ душевныя болѣзни, побуждающія къ преступленіямъ, то ихъ слѣдуетъ лечить не лекарствами, а гильотиною. Народъ, въ историческихъ воспоминаніяхъ котораго лежатъ кровавыя сцены Варфоломеевской ночи и терроризма, не можетъ сочувствовать человѣчнымъ вопросамъ о невмѣняемости преступныхъ дѣяній.

Изъ русскихъ юридическихъ писателей—Баршевъ въ его общихъ началахъ теоріи и законодательства о преступленіяхъ и наказаніяхъ (Москва—1841), П. Д. Калмыковъ въ его лекціяхъ уголовного права въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія также признаютъ сонливость за болѣзненное состояніе души; изъ медицинскихъ писателей: Пушкаревъ и Громовъ.

Отъ юридическихъ писателей, которыхъ время позволило намъ обозрѣть, обратимся къ положительнымъ законодательствамъ европейскихъ государствъ.

Объ этихъ послѣднихъ можно сказать, что они вообще признаютъ состояніе несвободной воли и потемненнаго разу-

ма за причины невмѣняемости преступленій. Но здѣсь, въ кодексахъ, мы встрѣчаемся либо съ общими опредѣленіями, либо, при перечисленіи причинъ, могущихъ породить такіа душевныя состоянія, съ весьма неточными выраженіями. Последнее тѣмъ болѣе кажется намъ недостаткомъ, что въ очень многихъ законодательствахъ принято за правило примѣнять законы не по внутреннему, разумному, а по вѣшнему, буквальному ихъ смыслу. Такъ напр. Французское право (*Code pénal, art. 64*) употребляетъ въ этомъ отношеніи весьма общее и неопредѣлительное выраженіе: «*démence*», но что должно разумѣть подъ нимъ? неточность этого выраженія естественно подала поводъ къ разнорѣчіямъ между французскими юристами и судебно-медицинскими писателями. Прусское законодательство (*Strafgesetzbuch art. 120*) подробнѣе опредѣляетъ несвободныя душевныя состоянія и упоминаетъ: бѣснующихся, сумасшедшихъ, слабоумныхъ и такихъ, которые вслѣдствіе меланхоліи или другихъ душевныхъ болѣзней потеряли способность здраваго употребленія разсудка.—Но сонное оупьяненіе есть только кратковременное потемнѣніе разсудка, а не постоянная душевная болѣзнь. Точнѣе всѣхъ выражается австрійское уложеніе (*Oestreich. Gesetzbuch über Verbrechen Th. I § 2*); оно требуетъ, чтобы преступное дѣйствіе не было вмѣняемо въ вину совершившему его, ежели лицо это находится въ постоянномъ разстройствѣ ума или же находилось въ кратковременномъ умопомѣшательствѣ во время самаго совершенія имъ преступнаго дѣйствія, мѣшавшемъ ему сознавать то, что онъ дѣлаетъ.

Наше отечественное законодательство обусловливаетъ назначеніе наказанія обвиненному въ какомъ бы то ни было преступленіи несомнѣнною доказанностью этого послѣдняго и вмѣняемостью (Ст. 103 улож. о наказ.), а въ числѣ причинъ, по которымъ содѣянное не должно быть вмѣняемо въ вину, признаетъ: 1, случайную ошибку или обманъ, (104 ст. ул.); 2) совершенную невинность того дѣянія, коего случайнымъ и

непредвидимымъ послѣдствіемъ было сдѣланное зло; 3) безуміе, сумасшествіе и *припадки* болѣзни, приводящіе въ умоизступленіе или *совершенное безпамятство* (ст. 107 и 108).

На основаніи приведенныхъ нами мнѣній юристовъ и законоположеній русскаго права, выскажемъ теперь, какъ слѣдовало бы рѣшить по нашему убѣжденію дѣло объ И-вѣ. Соображая обстоятельства дѣла сего, должно признать, что въ немъ нѣтъ никакихъ уликъ противъ И-ва въ убійствѣ П-на съ умысломъ или даже и съ сознаніемъ того, что онъ дѣлалъ.— Показаніе его о совершеніи сего поступка подѣ влияніемъ обманчивыхъ впечатлѣній тревожнаго сновидѣнія, представившаго ему, будто бы на домъ сдѣлано нападеніе разбойниками, угрожавшими ему смертію, отъ каковаго нападенія надлежало ему обороняться,—подтверждается отчасти удостовѣреніемъ жившей надъ нимъ повивальной бабки, что въ потолкѣ дворницкой дѣйствительно слышался какой-то стукъ, и показаніемъ рабочихъ, что изъ окна дворницкой они слышали дикій крикъ дворника, къ которому посему и поспѣшили на помощь; отчасти же свидѣтельствомъ священника о томъ, что самъ убійца звалъ его напутствовать несчастнаго, называя его притомъ добрымъ человѣкомъ, и наконецъ, всякимъ отсутствіемъ между убійцею и убитымъ непріязненныхъ отношеній. Принимая на видъ, что по смыслу 103 ст. XV т. св. зак. изд. 1857 г. наказаніе подсудимому можетъ быть опредѣлено лишь въ случаѣ, когда содѣянное преступленіе должно быть вмѣнено въ вину, и, что по 105 ст. того же тома зло, послѣдовавшее случайно и непредвидимо, не вмѣняется содѣявшему въ вину и онъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ предается церковному покаянію, мы полагаемъ: 1, что означенное убійство П-на крестьянину И-ву не слѣдовало бы вмѣнять въ преступленіе за силою 103 ст. улож., предавъ И-ва однакожъ, для успокоенія совѣсти, церковному покаянію, на основаніи 105 ст. улож. Всего блже было-бы примѣнить къ нему 108 ст. улож., считая сонное ошьяненіе за припадокъ

умоизступленія.—Но въ такомъ случаѣ, склонность И-ва къ такимъ припадкамъ, какъ болѣзнь, слѣдовало непременно подвергнуть медицинскому изслѣдованію, чего, повторяемъ, въ настоящемъ дѣлѣ соблюдено не было.

Заключая изложеніе настоящей статьи нашей, мы должны прибавить, что весьма утѣшительно было-бы увѣриться, что впредь, при подобномъ же событіи, и, можетъ быть, въ какомъ нибудь отдаленномъ углу обширнаго государства, слѣдователь и судъ не придуть въ затрудненіе и сомнѣніе о невѣняемости такого поступка. Это-то желаніе и сомнѣніе въ томъ, что по неопытности слѣдователя, подобное обстоятельство можетъ остаться иногда безъ надлежащаго разъясненія и что судъ, опираясь на небрежное и неправильное слѣдствіе, можетъ подвергнуть безсознательнаго убійцу, уже и безъ того наказаннаго неумолимымъ мученіемъ совѣсти и содержаніемъ въ тюрьмѣ между ворами и разбойниками, совершенно незаслуженной имъ карѣ, и побудили написать настоящую статью.

Въ предшествующей книжкѣ Журнала Министерства Юстиціи было изложено дѣло объ убійствѣ Бурденковой, по которому медицинскимъ совѣтомъ была заявлена научнымъ образомъ возможность соннаго опьяненія; настоящее же дѣло доказываетъ, что оно не только возможно, но и случается въ дѣйствительности.

Л. АНДРЕЕВЪ.

О ЗЕМСКОЙ ДАВНОСТИ

ПРИ АПЕЛЛЯЦИОННОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ.

Одинъ изъ читателей Журнала Министерства Юстиціи обратился въ редакцію этого Журнала съ просьбою о разъясненіи вопроса: распространяется ли законъ о земской давности на такія дѣла, которыя, послѣ рѣшенія ихъ низшими мѣстами, поступили апелляціоннымъ порядкомъ на разрѣшеніе высшаго судебнаго мѣста, или другими словами: прекращается ли производство дѣла за давностію, когда тяжущійся, послѣ принесенія апелляціонной жалобы, въ теченіе десяти или болѣе лѣтъ не имѣлъ хожденія по этому дѣлу?

Обстоятельства, изъ которыхъ возникъ этотъ вопросъ, вкратцѣ заключаются въ слѣдующемъ:

Въ одномъ изъ уѣздныхъ судовъ производилось дѣло о мельницѣ, спорной между помѣщикомъ П и мѣщаниномъ Т. На послѣдовавшее по дѣлу рѣшеніе уѣзднаго суда П принесъ апелляціонную жалобу гражданской палатѣ. Разрѣшеніе дѣла въ палатѣ замедлилось справками, такъ что прошло болѣе десяти лѣтъ, а дѣло все еще оставалось нерѣшеннымъ.

Апелляторъ во все это время ни жалобъ на медленность палаты и никакихъ другихъ прошеній не подавалъ.

Палата, находя, что засимъ дѣло, на основаніи закона о земской давности, не можетъ подлежать дальнѣйшему производству, постановила заключеніе о прекращеніи его за давностію.

Вопросъ, предложенный намъ, въ настоящее время принадлежитъ къ числу самыхъ незатруднительныхъ, но тѣмъ не менѣе весьма часто возникающихъ при производствѣ дѣлъ, какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ.

Причины такого неустановившагося на практикѣ единства пониманія закона о примѣненіи давности къ дѣламъ апелляціоннымъ надобно искать отчасти въ редакціи самаго закона, отчасти и въ томъ, что какъ тяжущіяся стороны, такъ даже и судебныя мѣста, не находя въ законѣ положительнаго указація на образъ разрѣшенія извѣстнаго случая, весьма нерѣдко упускаютъ изъ вида общій смыслъ узаконеній, вытекающій изъ соображенія нѣсколькихъ статей, и такимъ образомъ входятъ въ ошибочное заключеніе о степени ясности или неясности закона.

Законъ о земской давности, установленный манифестомъ 1787 года и нѣсколько дополненный и видоизмѣненный позднѣйшими узаконеніями, вошелъ въ составъ какъ первой, такъ и второй части X т. св. зак. гр. Въ первой изъ сихъ частей изложены постановленія о *давности пріобрѣтающей*, то есть такой, которая безспорное въ теченіе десяти лѣтъ продолжавшееся владѣніе обращаетъ въ право собственности. Во второй части изложены постановленія о *давности прекращающей*, то есть такой, которая признаетъ ничтожнымъ всякое право, не предъявленное или не приведенное въ дѣйствіе въ теченіе того же десятилѣтняго срока.

Вопросъ, предложенный намъ нынѣ, по самому содержанию своему, принадлежитъ къ вопросамъ судопроизводствен-

нымъ, а потому при разрѣшеніи этого вопроса мы будемъ руководствоваться тѣми постановленіями о давности, которыя изложены въ уставѣ гражданского судопроизводства, т. е. во второй части X-го т.

Ст. 213 ч. 2-й т. X св. зак. гр. (изд. 1857 г.), опредѣляя вообще значеніе давности, относительно ея примѣненія выражается такъ:

«Кто не учинилъ или не учинить иска о недвижимомъ или движимомъ имѣніи въ теченіи десяти лѣтъ, или предъявивъ оный, десять лѣтъ не будетъ имѣть хожденія, таковой искъ уничтожается и дѣло предается забвенію».

Первая половина означенной статьи въ настоящемъ ея изложеніи не даетъ ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію. Очевидно, что тотъ, кто оставлялъ свое право безгласнымъ въ теченіе десяти лѣтъ и не предъявлялъ его установленнымъ порядкомъ, долженъ лишиться этого права и на будущее время. Этимъ законъ наказываетъ безпечнаго или недобросовѣстнаго истца за несвоевременное предъявленіе иска; мы говоримъ «безпечнаго или недобросовѣстнаго», потому, что позднее предъявленіе иска почти всегда бываетъ слѣдствіемъ безпечности или недобросовѣстныхъ намѣреній.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется вторая половина 213-ой статьи, устанавливающая прекращеніе предъявленнаго уже иска по *нехожденію*. Она не имѣетъ той ясности и опредѣлительности, какъ первая половина, а потому и вызываетъ иногда противорѣчивыя мнѣнія о настоящемъ ея смыслѣ. Употребленное въ статьѣ выраженіе «*имѣть хожденіе*» составляетъ тотъ спорный пунктъ, на которомъ расходятся мнѣнія нашихъ практиковъ. Одни изъ этихъ практиковъ подъ словомъ *хожденіе* разумѣютъ всякое дѣйствіе тяжущагося, свидѣтельствующее о томъ, что онъ помнитъ о своемъ дѣлѣ и не оставляетъ его; другіе же этому слову даютъ значеніе болѣе тѣсное. Подъ нимъ они разумѣютъ совершеніе тяжущимъ-

ся тѣхъ обрядовъ, исполненіе которыхъ, по формамъ нашего судопроизводства, считается существенно необходимымъ.

Что значитъ *имѣть хожденіе по дѣлу*? Вотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго вполне зависитъ и разрѣшеніе вопроса, послужившаго поводомъ къ составленію настоящей записки.

Подъ словомъ *имѣть хожденіе по дѣлу*, не слѣдуетъ ли разумѣть навѣдываніе по дѣлу? Мы далеки отъ мысли, чтобы съ словомъ *хожденіе* законъ сопрягалъ такое значеніе. Правда, что тяжущіеся не лишены по закону права навѣдываться, справляться въ присутственныхъ мѣстахъ о ходѣ ихъ дѣлъ, по законъ не ставитъ имъ этого въ обязанность. При томъ навѣдываніе по дѣлу не оставляетъ по себѣ никакихъ слѣдовъ того, что тяжущійся дѣйствительно продолжалъ заботиться о своемъ дѣлѣ. Истецъ или отвѣтчикъ могутъ ежедневно являться въ канцелярію судебного мѣста за справками, могутъ продолжать эти посѣщенія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но всѣ эти посѣщенія, письменно не оглашаемыя, не оставляютъ по себѣ слѣда въ дѣлѣ и ускользаютъ отъ вниманія судебного мѣста.

Можетъ быть, подъ словомъ *хожденіе* слѣдуетъ разумѣть подачу *повторительныхъ* прошеній о томъ же предметѣ, о которомъ производится дѣло. Подобное предположеніе, съ перваго взгляда довольно основательное, теряетъ всякое значеніе при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи вопроса. Истецъ, подавъ апелляціонную жалобу, вполне ввѣряется судебному мѣсту, куда онъ обратился съ жалобой, и закону, который установилъ какъ очередь для рѣшенія дѣлъ, такъ и порядокъ судебного контроля за недопущеніемъ напрасныхъ проволочекъ. Вмѣнять тяжущемуся въ обязанность представлять отъ времени до времени повторительныя просьбы въ судебное мѣсто,—значило бы паложить на тяжущагося новую, несущее-

ствовавшую прежде обязанность въ процессѣ, и безъ того сопряженномъ съ потерю времени и издержками, и вмѣстѣ съ тѣмъ унижить достоинство судебного мѣста предположеніемъ, что оно безъ принесенія тяжущимся повторительной просьбы можетъ и не исполнить своей обязанности разсмотрѣнія первоначальнаго его прошенія.

Подъ словомъ *хожденіе* по дѣлу можно еще понимать принесеніе апелляціонной инстанціи *дополнительнаго* прошенія съ изложеніемъ обстоятельствъ, опущенныхъ въ апелляціонной жалобѣ или обнаруженныхъ послѣ принесенія апелляціи. Такое значеніе слово *хожденіе* могло бы имѣть только тогда, когда бы апелляторы постоянно имѣли необходимость въ принесеніи подобныхъ прошеній и когда бы подача такихъ прошеній была имъ дозволена во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ. Но на дѣлѣ бываетъ не такъ. Необходимость принесенія дополнительныхъ прошеній обуславливается или полнотою и обстоятельностью апелляціонной жалобы, или открытіемъ послѣ принесенія апелляціи такихъ обстоятельствъ, которыя тяжущійся считаетъ необходимымъ представить судебному мѣсту. Если апелляціонная жалоба составлена хорошо, если послѣ принесенія ея не обнаружено новыхъ обстоятельствъ, то и подача дополнительнаго прошенія дѣлается совершенно излишнею, а слѣдовательно излишнимъ будетъ и *хожденіе*, понимая подъ этимъ словомъ, какъ мы предположили, подачу дополнительнаго прошенія. Притомъ принесеніе такихъ прошеній не во всѣхъ случаяхъ дозволено закономъ. По статьѣ 561 ч. 2-й т. X св. зак. гр., подобныя прошенія не принимаются при апелляціонномъ производствѣ дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ; слѣдовательно, по дѣлу, производящемуся въ Сенатѣ, *хожденіе*, въ смыслѣ нами принятомъ, не только не дозволяется закономъ, но положительно имъ *воспрещается*.

Обратимся наконецъ къ послѣднему предположенію, что подъ словомъ *хожденіе* слѣдуетъ понимать исполненіе тяжущимся разныхъ судебныхъ дѣйствій во время производства дѣла, до постановленія по оному рѣшенія.

Эти дѣйствія суть: во всѣхъ инстанціяхъ рукоприкладство подъ составленною изъ дѣла запискою и кромѣ того въ первой инстанціи подача по исковому прошенію *объясненія*, *возраженія* и *опроверженія*. Сверхъ сего къ числу такихъ дѣйствій принадлежитъ представленіе, по требованію судебного мѣста, разнаго рода свѣдѣній и документовъ.

Рукоприкладство подъ запискою не составляетъ существенной принадлежности процесса. Это есть не болѣе, какъ *право*, дарованное тяжущимся въ огражденіе отъ неправильнаго или неполнаго доклада ихъ дѣла судебному мѣсту. Слѣдовательно, какъ право, оно не можетъ быть поставлено въ обязанность тяжущимся, которые могутъ, смотря по желанію, или воспользоваться или не воспользоваться имъ. Не явившись въ назначенный срокъ къ рукоприкладству, тяжущійся не останавливаетъ тѣмъ самымъ процесса и лишается только права указать судебному мѣсту на неполноту или неточность изложенія записки; что же касается дѣла, то оно продолжается своимъ порядкомъ и безъ рукоприкладства тяжущихся. При такомъ значеніи рукоприкладства, оно не можетъ быть считаемо за *хожденіе*, отсутствіе котораго влечетъ за собою прекращеніе дѣла.

Иное значеніе имѣетъ представленіе суду свѣдѣній, документовъ, объясненій, возраженій и опроверженій. Всѣ эти дѣйствія существенно необходимы для производства и всякая медленность въ представленіи ихъ влечетъ за собою остановку въ разрѣшеніи судебного дѣла. Подъ этими собственно дѣйствіями, совершаемыми во время производства дѣла до постановленія по оному рѣшенія, и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, понимать упоминаемое въ 213 ст. *хожденіе* по дѣлу.

Итакъ, подъ словомъ *хожденіе*, примѣняя это слово къ производству дѣла въ судебныхъ мѣстахъ до постановленія рѣшенія, слѣдуетъ разумѣть представленіе тяжущимися объясненій, возраженій опроверженій по исковому прошенію, свѣдѣній и документовъ, требуемыхъ судебнымъ мѣстомъ. Говоря вообще, слово *хожденіе* можно опредѣлить совершеніемъ тяжущимся такихъ дѣйствій, которыя существенно необходимы для производства дѣла и безъ которыхъ дѣло останавливается въ своемъ теченіи.

Отъ этихъ общихъ разсужденій о значеніи слова *хожденіе по дѣлу*, перейдемъ прямо къ разрѣшенію предложеннаго намъ вопроса.

Въ приведенномъ выше примѣрѣ П принесъ апелляціонную жалобу гражданской палатѣ и затѣмъ въ теченіе болѣе десяти лѣтъ не имѣлъ хожденія по дѣлу.

На основаніи соображеній, изложенныхъ въ настоящей замѣткѣ, П не имѣлъ обязанности ни навѣдываться по дѣлу, ни подавать въ палату повторительныхъ или дополнительныхъ прошеній, ни являться къ рукоприкладству; слѣдовательно за неисполненіе всѣхъ сихъ обрядовъ онъ не можетъ подвергнуться отвѣтственности, а потому и на дѣло его не можетъ быть распространень законъ о давности по нехожденію.

Въ подтвержденіе вышеизложеннаго, мы позволимъ себѣ сослаться на нѣсколько рѣшеній Общаго Собранія Сената, которыми предложенный намъ вопросъ былъ рѣшенъ точно такимъ же образомъ.

Не излагая въ настоящей замѣткѣ содержанія этихъ рѣшеній, мы просимъ читателей обратиться къ нашему отдѣлу су-

дебной практики, гдѣ съ подробностію изложены все отысканныя нами рѣшенія общаго Сената собранія, которыми разрѣшенъ былъ вопросъ о примѣненіи закона о давности къ дѣламъ апелляціоннымъ.

Т. Р.

СПЕКТУ

О СУЩЕСТВѢ

ЮРИДИЧЕСКАГО ФОРМАЛИЗМА ВООБЩЕ.

(Изъ Игеринга.)

Geist des römischen Rechts auf verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Zweiter Theil, Zweite Abtheilung. Leipzig 1858, стр. 498 и слѣд. (*).

Понятіе формальнаго и неформальнаго юридическаго дѣйствія.—Критика формализма съ точки зрѣнія практической и этической.—Общія и особенныя выгоды и невыгоды формы, ихъ измѣняющееся отношеніе.—Историческія причины формализма.—Сила матеріальнаго и чувство формы.

Содержаніе различается отъ формы какъ въ предметахъ видимой природы, такъ и духовныхъ,—мы говоримъ о фор-

(*) Игерингъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ германскихъ цивилистовъ новейшаго времени, а потому сообщить въ русскомъ юридическомъ журналѣ переводъ изъ указанного сочиненія его кажется не будетъ бесполезнымъ. Я выбралъ предметъ, который по словамъ самаго Игеринга до сихъ поръ даже въ Германіи оставался почти не обработаннымъ, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ обществѣ часто слышатся и справедливыя, и несправедливыя нападки на форму.

Примч. Переводчика.

махъ чувствованій, мыслей, воли и т. п., разумѣя подъ ними средства и способы, которыми внутреннія явленія, идеи, ощущенія, намѣренія и т. п. получаютъ выраженіе и внѣшнее бытіе. Но въ томъ и другомъ случаѣ это различіе, будучи отвлеченіемъ, не существуетъ въ дѣйствительности; подъ формою мы понимаемъ содержаніе съ его видимой стороны. А поэтому форма всегда предполагаетъ содержаніе; нѣтъ ни содержанія безъ формы, ни формы безъ содержанія. Если иногда представляется противное, то это происходитъ изъ измѣненія самой формы; заключительной, послѣдней формѣ, различаемою отъ содержанія, предшествуетъ тогда содержаніе въ другой формѣ, а не безъ формы.

Тоже самое мы должны сказать и объ юридической волѣ, составляющей предметъ нашего изложенія. Чтобы дать ей силу и значеніе, надобно знать о ея существованіи, а это зависить отъ ея выраженія во внѣшности. Слѣдовательно въ этомъ смыслѣ неформальныхъ актовъ воли быть не можетъ;—воля безъ формы была бы похожа на лихтенбергскій ножъ безъ клинка, но и безъ рукоятки. Если однакожъ мы все таки говоримъ о волѣ, для объявленія которой не требуется формы, то очевидно употребляемъ слово форма въ другомъ и конечно болѣе тѣсномъ смыслѣ, а именно въ слѣдующемъ:

Относительно способовъ проявленія воли въ юридическихъ дѣйствіяхъ ⁽¹⁾ (Rechtsgeschäfte), право можетъ предоставить ей полную свободу, такъ что для достиженія предположенной цѣли достаточно будетъ всякаго средства, слова, дѣйствія, знака, иногда даже молчанія, если только изъ него съ достовѣрностію можно заключать объ извѣстной волѣ. Но воля можетъ быть также ограничена въ выборѣ средствъ своего выраженія: право или требуетъ употребленія извѣстной формы, такъ что

(1) Нечего и объяснять, что противоположность, о которой мы будемъ говорить, можетъ существовать только въ юридическихъ дѣйствіяхъ, не распространяясь на проступки.

въ противномъ случаѣ воля не имѣетъ никакого значенія (наказаніе ничтожностію) или имѣетъ, но неполное ⁽²⁾, или во вторыхъ, не касаясь самага юридическаго дѣйствія, назначаетъ за несоблюденіе формы совершенно отдѣльное наказаніе, напр. фискальный денежный штрафъ ⁽³⁾. Только формы, предписанныя въ первомъ значеніи, устанавливаютъ понятіе формальнаго юридическаго дѣйствія. Во второмъ случаѣ юридическій актъ является ни болѣе, ни менѣе какъ внѣшнимъ поводомъ для совершенія другаго дѣйствія, требуемаго условно ⁽⁴⁾. И такъ формальное юридическое дѣйствіе есть такое, въ которомъ несоблюденіе формы, постановленной правомъ для выраженія воли, вымѣщаетъ себя на самомъ дѣйствіи. Принадлежности дѣйствій, не относящіяся къ формѣ объявленія воли (*Willensäussagung*), до насъ вовсе не касаются.

Всякая форма ограничиваетъ волю въ выборѣ способовъ ея выраженія, но не всякое ограниченіе рождаетъ понятіе формальнаго юридическаго дѣйствія. Ограниченіе можетъ быть отрицательнымъ или положительнымъ. Отрицательнымъ, когда законъ исключаетъ только извѣстный способъ проявленія воли (напр. подразумѣваемое объявленіе, *stillschweigende Erklärung*), или заключеніе сдѣлки въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время; положительнымъ, если форма положительно опредѣлена ⁽⁵⁾. Въ первомъ случаѣ можно говорить объ «ограниченіяхъ формы,» но не о формальныхъ юридическихъ дѣйствіяхъ.

(2) Сравнимъ напр. *pignus publicum* и *privatum* позднѣйшаго римскаго права, въ германскомъ правѣ—*läugnbare* и *unläugnbare Schuld*.

(3) Въ нѣкоторыхъ государствахъ подкрѣпляется этимъ предписаніе объ употребленіи гербовой бумаги. Отъ указаннаго различія, что касается соблюденія формы, зависитъ раздѣленіе законовъ на *leges perfectae* и *minus quam perfectae*.

(4) Дѣйствующее у насъ право нѣсколько разъ предписывало о заявленіи прислуги въ полиціи, но договоръ найма въ услуженіи не сдѣлался отъ этого формальнымъ.

(5) Такое предписаніе закона можетъ также относиться только къ мѣсту (напр. предписывается совершеніе предъ судомъ, на биржѣ), или ко времени совершенія юридическаго дѣйствія.

яхъ, потому что форма, употребляемая дѣйствующимъ, не смотря на стѣсненіе выбора, есть все таки дѣло произвола, она имѣетъ всѣ качества свободной или индивидуальной формы, о которыхъ мы тотчасъ скажемъ, тогда какъ формальное дѣйствіе исключаетъ всякій выборъ и свободу въ границахъ предписанной формы.

Итакъ понятіе неформальнаго юридическаго дѣйствія можно опредѣлить такъ: оно есть болѣе или менѣе свободное самоопредѣленіе воли относительно формы ея проявленія; и слѣдовательно противоположность между неформальностію и формализмомъ можно означить словами свободная или произвольная и обязательная форма. Только и важенъ одинъ этотъ моментъ свободы. Поэтому формы, произвольно принятыя сторонами, напр. приглашеніе свидѣтелей, письменное изложеніе контракта, какъ бы ни были торжественны и общепотребительны, не производятъ формальнаго юридическаго дѣйствія, не будучи юридически необходимыми. Здѣсь все зависитъ отъ внутренняго значенія формы, т. е. отъ ея юридической необходимости, а не отъ внѣшняго величія. Словесное заключеніе сдѣлки нѣсколько неторжественно, но если оно предписано закономъ, то договоръ становится формальнымъ. Тоже надобно сказать и о присутствіи свидѣтелей. Въ составъ понятія формальнаго юридическаго дѣйствія не входитъ также законодательный мотивъ формы. Цѣль, бывшая въ виду закона, можетъ быть различна, напр. обезпеченіе доказательства на случай спора, предупрежденіе опрометчивости и обмана и т. д. Въ самомъ-ли дѣлѣ она достигается формою, можетъ-ли быть достигнута иначе, и частное лицо дѣйствительно ли пришло къ ней другимъ путемъ, эти вопросы рѣшительно излишни; законодатель взялъ заботу о достиженіи цѣли на себя и не хотѣлъ положиться на усмотрѣніе и добрую волю сторонъ; путь, указанный имъ, сдѣланъ исключительнымъ, необходимымъ.

Но исключительность и необходимость, составляющая существо обязательной формы, представляется внешнюю, положительную, следовательно всякая предписанная форма, хотя бы была продуктом здравого и естественного исторического развития, составляет в этом смысле что-то случайное, произвольное. И такъ передачу (*traditio*), занятие (*occupatio*), словомъ взятіе владѣнія (*apprehensio*), нельзя считать формальнымъ актомъ, потому что необходимость взятія—*внутренняя*, вытекающая изъ того явленія, которое оно должно произвести и относится къ владѣнію, какъ рожденіе къ жизни. Моментъ *положительности* формы въ противоположность рациональной природѣ актовъ, не связанныхъ ею, былъ извѣстенъ и римскимъ юристамъ въ раздѣленіи права на *jus civile* и *jus gentium*.

Указанное различіе свободной и обязательной формы въ обнаруженіи воли заключаетъ въ себѣ еще другое—*индивидуальнаго* и *абстрактнаго*. Свободная форма есть вмѣстѣ съ тѣмъ *индивидуальная*, она совсѣмъ исчезаетъ въ одномъ юридическомъ дѣйствіи, возникаетъ и прекращается вмѣстѣ съ нимъ, представляя собою ничто иное, какъ опредѣленное конкретное содержаніе съ его видимой, наружной стороны. Форма обязательная напротивъ есть въ тоже время абстрактная, стереотипная. Являясь тоже въ конкретномъ дѣйствіи, она существуетъ независимо отъ него (абстрактно), начинается и прекращается не въ немъ одномъ, но выступаетъ изъ него, какъ нечто чуждое, уже готовое, данное, самостоятельное, требуя безусловнаго подчиненія себѣ; следовательно дѣйствіе составляется изъ комбинаціи двухъ особыхъ элементовъ: конкретного содержанія и формы, опредѣленной однажды навсегда. Такимъ образомъ дѣлается понятнымъ болѣе тѣсное употребленіе слова форма, принятое выше, когда юридическія дѣйствія съ свободной формой считались немѣющими никакой формы. Форма въ нихъ, предоставленная во всемъ личному усмотрѣ-

нію ⁽⁶⁾, не получаетъ самостоятельности, а составляетъ простую акциденцію содержанія, тогда какъ въ дѣйствіяхъ формальныхъ наоборотъ она возвышается на степень особой юридической величины, живетъ самостоятельно. Итакъ противоположность между актами съ свободной и обязательной формой сводится къ общей противоположности древнѣйшаго и новѣйшаго римскаго права—индивидуальности и абстрактнаго равенства.

Мы видимъ, что принципъ свободной формы представляется съ апіористической точки зрѣнія нормальнымъ, выражая собою естественное отношеніе между формою и содержаніемъ, между тѣмъ какъ формализмъ, уклоняясь отъ нормы, составляетъ неправильность. Можно бы ожидать, что апіористическое отношеніе этихъ принциповъ оправдается и исторически, т. е. что первый будетъ общимъ правиломъ, а второй исключеніемъ. Но это заключеніе, вѣрное для дѣйствующаго у насъ общаго права, тѣмъ не менѣе ложно. Вообще исторія здѣсь совсѣмъ не соотвѣтствуетъ нашимъ предположеніямъ. Если бы мы сказали, что изъ трехъ возможныхъ отношеній, въ какихъ можетъ находиться положительное право къ найденнымъ принципамъ, комбинаціи ихъ обонхъ, исключительнаго господства произвольной формы или наоборотъ формализма, только два осуществились исторически, то навѣрное всякій подумалъ бы на первое и второе, и очень бы тоже изумлся, узнавши, что вмѣсто втораго, слѣдовало указать на третій видъ отношенія. Не выдерживая полной свободы отъ формы, какъ она ни естественна, съ формализмомъ право существуетъ; оно переноситъ скорѣе крайнее излишество, чѣмъ совершенный недостатокъ въ формальныхъ опредѣленіяхъ.

(6) А потому Римляне справедливо называютъ принципъ свободной формы—*nuda voluntas* въ противоположность къ *rigor juris civilis*; напр. Шр. XXV, I. L. 18 de leg III (32).

Эта склонность права къ формѣ заставляетъ заключать о ея внутренней необходимости, или объ особенной полезности для достиженія юридическихъ цѣлей.

Очевидно, форма доставляетъ праву важныя выгоды. Конечно такъ! Но не оспаривая правильности вывода, я долженъ предостеречь отъ ошибки, легко могущей вкрасться. Именно причину появленія формализма въ исторіи можно пожалуй объяснять одними практическими выгодами его; я предполагаю не только сознательное стремленіе къ нимъ со стороны законодателя, но и инстинктивное чувство ихъ, при образованіи формы путемъ обычая. Думаю, что такое мнѣніе будетъ ошибочнымъ и надѣюсь доказать это въ послѣдствіи, а потому въ дальнѣйшемъ изложеніи строго буду различать два предмета: практическое значеніе формализма и историческія причины его появленія.

І. ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ФОРМАЛИЗМА.

Если абстрактно-философское сужденіе о предметахъ права можетъ ошибаться гдѣ-либо, такъ это въ формализмѣ. Настоящій философъ (*Philosoph vom Fach*), не имѣющій понятія объ особенныхъ техническихъ интересахъ и потребностяхъ права, увидитъ тутъ одно вліяніе матеріальнаго воззрѣнія на предметы, преобладаніе внѣшняго надъ внутреннимъ, положительный разладъ между формою и содержаніемъ. Возвышеніе сухой, голой формы, боязливое, педантическое почитаніе знака, лишенаго всякаго смысла и значенія, бѣдность и скудость духа, обнаруживающаяся во всемъ формализмѣ, произведутъ именно на философа, обращающагося къ внутренней сторонѣ предметовъ, неутѣшительное и отталкивающее впечатлѣніе. И въ самомъ дѣлѣ надобно сознаться, что эта часть юридической техники представляется вовсе незаслуживающею вниманія для человѣка, незнакомаго съ нею, и тутъ можетъ

быть слѣдуетъ искать причины, почему философія права оставила, сколько мнѣ извѣстно, вопросъ о формализмѣ почти незатронутымъ. Но вѣдь рѣчь идетъ о явленіи, которое, основываясь на внутреннѣйшемъ существѣ права, встрѣчается и будетъ встрѣчаться въ правахъ всѣхъ народовъ.

Для надлежащей оцѣнки этого явленія, слѣдуетъ рассмотретьъ его съ двухъ точекъ зрѣнія: всеобщей, такъ сказать, культурно-исторической или философской, и юридически-практической. Первое мы сдѣлаемъ ниже, подъ цифрою II, второе теперь. Для этого разрѣшимъ изложенный въ заголовкѣ вопросъ о практическомъ значеніи формализма, т. е. покажемъ невыгоды и выгоды его и ихъ взаимное отношеніе.

I. Невыгоды формы.

Начинаю съ нихъ; не требуя, подобно выгодамъ, ни продолжительнаго исканія, ни юридическаго глаза, онѣ на первомъ планѣ приковываютъ вниманіе простаго наблюдателя. Это объясняетъ перевѣсъ ихъ надъ выгодами и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательный приговоръ, такъ часто раздающійся о формализмѣ права изъ устъ неюристовъ. Первое впечатлѣніе всегда опредѣляется тѣмъ, что бросается въ глаза невольно. Почему не быть ему ошибочнымъ при неравномѣрномъ распределеніи свѣта и тѣни, когда обратная сторона предмета освѣщена для наблюдающаго, а лицевая закрыта тѣнью!

Но это безспорно въ дѣлѣ формализма, слѣдовательно неприятное чувство и неблагоклонный отзывъ руководствующаго тутъ первымъ впечатлѣніемъ, какъ обыкновенно случается съ неюристомъ, и легко объясняются, и съ точки зрѣнія такого наблюдателя совершенно правильны, необходимы. Вполнѣ ощущая *дурныя* стороны формы, онъ почти не замѣчаетъ *выгодныхъ*; вредное вліяніе, т. е. зло, происходящее отъ пустаго формальнаго недостатка, онъ видитъ ясно, потому что оно сопровождается особымъ шумомъ, между тѣмъ какъ благо-

дѣтельная польза, тысяча тысячъ случаевъ, въ которыхъ на-оборотъ зло *отвращается* формою, ускользають отъ него безъ слѣда.

Невыгоды формы могутъ быть сведены къ двумъ видамъ, *опасности* отъ нея и *неудобству*. И та и другая заключаются въ формѣ самой по себѣ, какова бы она ни была; различіе формальнаго обряда опредѣляетъ только степень ихъ. Со всякой формой соединенъ рискъ ошибки, упущенія и сдѣланный промахъ всегда вымѣщаетъ себя безошадно; этого требуетъ самое понятіе формы, но ея свойство можетъ отдалять или приблизить опасность. Я потомъ докажу свою мысль на нѣсколькихъ примѣрахъ. Тоже слѣдуетъ сказать и о неудобствѣ. Неудобна всякая форма, хотя бы подобно стипуляціи состояла въ одномъ словесномъ заключеніи сдѣлки, но въ одной неудобства болѣе, въ другой менѣе, напримѣръ форма *testamentum in comitiis calatis* неудобнѣе сравнительно съ формою *test. per aes et libram*, потому что посредствомъ втораго обряда можно было завѣщать во всякое время, посредствомъ перваго только два раза въ теченіе цѣлаго года.

Перехожу прежде всего къ опасности, возникающей отъ формы. Существо дѣла мною уже означено. Форма требуетъ точнаго знанія, и невѣжество, невнимательность, неискренность, легкомысліе караетъ тяжкимъ наказаніемъ. Матеріальное право въ этомъ отношеніи далеко менѣе взыскательно. Въ контрактъ съ произвольной формой можетъ вступить даже незнающій законовъ, подходящихъ къ договору, ошибающійся въ правѣ или дѣлающій промахи въ словахъ. Ему помогаютъ право и судья. Но формальный договоръ возможенъ только для того, кто свѣдуецъ въ формѣ и умѣетъ владѣть ею; о восполненіи случившагося недостатка здѣсь не можетъ быть рѣчи. Слѣдовательно человекъ несвѣдушій или невредусмотрительный среди формализма цѣлаго права или части его находится въ далеко невыгоднѣйшемъ положеніи, нежели въ сферѣ права, свобод

наго отъ формы. Но въ особенности положеніе его становится тяжкимъ, если дѣло ведется съ знатокомъ, который хочетъ воспользоваться незнаніемъ и довѣрчивостію. Честный, но не-искусный въ дѣлахъ человекъ терпитъ въ формальномъ правѣ отъ тертаго плута болѣе, чѣмъ въ томъ, которое не знаетъ формы, потому что плутъ находитъ въ формѣ еще одно и весьма удобное средство къ своимъ путамъ. Извѣстное изрѣченіе: *jura vigilantibus scripta sunt* (7) болѣе всего прилагается въ правѣ, благоприятствующемъ формализму.

Моменты, опредѣляющіе степень опасности, заключаются частію въ самой формѣ, частію внѣ ея. О послѣднихъ лучше сказать въ другомъ мѣстѣ и потому я ограничусь первыми. Ихъ три: количественный, морфологическій и моментъ принципа, или число существующихъ формъ, ихъ внѣшній видъ и существованіе извѣстнаго начала въ постановленіяхъ о ихъ необходимости.

О значеніи количественнаго момента говорить нечего. Чѣмъ менѣе формъ и чѣмъ болѣе нѣсколько основныхъ видовъ ихъ проведены чрезъ цѣлое право, тѣмъ легче знать ихъ и пользоваться ими, тѣмъ менѣе опасности отъ ихъ употребленія.

Подъ морфологическимъ моментомъ формы разумю я внѣшній видъ, составъ, складъ ея, сложнѣе-ли она напимѣръ или проще, тѣснѣе и уже или шире и эластичнѣе, требуетъ-ли дѣятельности однѣхъ участвующихъ сторонъ или вмѣстѣ и содѣйствія другихъ лицъ, состоитъ-ли въ изустныхъ словахъ, или же въ письмѣ, въ дѣйствіи, — словомъ я понимаю элементы, изъ которыхъ, и способъ, по которому форма организована. Нѣсколько примѣровъ объяснять значеніе этого момента.

Сравнимъ форму римскаго завѣщанія съ стипуляціей. Первая была несравненно сложнѣе и тѣснѣе послѣдней, а

(7) L. 24 i. f. quae in fraud. (42. 8).

отсюда и опасность погрѣшности въ ней больше, нежели въ стипуляціи. Чѣмъ больше частей, составляющихъ форму, тѣмъ болѣе она даетъ поводовъ къ ошибкамъ. Стипуляція, если хотите, состояла изъ одной части, вопроса вѣрителя, потому что соответствующій отвѣтъ должника не представлялъ трудности. Но форма завѣщательная требовала приглашенія свидѣтелей (*rogatio*), *familiae emptio*, *nuncupatio*, употребленія извѣстныхъ формулъ для отдѣльныхъ распоряженій, извѣстной ихъ послѣдовательности, *unitas actus*. Въ стипуляціи достаточно было всякой фразы въ вопросительной формѣ, и только для извѣстныхъ цѣлей требовалось опредѣленнаго рѣшительнаго слова (*spondeo*, *fidejubeo*, *fidepromitto* и др.). Напротивъ того одинъ неспособный свидѣтель изъ семи, одинъ промахъ въ формулѣ назначенія наследника, и цѣлое завѣщаніе со всѣми его распоряженіями обращалось ни во что.

Другой разительный примѣръ представляетъ легисакціонный процессъ сравнительно съ формуловымъ. Первый былъ гораздо опаснѣе втораго, что, какъ сообщаетъ намъ Гай, ⁽⁸⁾ и повело его къ паденію. Хотя въ формуловомъ процессѣ формальный недостатокъ уже по самому существованію формы влекъ за собою невыгоды, но внѣшній видъ этого судопроизводства значительно уменьшалъ рискъ ошибки. Въ древнѣйшемъ процессѣ форма состояла въ произнесеніи словъ, въ новомъ—въ письменномъ изложеніи—а проговориться легче, чѣмъ прописаться; далѣе въ первомъ дѣйствовала тяжущаяся сторона, во второмъ преторъ,—разница, о значеніи которой съ нашей точки зрѣнія я не нахожу пужнымъ сказать болѣе. Наконецъ въ первомъ формулы были опредѣлены неизмѣнно до малѣйшей подробности; пропускъ или перемѣна одного совершенно незначащаго слова заключала въ себѣ формальное упущеніе;—во второмъ же онѣ были эластичны и вѣсь давался только словамъ, дѣйствительно имѣвшимъ значеніе.

(8) Gaj. IV § 30.

Надѣюсь, что лучше всего передамъ читателю существо и значеніе момента принципа, разказавъ примѣръ, заимствованный изъ одного новѣйшаго кодекса. Возьму для этого постановленія прусскаго Landrecht'a о письменномъ совершеніи договоровъ⁽⁹⁾; они представляютъ образецъ того, какъ должно избѣгать подобныхъ законовъ. Законъ предписываетъ письменную форму для всѣхъ договоровъ, предметъ которыхъ превышаетъ 50 рейхсталеровъ, но нарушаетъ правило въ двухъ отношеніяхъ: въ пяти случаяхъ вовсе устраняя форму, въ двѣнадцати онъ требуетъ ее даже и тогда, когда предметъ договора не достигаетъ опредѣленной цѣны, а это постановленіе опять подлежитъ различнымъ видоизмѣненіямъ и ограниченіямъ⁽¹⁰⁾. Уже одно удержаніе въ памяти правилъ Landrecht'a предполагаетъ такое напряженіе ея, какого развѣ можно ожидать только отъ юриста; и я незадумавшись отнесъ бы эту тему къ труднѣйшимъ потовымъ вопросамъ юридическаго экзамена. Но такую беспорядочную массу опредѣленій безъ связи и общаго начала дол-

(9) Въ доказательство послѣдующаго изложенія см. Bornemann Erörterungen im Gebiet des preuss. Rechts Heft 1. Berlin 1853. стр. 144 и слѣд.

(10), См. слѣдующіе примѣры у Борнеманна: стр. 168. «Реальные договоры о движимыхъ вещахъ освобождаются отъ письменной формы, если только имѣется въ виду правоотношеніе, возникающее по закону въ слѣдствіе врученія вещи; но условія о второстепенныхъ обязательствахъ должны быть постановлены письменно;» стр. 131. «Въ договорахъ, посредствомъ которыхъ кто-либо обязывается къ повторяющимся личнымъ дѣйствіямъ, постояннымъ или обѣщаннымъ на неопредѣленное время, требуется безусловное соблюденіе формы, исключая однакожъ договоръ найма обыкновенной прислуги, въ которомъ полученіе и отдача наемной платы замѣняютъ собою письменное изложеніе. Но договоръ найма домашнихъ официантовъ (Hausofficianten) долженъ всегда совершаться письменно;» стр. 160. 7. «Арендные договоры относительно помѣстій. Договоръ аренды, заключенный словесно, имѣетъ силу только въ теченіе одного года. 9. Договоры съ издателями. Если договоръ не изложенъ письменно, по рукописи уже передана авторомъ, то словесное условіе дѣйствительно только относительно гонорара; во всемъ же остальномъ отношеніе сторонъ опредѣляется закономъ». См. кромѣ того 10 и 12 случаи у Борнеманна же стр. 160, 161. Наконецъ дареніе требуетъ еще особенной формы судебного совершенія. Такое безсмысленное колебаніе между строгостію и отсутствіемъ формы право можетъ произвести головкру-
женіе.

женъ вбить себѣ въ голову мѣщанинъ или крестьяннн! Для простаго народа правило, допускающее въ одномъ случаѣ дюжину, въ другомъ почти полдюжины исключеній! А вѣдь нужно же примѣненіе закона къ жизни! Надо первоначально оцѣнить, стоитъ ли вещь болѣе или менѣе 50 рейхсталеровъ, надобно знать, содержать-ли въ себѣ условія, которыя заблаго-разсудилось постановить въ реальномъ контрактѣ, уклоненіе отъ законнаго типа договора или нѣтъ, что понимать подъ домашними офиціантами (гувернантокъ, компаньонкъ, инспектора, домашняго врача?); что подъ именемъ азартныхъ сдѣлокъ и т. п. Конечно подобныя постановленія слѣдуетъ называть западнями и капканами, поставленными законодателемъ гражданскому обороту, болыными продуктами кабинета, которые для народа должны оставаться вѣчно чуждыми, потому что въ народъ проходить только то, что могло бы выйти изъ него.

II. Теперь, послѣ этого примѣра, уже легко будетъ опредѣлить понятіе нашего третьяго момента. Онъ относится къ внутренней организаціи формы, а именно выражается вопросомъ, подчинены ли постановленія о ея необходимости общему началу, или представляются казуистичными, спорадическими, господствуютъ ли въ нихъ единство и послѣдовательность или разрозненность и произволъ. Полнѣйшее развитіе и взаимодействие этого и втораго момента производятъ гармонию или лучше сказать параллелизмъ формъ и понятій; другими словами, форма опредѣляется въ такомъ случаѣ внутренними особенностями матеріальнаго права, такъ что разнообразіе юридическихъ дѣйствій высказывается не только въ разнообразіи формъ, но особенная природа дѣйствій, облеченныхъ въ особую форму, отражается и въ морфологическомъ элементѣ формы. Грубый формальный элементъ возвышается этимъ до идеальнаго художественнаго созданія въ юридическомъ смыслѣ. Мы получимъ весьма поучительный примѣръ, если сравнимъ римскія формы стипуляціи, манципаціи, уступки предъ судомъ

(in jure serpio) и завѣщанія. Первая состояла изъ вопроса (spondesne, dabisne и т. д.). Вопросъ же представляетъ собою форму отношенія, онъ дѣлается всегда кому-либо, а потому вполне соответствуетъ относительному характеру обязательства; внутренняя необходимость въ лицѣ, которое бы являлось другою стороною, наглядно указывается самою формою. Второе и третье юридическія дѣйствія совершались въ формѣ утвержденія (hunc ego hominem ex jure quiritium meum esse ajoisque mihi emtus est hoc aere aeneaque libra. Gaj. I 119.— hunc ego hominem ex jure quiritium meum esse ajo. Gaj. II 24); тоже весьма выразительно, потому что абсолютность правъ, которыя въ нихъ выступаютъ, выражается въ абсолютномъ характерѣ формы. Утвержденіе независимо отъ отношенія къ извѣстному лицу. Говоря другими словами: стипуляція и искъ изъ нея были in personam, формула двухъ другихъ дѣйствій и искъ были in rem. Форма четвертаго юридическаго дѣйствія состояла въ повелѣніи (heres esto, heredem esse jubeo, Gaj II 117. damnas esto, ibid. §. 201, sumito § 193, вмѣсто послѣдняго также do lego). Опять какъ нельзя лучше. Во первыхъ въ историческомъ отношеніи: какъ воспоминаніе о первоначальномъ завѣщаніи въ формѣ закона, потомъ въ догматическомъ: какъ выраженіе особаго права, осуществляющагося въ завѣщательномъ распоряженіи имуществомъ автономіи. Слѣдствія стипуляцій не простирались далѣе однихъ сторонъ, но въ трехъ остальныхъ актахъ они могли касаться и лицъ постороннихъ. Эта разница тоже проявилась морфологически: въ первомъ случаѣ стороны дѣйствовали сами, во второмъ вмѣстѣ съ другими (свидѣтелями, преторомъ).

Перехожу къ неудобству формы. Ужъ неудобно и то, что, подчиняясь формальнымъ опредѣленіямъ, воля лишается пріятной возможности дѣйствовать произвольно; кромѣ хотѣнія нуженъ особый актъ,—соблюденіе формы. Но присоедините къ этому еще препятствіе, встрѣчаемое со стороны нѣкоторыхъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ неотразимо. Клеймо оффиціаль-

ности, которое форма носить на своемъ челѣ, дѣлаетъ иногда внимательство ея нравственною невозможностию, не смотря на требованіе права. Бываетъ, что социальныя формы изрекаютъ юридическимъ абсолютное *velo*. Можно ли, заключая какое бы то ни было условіе, всегда услужливо предлагать соблюденіе формы, и гдѣ найдутся люди, которые бы согласились всякое предложеніе или обѣщаніе давать на бумагѣ? (11) Такое стремленіе къ форменности будетъ иногда полнымъ пренебреженіемъ приличія и принятыхъ условій, грубымъ отсутствіемъ такта; даже недовѣрчивость, такъ обнаруженная, можетъ глубоко оскорбить другую сторону. Выходить, что здѣсь форма достигаетъ совершенно противнаго результата, не укрѣпляетъ, а устраняетъ укрѣпленіе договора и переноситъ дѣйствующихъ лицъ съ твердой почвы права въ область шаткаго личнаго довѣрія.

То, что мы сказали, относится ко всякой формѣ. Но очевидно, что именно въ рассматриваемомъ нами свойствѣ, различіе ея должно имѣть важное значеніе. Покажу это на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Каждая отдѣльная форма представляетъ свои неудобства. Предписывая словесное совершеніе договора, какъ напримѣръ требуется въ стипуляціи и въ большей части формъ римскаго права, вмѣстѣ съ тѣмъ право стѣсняетъ контракты между отсутствующими, которые для заключенія контракта должны предпринимать поѣздку или идти окольными путями, употребляя посредствующихъ лицъ. Строгая послѣдовательность тре-

(11) А потому юстиніаново право совершенно справедливо освобождаетъ дареніе отъ стипуляціонной формы; съ перваго же взгляда это представляется чѣмъ то страннымъ. При предложеніи заключить контрактъ противная сторона еще можетъ потребовать соблюденія формы, но совсѣмъ иное въ случаѣ обѣщанія подарить. Не зависитъ-ли отъ этого также *dotis dictio* древнѣйшаго права? Едва-ли, по моему мнѣнію такая зависимость не сомнѣнно существуетъ въ позднѣйшемъ правѣ при освобожденіи отъ формы, *promissio dotis*, которое безъ всякаго основанія и необходимости возвели въ *pollicitatio*.

буетъ также устраненія отъ словесной формы глухихъ и пѣ-
мыхъ, что дѣйствительно и было сдѣлано въ римскомъ правѣ.
Наоборотъ, письменная форма, на примѣръ въ приведенныхъ
выше прусскихъ законахъ, затрудняетъ заключеніе договора
между присутствующими; много ли такихъ людей, которые,
подобно Шейлоку, всегда носить съ собою за поясомъ бума-
гу, чернила и перо? Прусскій законодатель переноситъ совер-
шеніе договора съ базара и улицы въ комнату и на письмен-
ный столъ, римское право наоборотъ; оба факта одинаково ха-
рактеристичны для этихъ правъ и ихъ времени. Далѣе, совер-
шая сдѣлку, согласно предписанію закона, предъ свидѣтелями,
судомъ или нотариусомъ, нужно сначала отыскать свидѣтелей,
явиться въ судъ или къ нотариусу. А что же дѣлать, если нельзя
найти свидѣтелей, на примѣръ 7 человекъ для завѣщанія въ нена-
селенномъ мѣстѣ или во время эпидеміи, (12); какъ быть, если судъ
на дальнемъ разстояніи (13), или же обстоятельства требуютъ немед-
ленного заключенія договора, а между тѣмъ тотчасъ нельзя най-
ти судью и нотариуса? Очевидно, въ каждой формѣ, какова бы
она ни была, заключаются свои особенныя неудобства, которыми
гражданскій оборотъ болѣе или менѣе стѣсняется.

А потому въ настоятельныхъ случаяхъ онъ вынужденъ отбро-
сить ее и заключить неформенную сдѣлку (которая въ проти-
воположность неформальной, нуждаясь въ формѣ, не имѣетъ ее).
Будучи лишена юридической силы, она полагается на добрую
волю обязавшагося, на страхъ его предъ общественнымъ мнѣ-

(12) На этомъ основаны двѣ облегченныя формы завѣщанія: *testamentum ruri et tempore pestis conditum*. Внѣшній видъ солдатскаго завѣщанія толь-
ко отчасти состоялъ подъ вліяніемъ этой причины, но фидеикомиссы ей
одной обязаны своимъ происхожденіемъ.

(13) Здѣсь одна изъ причинъ неформенныхъ юридическихъ дѣйствій, совер-
шавшихся у Римлянъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужна была *in jure seruo*,
т. е. когда находящійся въ отдаленіи должень былъ предпринять поѣздки въ
Римъ; вспомнимъ, на примѣръ, неформенную вольную рабу. Ограниченное дѣй-
ствіе, дававшееся преторомъ такому увольненію, было только справедливымъ
уваженіемъ неудобствъ, заключавшихся въ формѣ, подобно тому, какъ сказано
въ примѣч. 11 и 12.

ніемъ, на его честность, надежность, словомъ на *bona fides*. Такое, если можно сказать, бѣгство юридическаго оборота отъ обременительныхъ формальныхъ обрядностей встрѣчается вездѣ; я говорю о пренебреженіи формы, обратившемся въ правило и вторую природу, а не спорадическомъ, въ видѣ исключенія. Такъ было въ Римѣ, такъ въ новѣйшее время въ мѣстахъ, подчиняющихся прусскому праву (14). Система *bona fides* въ древнеримскомъ смыслѣ, т. е. юридическихъ актовъ, основанныхъ на честномъ словѣ, есть необходимое слѣдствіе *jus strictum*, системы формализма.

Итакъ въ этомъ случаѣ опять повторяется противорѣчіе формы съ самой собою и своей цѣлью. Предназначенная доставить гражданскому обороту наибольшую твердость и крѣпость, она напротивъ побуждаетъ его отказаться отъ всякой юридической достовѣрности, предпочитая удобное невѣрное неудобному вѣрному. Это можно назвать самообвиненіемъ формализма, собственнымъ признаніемъ его въ томъ, что полная послѣдовательность въ немъ невозможна.

Но довольно объ опасности и неудобствѣ, въ которыхъ по моему справедливо упрекаютъ форму. Не таковъ другой упрекъ, относящійся къ этической сторонѣ формализма. Сколько я знаю, онъ никѣмъ еще опредѣленно не формулированъ и не изложенъ; изложеніе было бы опроверженіемъ, однакожь мысль, составляющая его основу, отчасти уже высказалась и для головы темной представляется въ извѣстномъ смыслѣ увлекательною и вѣрною. И очень просто: она опирается на историческій выводъ не менѣе ложный, будто германское право изстари освобождало договоры отъ всякой формы. Нужно было небольшого прыжка, чтобы въ нашей пословицѣ: *Ein Mann, Ein Wort*, пословицѣ, которую всякій цивилизованный народъ

(14) Такъ напримѣръ я знаю, что на мѣстѣ моей родины, въ Остѣрландѣ, гдѣ дѣйствуетъ это право, въ торговлѣ сельскими продуктами никогда не исполняется требованіе закона о письменномъ совершеніи договоровъ.

въ міръ конечно будетъ употреблять въ одномъ смыслѣ, какой она имѣетъ, — отыскать юридическое начало ⁽¹⁵⁾, и отсутствіе формы какъ принципъ германскаго права сдѣлалось готовымъ. Ставъ на этой точкѣ, уже легко стало перейти потомъ къ нравственности, составляющей особую черту германскаго характера, а формализмъ объявить моральнымъ индифферентизмомъ римскаго права. Все это наконецъ для того, чтобы вопросъ о необходимости формы перенести въ область этики и отсюда уже съ справедливымъ паэосомъ составлять обвинительный актъ противъ формализма. Какъ пренебрегаетъ право нравственнымъ чувствомъ! Посмотрите: за малѣйшее отступленіе отъ формальной виѣшности оно объявляетъ данное слово-необязательнымъ, вопіющее злоупотребленіе довѣріемъ оставляетъ не только безнаказаннымъ, но даже безъ порицанія, мало того, облизываетъ судью, когда того потребуеся, подавать въ этомъ руку помощи, наконецъ, какъ я сказалъ выше, открываетъ безопасный притонъ низости и обману! Какъ вредно должно быть для юридическаго чувства народа ежедневное присутствіе при этомъ зрѣлищѣ! Обрекать на молчаніе голосъ такого чувства значитъ прямо убивать его, давать формѣ рѣшительный перевѣсъ, — значитъ подкапывать фундаментъ гражданскаго оборота, довѣріе, колебать его центръ тяжести.

И какъ отвѣтить намъ? Прежде всего, что все это обвиненіе доказываетъ полное незнаніе особенной задачи права относительно морали, — ошибка, которая дѣлается чаще (и не только въ разсматриваемомъ нами предметѣ), нежели бы можно ожи-

(15) С. А. Schmidt-der princip. Unterschied zwischen dem röm. und germ. Recht, стр. 250. «Германское право договоровъ основывается на простомъ предписаніи нравственнаго закона, что заключенное условіе должно быть свято соблюдаемо и т. д.» Иначе думалъ стародавній Мезеръ (см. прим. 17) и сужденіе его тѣмъ болѣе представляется страннымъ, что онъ не былъ ни идеологомъ, ни роминизирующимъ теоретикомъ, но вполне практической и коренной нѣмецкой натурой. — Глупецъ, говоритъ онъ, выражаясь довольно невѣжливо, объяснившій пословицу: ein Mann ein Mann, ein Wort ein Wort въ такомъ смыслѣ, что честный человѣкъ не можетъ отказываться отъ раздѣ даннаго слова, сдѣлалъ больше зла, нежели можно было ожидать».

дать; но я менѣ всего нахожу умѣстнымъ устранять ее здѣсь же. Вообще я не намѣренъ вступать въ серіозную борьбу съ этимъ обвиненіемъ. Для того, кто захочетъ сколько нибудь остановиться надъ нимъ, достаточно слѣдующей замѣтки.

Присяга далеко важнѣ простаго слова, и нравственныя основанія, по которымъ можно требовать отъ законодателя вынуждаемости неформеннаго обязательства, имѣли бы гораздо большій вѣсъ для клятвеннаго обѣщанія. Однакожъ каноническое право дѣйствительно объявило его вынуждаемымъ и дало тѣмъ примѣръ, какихъ послѣдствій надо ожидать, если нравственныя требованія законодатель обращаетъ въ юридическія. Присяга сдѣлалась средствомъ противодѣйствовать благимъ опредѣленіямъ права, предназначеннымъ для устраненія зла. Какъ только произносилась она, всѣ способы защиты, дарованныя правомъ лицу, теряли силу; и не употреби каноническое право родъ фокуса (въ насильственныхъ, лихвенныхъ и другихъ договорахъ оно принуждало должника къ исполненію, а вѣрителя къ немедленному возвращенію полученнаго), результатомъ цѣлаго постановленія болѣе всего воспользовались бы ростовщики и плуты. Неужели неблагоприятно подѣйствовало на народную нравственность распоряженіе свѣтскихъ законодательствъ, мало по малу почти вездѣ уничтожившихъ это постановленіе? Замѣчательно, что нравственное чувство народа является наиболѣе щекотливымъ именно въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя предоставлены законодателемъ собственнымъ средствамъ, какъ будто оно принимаетъ двойное участіе въ ихъ безпомощности и беззащитности.

Я долженъ еще обратиться къ другой сторонѣ предмета и спросить: было-ли непременно безчестнымъ, если римлянинъ не признавалъ обязательности акта, совершеннаго безъ соблюденія формы (напримѣръ: передачи *res mancipi*, обѣщанія безъ стипуляціи)? Обыкновенно рождается певольное предположеніе, будто онъ намѣренъ былъ вступить въ настоящее обязатель-

ство и форма почему-либо соблюдена не была. Но былъ возможенъ и обратный случай, опущеніе формальнаго обряда съ намѣреніемъ не обязываться; по моему не будетъ смѣлымъ мнѣніемъ признать для древнѣйшаго времени второй случай правиломъ, а первый исключеніемъ. Если безъ всякой другой причины оставялась такая ходячая форма, какъ стипуляція, манципация и т. п., то это значило, что актъ по взаимному согласію сторонъ не долженъ имѣть юридической силы и отъ воли лица зависить отказаться отъ него. Чего мы можемъ достигнуть только посредствомъ яснаго условія о несуществованіи юридическаго обязательства и о правѣ отказаться отъ исполненія его, то изъ несоблюденія формы подразумѣвалось само собою. Передача *res mancipi* замѣняла для римскаго гражданскаго оборота наше удержаніе за собою собственности (такъ называемое *actum reservati dominii*), простой *actum*—наши предварительные и необязательные переговоры (тракаты), неформенная вольная раба была предоставленіемъ свободы съ правомъ отмѣнить свое распоряженіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ недостатокъ формы обнаруживаеъ не обманъ, а требованіе того, что желалось съ самаго начала.

2. *Выгоды формы.*

Излагая выгоды формы, мы должны строго различать два ихъ вида: 1, доставляемая формой вообще, слѣдовательно заключающіяся во всѣхъ формальныхъ юридическихъ дѣйствіяхъ—я назову ихъ общими—и 2, основанныя на морфологическомъ элементѣ той или другой формы въ частности, а потому и свойственныя ей одной,—онѣ должны быть названы особенными. Начну съ первыхъ и притомъ нѣсколько издалека.

Рѣшеніе юридическаго спора состоитъ въ примѣненіи абстрактнаго права къ конкретнымъ отношеніямъ. А потому трудности рѣшенія могутъ заключаться или въ абстрактномъ правѣ, когда примѣняемая постановленія неясны, неопредѣленны

и т. п., или въ конкретномъ отношеніи, будетъ-ли это въ сомнительности факта (въ доказательствахъ); или его юридическаго характера (въ подведеніи подъ законъ, Subsumtion, въ діагнозѣ). Въ трудностяхъ послѣдняго (третьяго) рода обнаруживается общая польза формы; конечно приравленная извѣстнымъ образомъ (совершеніе юридическаго дѣйствія предъ правительствомъ, свидѣтелями и т. под.) форма можетъ устранять также трудности втораго рода, но такъ какъ это не всегда бываетъ, то получаемыя отсюда выгоды принадлежать уже къ классу особенныхъ.

Причиной затрудненій третьяго рода бываютъ большею частью сами стороны; объективная неясность, неопредѣленность юридическаго дѣйствія бываетъ обыкновенно слѣдствіемъ субъективной неясности въ мышленіи и желаніи или въ словѣ.

Одна сторона хотѣла, напримѣръ, предоставить другой только пользованіе повинностію (*precaria juris possessio*), но выразилась такъ, какъ бы намѣревалась передать самую повинность. Или можетъ быть она совсѣмъ не сознавала этого различія, установленнаго правомъ, и необходимости рѣшиться на то или другое, такъ что воля ея во всей своей напвности такъ сказаться колебалась между двумя выборами.

Конечно, право не въ силахъ окончательно устранить эту двоякую неясность и съ нею одинъ изъ избылнѣйшихъ источниковъ процессовъ. Но много и очень много можетъ быть сдѣлано частію свободно дѣятельностію гражданскаго оборота, (существованіемъ сборниковъ принятыхъ формъ, помощію со стороны юристовъ), частію мѣрами, принятыми правомъ, которыя и составляютъ разсматриваемый нами формализмъ.

Форма для юридическихъ дѣйствій тоже, что чеканъ для монеты. Какъ чеканъ освобождаетъ насъ отъ личнаго удостовѣренія въ пробѣ, вѣсѣ, словомъ достоинствѣ монеты, чего бы не избѣжать въ расплатахъ металломъ въ кускахъ и слиткахъ, такъ форма избавляетъ судью отъ труда изслѣдовать, имѣлось

ли въ виду юридическое дѣйствіе, и если для различныхъ дѣйствій постановлены различныя формы, то какое именно. Въ системѣ, допускающей свободную форму, оба вопроса представляются иногда чрезвычайно трудными. Какъ бы ни различалось въ понятіи юридическое дѣйствіе отъ приготовленій къ нему, дѣйствительное обязательство отъ одного объявленія, что воля не прочь обязаться, обнаруженіе рѣшительнаго хотѣнія отъ одного сообщенія о существованіи его въ душѣ чловѣка, все таки въ конкретномъ случаѣ проведенныя границы часто смѣшиваются. «Я хочу отказать тебѣ по завѣщанію, продать, подарить» можетъ значить: я вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлаю это, или: я обязываюсь немедленно сдѣлать это, или: у меня есть намѣреніе, и я объявляю тебѣ объ немъ, но также какъ и о всякой другой мысли, рождающейся въ моей головѣ. Допустимъ, что для завѣщательныхъ распоряженій не существуетъ формы; какое множество процессовъ возникло бы изъ подобныхъ фразъ, въ дѣйствительности встрѣчающихся очень часто. Въ системѣ формализма объявленіе объ одномъ намѣреніи дѣйствовать нисколько не опасно и не можетъ быть смѣшано съ рѣшительною волею; напротивъ, отсутствіе формы постоянно грозитъ смѣшеніемъ намѣренія съ рѣшительною волею и рѣшительною воли съ намѣреніемъ.

И такъ форма служить прежде всего знакомъ готовой юридической воли ⁽¹⁶⁾. Но разграничивая юридическое отъ неюридическаго, она можетъ также вовторыхъ распредѣлять первое внутри его предѣловъ, т. е. указывать на различіе между отдѣльными юридическими дѣйствіями. Покажу это на взятомъ

(16) Прекрасно сказалъ Савини, System, III, стр. 238: «рѣшительное намѣреніе относительно важныхъ предметовъ рѣдко созрѣваетъ вдругъ; ему предшествуетъ обыкновенно состояніе нерѣшительности съ постепенными и незамѣтными переходами; отличить это состояніе отъ окончательной воли трудно и вмѣстѣ съ тѣмъ для будущаго судьи, которому потомъ придется рѣшить споръ, необходимо. Въ такомъ случаѣ форма служитъ знакомъ хотѣнія уже созрѣвашаго.»

уже примѣръ повинности. Предъявленное судѣ условіе объ учрежденіи повинности можетъ заставить его колебаться между четырьмя различными мнѣніями: 1, повинность дѣйствительно приобрѣтена (вещная юридическая сдѣлка), 2, только обѣщана (обязательство), 3, предоставлено одно право пользованія до востребованія (Precarium), 4, обнаружена внутренняя готовность къ ея уступкѣ. Римскій судья едва-ли бы затруднился въ разрѣшеніи этого вопроса, потому что для первой цѣли пужна была манципация или уступка предъ судомъ, для второй—стипуляция, а когда форма совсѣмъ соблюдена не была, то можно было допустить только третій или четвертый случай. Но въ этихъ—то именно случаяхъ недостатокъ вышнихъ признаковъ различія ничего и не значилъ, все предоставлено было на добрую волю отчуждающаго право, противная сторона не имѣла иска и судья слѣдовательно отказывалъ ей безусловно. Для нашихъ судей разрѣшеніе спора, назначено-ли извѣстное лицо согласно волѣ завѣщателя послѣдникомъ по завѣщанію или только получаетъ отказъ (Legatar oder Erbe sein soll), можетъ быть иногда чрезвычайно затруднительнымъ; для римскаго судьи устранилось всякое сомнѣніе въ слѣдствіе особыхъ формъ, предписанныхъ для назначенія послѣдниковъ и для отказовъ (Legate).

Такимъ образомъ польза формы обнаруживается въ томъ, что она облегчаетъ діагнозу и дѣлаетъ ее вѣрною—выигрышъ, получаемый прежде всего судьей, но на самомъ дѣлѣ достигающійся на долю сторонъ и гражданскаго оборота. Какъ отъ трудности и невѣрности патологической діагнозы врачъ терпитъ менѣе чѣмъ пациентъ, такъ въ равныхъ обстоятельствахъ въ діагнозѣ юридической судья страдаетъ менѣе тяжущагося. Но облегчая судью въ діагнозѣ, гражданскій оборотъ приносить жертву съ своей стороны; трудъ судьи и лицъ, совершающихъ юридическое дѣйствіе, находятся тутъ въ обратномъ отношеніи. Въ формализмѣ удобно для судьи и неудобно для

частнаго лица, а въ системѣ свободной формы наоборотъ удобно для частнаго лица, но неудобно для судьи.

Съ этой первой выгодой формы соединяется другая, существующая непосредственно для лица, совершающаго дѣйствіе. «Для успѣшности юридическаго оборота», говоритъ Савиньи, (17), «желательно, чтобы договоры не заключались опрометчиво, но съ серіознымъ размышленіемъ о послѣдствіяхъ, которыя изъ нихъ возникаютъ. Природа формальнаго договора (какъ напримѣръ римской стипуляціи) ведетъ къ тому, чтобы возбудить серіозное размышленіе, и слѣдовательно къ достиженію желаемаго. Дѣйствительно такъ! Въ всѣхъ формахъ, требующихъ извѣстной проволоочки времени, какъ напримѣръ при совершеніи сдѣлки съ участіемъ суда или инспуаціи, это очевидно. Но неужели тоже самое существовало и при стипуляціи? Задержка времени, соединявшаяся съ нею, была слишкомъ коротка и едва-ли обѣщавшій въ душевномъ волненіи или опрометчиво имѣлъ достаточно времени, чтобы успокоиться и обдуматься; для стипуляціи нуженъ былъ моментъ менѣе минуты. Но ошибочно было бы пользу формы видѣть въ одной проволочкѣ времени, которую она рождаетъ. Польза заключается скорѣе въ самой формѣ, въ мысляхъ о серіозномъ дѣлѣ, юридически обязательномъ, возбуждаемыхъ ею и т. п., въ томъ слѣдовательно, что она вызываетъ такое настроеніе, въ которомъ долженъ находиться всякій совершающій юридическое дѣйствіе, — настроеніе дѣловое. Маленькое словечко *spondesne* лишь только оно раздавалось среди разговора, было для римскаго уха оповѣщеніемъ, что бесѣда принимаетъ другой, дѣловой смыслъ, сигналомъ приступить къ дѣйствию съ юридическимъ характеромъ и значеніемъ. Надѣлавшій въ потокѣ рѣчи обѣщаній, надававшій увѣреній, въ которыхъ другая сторона видѣла юридическій интересъ, внезапно долженъ былъ опомниться, какъ только останавливали его на словѣ

(17) *Obl. Recht* II, стр. 217. На это обстоятельство обратилъ вниманіе уже Мезеръ въ своемъ шутивомъ тонѣ, но весьма удачно: *patriot. Phantas.* B. 2. XXIV (Berlin 1778 стр. 121 и сл.).

и хотѣли придать фразѣ юридическую крѣпость (въть значенія *stipulari*); на вопросъ, имѣеть ли нѣтъ фраза юридическое значеніе, необходимо было сначала отвѣтить самому себѣ, объяснить себѣ содержаніе, объемъ и послѣдствія предложенной стипуляціи. Слѣдовательно словечко *spondesne* имѣло неопцѣненное достоинство служить будильникомъ юридическаго сознанія. Сколько увѣреній, обѣщаній и т. д. раздается теперь, когда не смотря на самое серіозное намѣреніе сдержать данное слово, говорящій вовсе не имѣеть въ мысли принужденія, которое потомъ должно наступить, и напомни ему противная сторона о формальномъ подтвержденіи обѣщанія, онъ рѣшительно отвергнулъ бы юридическую отвѣтственность. Только искъ заставляетъ уже подумать о томъ, чего онъ хотѣлъ. Вопросъ, который, будучи предложенъ во время, разрѣшился бы однимъ словомъ, отдается теперь на разсмотрѣніе судьи и дѣлается предметомъ весьма сомнительнаго спора. Если формализмъ страшенъ потому, что дѣйствительно желавшій обязаться юридически, освобождается отъ этого за несоблюденіе внѣшней формы, то противоположная система, допускающая свободную форму, представляетъ обратную опасность, принуждая къ исполненію и неимѣвшаго намѣренія принимать на себя обязательство.

Перехожу теперь къ особеннымъ выгодамъ формы, понимая подъ ними, какъ сказано выше, тѣ, которыя даются особенностями той или другой формы въ частности, (напримѣръ письменности, публичности). Когда форма учреждается путемъ законодательнымъ, (какъ напр. въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ *instrumenta publica vel quasi publica*, инсинуація, въ прусскомъ правѣ письменная форма), выгоды эти составляютъ главную цѣль законодателя и побуждаютъ придать формальному обряду тотъ или другой видъ. Попытаюсь разсмотрѣть и сравнить въ этомъ отношеніи болѣе употребительныя формы.

Письменное взложеніе юридическаго дѣйствія имѣеть преимущество предъ словеснымъ совершеніемъ въ томъ, что до-

ставляетъ потомъ вѣрное доказательство. Хотя этой выгоды можно достигнуть и посредствомъ приглашенія свидѣтелей, но укрѣпленіе (Fixirung) дѣйствія въ памяти человѣка во первыхъ менѣе точно, нежели на бумагѣ, простираясь только на смыслъ, а не на слова, которыя имѣютъ иногда огромное значеніе; потомъ, завися отъ воспоминанія и жизни свидѣтелей, менѣе продолжительно; наконецъ совершенно неудобно, если дѣйствіе содржитъ въ себѣ множество подробныхъ, трудно запоминаемыхъ распоряженій, чисель п. т. п., какъ напр. часто случается въ завѣщаніяхъ. Другое важное различіе между письменною и словесною формами состоитъ въ томъ, что въ одной возможенъ полный секретъ дѣйствія, а въ другой нужно сообщить его свидѣтелямъ; первое болѣе согласно съ интересами участвующихъ сторонъ, второе—третьихъ лицъ и гражданскаго оборота. Но обѣ формы могутъ быть также соединены въ одну, напр. въ дѣйствующемъ у насъ правѣ, предписывающемъ иногда совершеніе сдѣлки предъ нотариусомъ и свидѣтелями. Особенную комбинацію ихъ составляетъ въ римскомъ правѣ письменное частное завѣщаніе (Privattestament), дающее возможность скрыть отъ свидѣтелей содержаніе посмертныхъ распоряженій. Высшее развитіе письменная форма получаетъ въ официальномъ написаніи акта (внесеніе въ Flug-, Lager-, Hypothekenbücher, Handelsregister, записка въ протоколъ), а удостовѣреніе свидѣтелями—въ официальномъ засвидѣтельствovanіи (testam. in comitiis calatis, judici oblatum, in jure cessio, инсинуація).

Общими выгодами формы пользуются только лица, непосредственно соприкасающіяся съ юридическимъ дѣйствіемъ, стороны и судья, но вліяніе особенныхъ простирается гораздо далѣе. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ указать на публичность формальнаго обряда, когда дѣйствіе получаетъ всеобщую извѣстность. Посредствомъ публичности, напримѣръ, вѣрители должника, который позволялъ себѣ аррогировать, получали возможность вовремя предъявить свои требованія, и только когда аррогація перестала совершаться предъ народнымъ собраніемъ и слѣдовательно

уничтожилась гарантія, заключающаяся въ самой формѣ, для кредиторовъ родилась нужда въ особой защитѣ—*restitutio propter capitis deminutionem*. Подобную же услугу доставляла родственникамъ завѣщателя древняя форма совершенія завѣщанія предъ собраніемъ народа (*testamentum in comitiis calatis*)⁽¹⁸⁾. Даже нераздѣляющій моей гипотезы, что народъ вотировалъ о завѣщаніяхъ, какъ о законахъ, и имѣлъ право отвергать несправедливыя, жестокосердныя распоряженія (*inofficiosa testamenta*), согласится по крайней мѣрѣ въ томъ, что огласка послѣдней воли предъ народнымъ собраніемъ представляла фактически извѣстное обезпеченіе противъ оскорбительнаго злоупотребленія свободой завѣщавать. Еще при жизни своей злоупотребитель выставялся на судъ общественнаго мнѣнія и подвергался реакціи обиженныхъ интересовъ. А когда потомъ возникла секретная форма завѣщанія и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилось средство противъ зла, то цѣлѣныя формы и здѣсь тоже потребовало содѣйствія матеріальнаго права (*querela inofficiosi testamenti*). Такимъ образомъ форма можетъ замѣнять собою матеріальныя опредѣленія и своею особенностію объясняетъ иногда скудость ихъ; а потому перемежа, сдѣланная въ формальномъ правѣ, отзывается и въ матеріальномъ, если происшедшій пробѣлъ не можетъ быть оставленъ безъ восполненія.

Умолчу о значеніи публичности для системы кредита и о томъ вліяніи, какое она имѣла въ дѣлѣ формы, а именно въ дѣйствующемъ у насъ торговомъ правѣ, но замѣчу, что такъ какъ особенныя выгоды измѣняются вмѣстѣ со временемъ, мѣстомъ и свойствомъ формы, то я не хотѣлъ и не могъ хотѣть полнаго ихъ изложенія. Тѣмъ нужнѣе мнѣ кажется обратить вниманіе на другой предметъ.

(18) Въ теперешнее время можно указать на оглашеніе при совершеніи брака.—Я не буду излагать здѣсь того, какимъ образомъ посредствомъ формы достигаются фискальныя, полицейскія, статистическія и т. п., словомъ государственныя цѣли.

3. Отношеніе между выгодами и невыгодами формы.

Объяснивши выгоды и невыгоды формализма, хотя мы и приблизились къ разрѣшенію вопроса о практическомъ его достоинствѣ, по отнюдь еще не разрѣшили вполнѣ задачи. Для этого надобно показать преобладаніе тѣхъ или другихъ.

Какъ выгодность приобрѣтенія внѣшнихъ благъ зависитъ отъ отношенія прибыли къ издержкамъ, такъ это же отношеніе опредѣляетъ и практическое достоинство учрежденія. Такъ! Но будемъ продолжать сравненіе. Одна и таже вещь для различныхъ лицъ имѣетъ различную цѣну; одному болѣе, другому менѣе необходима, и издержки не вездѣ одинаковы. Также бываетъ и съ юридическими учрежденіями. Польза ихъ повышается и падаетъ, смотря по настоятельности потребности, которой они удовлетворяютъ, смотря по условіямъ, среди которыхъ они являются—курсъ, который даетъ имъ исторія, колеблется—словомъ, понятіе практическое достоинство—есть относительное. А потому одно и то же учрежденіе въ одномъ случаѣ можетъ оказаться столько же тягостнымъ, сколько въ другомъ благотѣльнымъ.

Выяснить это относительное достоинство формализма и показать моменты, его опредѣляющіе, будетъ предметомъ послѣдующаго изложенія.

Уже поверхностный взглядъ на исторію обнаруживаетъ, что практическое достоинство формализма относительно. Если оно абсолютно, то почему до сихъ поръ оно не отыскано исторіей, другими словами, отчего пользованіе формализмомъ по различію правъ такъ различно? При одинаковой годности почему не быть и одинаковости пользованія? Попросимъ отвѣта у исторіи.

Наше дѣйствующее право, освободивъ отъ формы контракты вообще, въ видѣ исключенія подчинило вексель наибольшей формальной строгости. Если заключеніе наше отъ пользованія къ

годности справедливо, то выгоды формы для векселя или для цѣлей и отношеній, его создавшихъ, должны имѣть высшую цѣну, нежели для обыкновенныхъ контрактовъ; тамъ издержки покрываются, здѣсь нѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ это будетъ понятнымъ, если взвѣситъ, что торговый оборотъ совершается главнѣйше посредствомъ векселей, а извѣстно, какъ много значить для истинной торговли юридическая достовѣрность, какъ то ясность, несомнѣнность этого орудія обращенія. Далѣе съ другой стороны для публики, оперирующей преимущественно векселями, т. е. для дѣловыхъ людей въ собственномъ смыслѣ, невыгоды формы далеко менѣе ощутительны, нежели для мѣщанина и крестьянина, если бы вздумалось распространить форму на сдѣлки обыкновенной жизни.

Для другихъ юридическихъ дѣйствій, какъ-то: для завѣщаній, передачи поземельной собственности, для учрежденія ипотеки, земскихъ сервитутовъ и т. д. новѣйшія права отчасти сохранили формы римскаго, отчасти учредили новыя. Отношеніе между прибылью и расходомъ опять въ этомъ случаѣ является особенно благопріятнымъ. Во первыхъ форма значить здѣсь гораздо болѣе, нежели въ контрактахъ⁽¹⁹⁾, дѣйствіе которыхъ ограничивается контрагентами и, говоря относительно, исчерпывается въ короткое время, тогда какъ сила актовъ, о которыхъ мы говоримъ, можетъ простирается далеко шире и во времени, и относительно лицъ, которыхъ они касаются. Соразмѣрно съ такимъ расширеніемъ, возрастаетъ и значеніе удостовѣренія, доставляемаго юридическому дѣйствію посредствомъ формы. Съ другой стороны невыгоды тоже менѣе тягостны. Сдѣлки, быстро отживающія, какъ напр. реальные и консенсуальные контракты, исключая товарищество, обыкновенно и совершаются безъ пространнаго приготовленія; даже проволочка времени, происходящая отъ тяжелой формы,

(19) Тоже, что о контрактахъ, надобно сказать и о передачѣ права собственности на движимыя вещи.

могла бы иногда помѣшать ихъ заключенію. Но иначе бываетъ въ указанныхъ нами актахъ. Они не идутъ спѣшно и не наступаютъ настоятельно, но имъ предшествуетъ большею частію значительное время на приготовленіе, размысленіе, переговоры, и если присоединеніе формы нѣсколько увеличиваетъ медленность, то безъ всякихъ особенныхъ послѣдствій. Наконецъ они встрѣчаются въ жизни далеко не часто; на тысячу контрактовъ едва-ли придется можетъ быть одно завѣщаніе, на сто случаевъ передачи собственности на движимыя вещи едва-ли одинъ, относящійся къ вещи недвижимой. Такимъ образомъ объясняется и большая простота римской стипуляціи сравнительно съ манципаціей и уступкой предъ судомъ; формальная разница соотвѣтствовала матеріальной.

Итакъ преобладаніе выгодъ или невыгодъ въ формализмѣ измѣняется по различію юридическихъ институтовъ, и форма, совершенно годная для одного, была бы неудобна для другаго.

Тоже самое надобно сказать какъ относительно различныхъ ступеней развитія одного и тогоже права, такъ и относительно правъ различныхъ народовъ. Стѣсняясь римляне своими формами, такъ какъ затруднились бы мы въ этомъ случаѣ, они совсѣмъ раздѣлялись бы съ ними; доказательствомъ служить, что они дѣйствительно поступили такъ съ отдѣльными видами формъ, напр. съ легисанкціоннымъ процессомъ и позднѣе съ формулами завѣщательныхъ распоряженій. Слѣдовательно, бремя не было тяжкимъ, а это приводитъ насъ къ двумъ фактамъ, чрезвычайно важнымъ для пониманія относительнаго значенія формализма вообще и для объясненія римскаго въ частности. Во первыхъ мы должны принять во вниманіе положеніе римской юриспруденціи относительно народа, вездѣ присутствіе юристовъ въ жизни и безмездность ихъ услугъ. Какъ дорого въ настоящемъ смыслѣ этого слова обошлись бы теперешнему гражданскому обороту римскія формулы—дороже всего, еслибъ онъ захотѣлъ сберечь расходы за

содѣйствіе юристовъ! Второй фактъ—это особая черта въ характерѣ римлянъ, принадлежащая имъ хотя и неисключительно, но болѣе нежели всѣмъ пинѣшнимъ народамъ, кромѣ англичанъ,—я говорю о томъ національномъ влеченіи къ формальнымъ обрядамъ, которое я ниже назвалъ чувствомъ формы (Formensinn); отсюда форма являлась для народа не чѣмъ-то навязаннымъ взвнѣ, положительнымъ, чуждымъ, но напротивъ того внутренне-необходимымъ, естественнымъ, однороднымъ.

Обращаюсь къ заданному выше второму вопросу.

II. историческія причины формализма.

Я уже сказалъ, что появленіе и существованіе формализма въ исторіи цѣльзю объяснять только практическою пользою, которую онъ приноситъ; попытаюсь теперь отыскать еще другія причины, содѣйствующія его развитію.

Для этого мы должны различать два вида формъ. Когда форма учреждается путемъ законодательнымъ, то всегда имѣется въ виду опредѣленная цѣль. Здѣсь форма одолжена своимъ существованіемъ и внѣшнимъ видомъ исключительно практическому мотиву; какъ вступающая въ міръ съ опредѣленной тенденціей на челѣ, она можетъ быть названа преднамѣренною (tendentiöse Formen).

Иными представляются формы, возникшія изъ жизни и народа, какъ-то всѣ относящіяся къ первымъ временамъ исторіи права. Я назову ихъ наивными. Конечно введеніе ихъ безъ опредѣленной цѣли и сознанія, самостоятельное происхожденіе, а не учрежденіе со стороны (dass sie nicht gemacht, sondern geworden sind), не исключаетъ чувства практической пользы, которое безсознательно и инстинктивно могло вліять на ихъ появ-

леніе (20).—Но съ другой стороны надо признать безспорно, что кромѣ этого и происхожденію ихъ, и дальнѣйшему существованію содѣйствуютъ еще другія причины, что слѣдовательно онѣ различаются отъ формъ преднамѣренныхъ не однимъ юридическимъ источникомъ ихъ возникновенія (тогда отдѣленіе ихъ въ особую группу не имѣло бы основанія). Вѣрность нашей мысли можетъ быть доказана многимъ. Во первыхъ морфологическимъ видомъ такихъ формъ, который несравненно полнѣе и богаче давнаго чисто практическо-юридическимъ интересомъ, (вспомнимъ напримѣръ римскіе брачныя обряды), даже по этому можетъ противорѣчить послѣднему. Но всякое сомнѣніе должно исчезнуть, когда мы видимъ, что эти формы встрѣчаются въ такихъ сферахъ, въ которыхъ не можетъ быть рѣчи о практической пользѣ формальнаго обряда, какъ напримѣръ въ области религіознаго культа, а это наблюденіе можетъ и должно привести насъ на прямую дорогу, указывая намъ, что формализмъ не есть явленіе специально-юридическое, но культурно-историческое вообще; въ сферѣ права оно встрѣчаетъ только необыкновенно благоприятную почву, раскрывается съ особенною силою.

Формализмъ въ такомъ обширномъ смыслѣ представляетъ собою необходимый моментъ въ исторіи развитія человѣческаго духа. Духъ, связанный оковами чувственнаго, нуждаясь въ проявленіи чего-либо внутренняго, всегда прибѣгаетъ къ матеріальнымъ способамъ выраженія, къ картинамъ въ словѣ, къ олицетворенію въ воззрѣніяхъ на природу и религію, къ эмблемамъ, символамъ и т. п., но точно также употребляетъ онъ и дѣйствія, чтобы своимъ чувствованіямъ, настроеніямъ, гаданіямъ, рѣшительнымъ хотѣніямъ дать матеріально-субстанціаль-

(20) На это «безсознательное стремленіе къ учрежденію и развитію формъ, присущее націи, въ которомъ однакожъ дѣйствуетъ потребность достигнуть полезныхъ результатовъ,» указываетъ Савиньи въ своемъ System, B. 3, стр 239. Въ obligationenrecht Bd. 2, стр. 220 онъ говоритъ только, что такія формы «основаны на древнѣйшемъ народномъ обычаѣ.»

ный, пластическій образъ. Такимъ образомъ невидимое дѣлается для него видимымъ, отдаленное близкимъ, глубоко сокрытое выдвигается наружу. Это языкъ, ему понятный и восполняющій недостатокъ умѣнья мыслить и говорить абстрактно. Одна естественность и необходимость такого языка объясняютъ, почему позднѣйшій абстрактный періодъ не въ силахъ такъ выражаться, хотя бы употребилъ все свое искусство и размышленіе. Простой знакъ самъ по себѣ часто раскрываетъ существо отношенія лучше, представляетъ его ближе и сподручнѣе, чѣмъ всѣ возможные слова. Въ пучкахъ прутьевъ и сѣкирахъ римскихъ консуловъ скрывалась и для нихъ, и для народа важная сторона консульскаго званія—путья и сѣкиры постоянно напоминали, что значило быть консуломъ; думаю, что не скажу много, если замѣчу, что безъ этого атрибута, смыслъ, который придавали консулы своей власти, положеніе ихъ относительно народа, а слѣдовательно и исторія консульства и всего государства были бы другими. Чувственный способъ выраженія составляетъ оболочку, въ которой мысли, идеи, воззрѣнія, словомъ зерно духовной жизни, сообщаются такому организму, который не былъ бы въ состояніи воспринять ихъ въ непокрытомъ видѣ. Конечно онъ схватываетъ и обнимаетъ прежде всего одно виѣшнее, наружный покровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно принимаетъ въ себя и духовное сѣмя, которое подъ вліяніемъ времени даже на неплоднѣйшей почвѣ не можетъ оставаться въ оцѣпенѣніи, но незамѣтно развивается, пускаетъ изъ себя ростки, и доставляетъ духу если не ясное сознаніе, то по крайней мѣрѣ темное гаданіе, говоритъ сердцу, двигаетъ фантазію.

Знаки и дѣйствія, которые предназначены такимъ образомъ изобразить духовные предметы чувственно, называются обыкновенно символическими. Символь есть матеріальный способъ выраженія для чего-либо сверхъчувственного, гдѣ изображаемое составляетъ тоже что-либо матеріальное, какъ напри-

мѣръ, когда въ римскомъ правѣ ⁽²¹⁾ поземельный участокъ при виндикаціи замѣнялся глыбою, или въ германскомъ при передачѣ владѣнія (traditio) дерномъ и вѣтвию (pars pro toto) ⁽²²⁾, тамъ, говоря точно, слѣдуетъ избѣгать слова символъ (иначе даже картину, эскизъ слѣдуетъ называть символами предмета, который они изображаютъ); въ этомъ случаѣ я буду употреблять, какъ терминъ, репрезентативное изображеніе. Конь было символомъ собственности, потому что выражало нѣчто внутреннее, духовное: юридическую власть и господство собственника, но шесть, замѣнявшій коня, былъ представителемъ, суррогатомъ его, но не символомъ ⁽²³⁾. Точно также подразумеваемое хожденіе къ поземельному участку, котораго при виндикаціи преторъ требовалъ отъ тяжущихся ⁽²⁴⁾, было дѣйствіемъ мнимымъ, а не символическимъ, потому что представляло и замѣняло собою нѣчто внѣшнее: дѣйствительное хожденіе. Слѣдовательно и актъ per aes et libram, указывавшій тоже на внѣшнее явленіе—продажу въ древней формѣ, нельзя назвать символическою продажей. Въ такомъ случаѣ пожалуй 30 ликторовъ, представлявшихъ въ позднѣйшее время при аррогаціи 30 курій, надо бы считать символическимъ народнымъ собраніемъ. Но когда рабъ, получая вольную, долженъ былъ обернуться, то символическое дѣйствіе существовало несомнѣнно: переменна во внѣшнемъ его положеніи (status въ естественномъ смыслѣ) должна была выразить переменну духовнаго состоянія (status въ смыслѣ юридическомъ). Впрочемъ я не буду спорить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ границы между символическими и репрезентативными дѣйствіями могутъ быть чрезвычайно сглажены, но для насъ гораздо важнѣе установить, не-

(21) Gaj. IV, 17.

(22) Michelsen über die festuca notata und die germanische Traditions-symbolik. Jena 1856.

(23) Gaj. IV, 16.

(24) Cic. pro Mureno 12; Inite viam . . . redite viam,

жели строго провести различіе; интересъ его объяснится изъ послѣдующаго.

И такъ, какъ сказано уже, символы и символическія дѣйствія составляютъ собственно языкъ наивнаго духа—они суть іероглифы, которые онъ употребляетъ, потому что не изобрѣлъ еще буквъ для абстрактнаго выраженія; отсюда цвѣтущая пора ихъ совпадаетъ съ наивнымъ періодомъ. Однакъ духъ прибѣгаетъ къ этому языку знаковъ не по нуждѣ только, не изъ одного безсилія и неумѣнья въ абстрактномъ выраженіи; его побуждаетъ къ тому еще богатое смысломъ удовольствіе, поэтическое наслажденіе, находимое въ чувственномъ образѣ духовнаго, словомъ предельная пластика мысли. Это доказывается слѣдующимъ. Во-первыхъ чувственное изображеніе замѣчается не только въ мысляхъ, своей глубиной заставляющихъ употреблять его. Напротивъ, духовная основа часто до того проста и бѣдна, что и средства языка мало развитаго были бы совершенно достаточны для ея формулированія. Даже во многихъ формахъ—вспомнимъ напримѣръ репрезентативныя—вовсе нѣтъ мысли. Во-вторыхъ, если-бы дѣйствовала одна необходимость, то успѣхи въ духовномъ развитіи или иначе въ образованіи языка—такъ какъ приобретаемое духомъ выражается словомъ—мало по малу должны бы вытѣснить языкъ формы, высокая культура должна бы изгнать всѣ остатки наивнаго періода, и форма, не оправдываемая практическимъ интересомъ, какъ напримѣръ бываетъ въ области права, уступила бы мѣсто голой, сухой, отвлеченной мысли. Но этого мы не видимъ, хотя я и не отвергаю, что переѣмна въ духовной атмосферѣ оказываетъ тутъ большое вліяніе.

Слѣдовательно духъ, стремясь къ выраженію себя, прибѣгаетъ къ формализму не изъ одной пужды; основаніе формы пужно искать не въ одномъ первоначальномъ несовершенствѣ языка. Напротивъ, къ этой первой причинѣ ея историческаго происхожденія, прекращающейся съ дѣтскимъ возвра-

стомъ народа, присоединяется еще другая, далеко переживающая послѣдній. Это только что указанное мною удовольствіе, производимое внѣшнимъ, наслажденіе, находимое въ чувственномъ,—то, о чемъ я упомянулъ выше подъ названіемъ чувства формы.

Сила притяженія, обнаруживаемая формою на духъ человѣческой, проявляется разнообразно. Пластикою и драматизмомъ, которыми умѣетъ она украсить явленія жизни, плѣняющая поэтическое чувство въ эстетическомъ отношеніи, она увлекаетъ трезвую, разсудочную способность со стороны практической, какъ-то порядкомъ, правильностію, симметриею, точностію человѣческой дѣятельности. Наконецъ тамъ, гдѣ участвуетъ сердце, форма дѣйствуетъ на него со стороны этической, она наполняетъ душу важнымъ и торжественнымъ, возвышаетъ дѣйствующаго надъ самимъ собою, и чисто индивидуальное и преходящее въ его положеніи возводитъ на высоту акта, имѣющаго общечеловѣческое, типическое значеніе, ставитъ человѣка въ невидимое общеніе съ людьми, ему предшествовавшими и послѣдующими.

Это разнообразіе точекъ притяженія, находимыхъ въ формѣ духомъ человѣческимъ, вліяетъ на особенный видъ, который она принимаетъ, смотря по различію народовъ и степеней культуры и по различію областей, круговъ и сферъ человѣческаго мышленія, чувствованія и жизни. У народа съ преобладающею разсудочною способностію формы образованы иначе, нежели у того, который отличается особенною наклоностію къ поэзи; формы права иначе, нежели религіознаго культа. Присоедините къ этому далѣе нѣкоторые элементы, чуждые формѣ самой по себѣ: болѣе консервативный или подвижной характеръ народа или круга, у которыхъ она существуетъ, внѣшнія отношенія этого народа или круга, мѣстную замкнутость (напримѣръ горныхъ жителей), нарочное обособленіе (напримѣръ цеховъ въ прошлыхъ вѣкахъ), наконецъ вліяніе религіи (католицизма и кальвинизма).

Перехожу теперь къ явленію, чрезвычайно важному для правильнаго пониманія существа и причинъ формализма и болѣе всего подтверждающему мое мнѣніе о силѣ, которую, какъ я сказалъ, обнаруживаетъ форма надъ душой человѣка. Я разумѣю происхожденіе, иногда продолженіе формъ, съ самаго начала не имѣвшихъ никакого значенія, или потерявшихъ его—слѣдовательно почитаніе голой, сухой формы только потому, что она форма.

Такъ въ римскомъ мірѣ, въ его правѣ, обыкновеніяхъ жизни, религіозномъ ритусѣ, а также въ нынѣшней Англии мы часто встрѣчаемся съ особеннымъ родомъ формъ, которыя я называю отсталыми (*residuäre*). Вотъ какъ онѣ образовались: учрежденія, дѣйствія, условные приемы или элементы ихъ, которые первоначально не имѣли въ себѣ ничего формальнаго, но были даны существовавшимъ порядкомъ жизни, состояніемъ фабрикаціи, ремеслъ, земледѣлія, модою и т. п., для извѣстныхъ обстоятельствъ и отношеній удерживаются потомъ въ качествѣ обрядовъ, будучи вытѣснены уже въ обыденномъ ходѣ вещей измѣнившейся модою и успѣхами техники. Такимъ образомъ то, что сначала вовсе не имѣло формальнаго характера, а представляло собою текучую, свободную сторону жизни, дѣлается формою въ полномъ смыслѣ слова—это окаменѣлая часть прошлаго, которая часто странно торчитъ изъ уровня позднѣйшаго времени. Извѣстно, что ораторъ нижней палаты въ Англии, придерживаясь старинны, носитъ до сихъ поръ огромный парикъ; исчезнувъ съ другихъ головъ, онъ остался на головѣ оратора, какъ парикъ отсталый. На континентѣ подобный примѣръ представляетъ Гамбургъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ при погребеніи, тоже оставилъ у себя отсталые парики.

Изъ зерновыхъ хлѣбовъ въ древнѣйшее время обрабатывалась римлянами или ихъ предками полба (*fag*), въ пищу приготавлилось тѣсто (*puls*). Въ дѣйствительности онъ давно

уже замѣнились другими сортами и способами приготовления, но въ религиозномъ ритуусѣ, а именно при совершеніи брака посредствомъ конфарреациі, ихъ придерживались строго. Въ древнѣйшее время, за неимѣніемъ ножей и цожницъ, рѣзали копьемъ, и женихъ при совершеніи брака также употреблялъ копье для обрѣзанія волосъ невѣсты. Вездѣ ужъ вышло оно изъ употребленія, но удержалось въ рукахъ женщх, какъ и прежде (*hasta caelibaris*). Тоже было съ платкомъ невѣсты (*flammeum*). мода давно знала лучшія ткани, но невѣста на свадьбѣ и жрица должны были соблюдать древнюю форму⁽²⁵⁾. До введенія чеканенной монеты надобно было взвѣшивать металлъ, монета избавляла отъ этаго. Но въ нексумъ и манципациі удержали если не взвѣшивание, то по крайней мѣрѣ мѣдъ и вѣсы.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, которыхъ можно представить во множествѣ, форма съ перваго же появленія своего не имѣла никакого внутренняго значенія, будучи простымъ осадкомъ прошлаго, чистой *carut mortuum*. Что же содѣйствовало жизни ея въ видѣ формы? Неужели одна *vis inertia*, сила обычая? Какъ бы ни говорили, но сила обычая предполагаетъ тутъ склонность къ формѣ въ субъективномъ отношеніи. При равнодушіи духа къ моменту внѣшняго, старое, уступивъ мѣсто новому въ существѣ вещи и на дѣлѣ, конечно перестало бы существовать и формально. Впрочемъ весьма возможно, что отсталыя формы, которыхъ историческое происхождение затерялось, получая другой смыслъ, переходятъ въ символическія, и я убѣжденъ, что множество формъ, считающихся символическими, первоначально были только отсталыми⁽²⁶⁾.

(25) Объ этихъ замѣствованныхъ изъ свадебныхъ обрядовъ примѣрахъ ср. Rossbach Untersuchungen über die röm. Ehe, стр. 104, 282, 291. Другой примѣръ у Плинія *Hist. Nat.* XXXIII, с. 4: *quo argumento etiam nunc sponsae muneri ferreus anulus mittitur isque sine gemma.*

(26) Такъ напримѣръ упоминаемое у Пухты, *curs der Instit.* В. 2, § 162, Note m, нельзя такъ строго отвергать, какъ отвергаетъ онъ.

Подобно тому, какъ въ отсталыхъ формахъ, часть прошедшаго совершенно въ томъ видѣ, какъ была, окаменѣваетъ въ образѣ формы, такъ въ формахъ репрезентативныхъ, если можно такъ выразиться, сохраняется по крайней мѣрѣ воспоминаніе о прошломъ. На мѣсто прежняго, которое должно быть оставлено въ цѣломъ или въ части, поставляется болѣе удобное, болѣе современное подражаніе, но только въ простомъ значеніи формы, единственно ради внѣшности,—это уступка, посредствомъ которой привязанность ко внѣшнему мирится съ требованіями времени.

Покуда римское владычество ограничивалось маленькимъ городскимъ округомъ, претору легко было при виндикаціи поземельнаго участка отправляться вмѣстѣ съ тяжущимися на мѣсто спора. Съ распространеніемъ территоріи за извѣстный предѣлъ потребовалось отмѣнить существовавшій порядокъ. Но принаравливаясь къ необходимости, въ тоже время старались сохранить видъ и воспоминаніе прежняго учрежденія. Теперь поземельный участокъ на судѣ должна была представлять глыба земли, приносимая тяжущимися. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно было удержать обряды и формулы, обусловливавшіеся присутвіемъ суда на мѣстѣ спора. Аррогація въ древнѣйшее время происходила въ куріальныхъ собраніяхъ при содѣйствіи понтифексовъ, посредствомъ формальнаго народнаго постановленія. Учрежденіе это тоже не могло удержаться, и какъ кажется по весьма простой причинѣ, что народъ, потерявъ интересъ, пересталъ посѣщать собранія. Извѣстно, что аррогація совершалась потомъ одними понтифексами—нечего говорить, что ликторы не имѣли самостоятельнаго и рѣшительнаго голоса—но какъ нѣкогда требовалось постановленія куріальнаго собранія, то представителями 30 курій сдѣлали 30 ликторовъ. Въ существѣ вещи прежнее учрежденіе было оставлено, но внѣшній видъ сохраненъ до извѣстной степени.

Обращаюсь теперь къ *дальнейшему существованію* формъ, *утратившихъ* значеніе. Репрезентативныя формы, только что изложенныя нами, занимаютъ какъ-бы средину между этимъ новымъ и прежнимъ видомъ; представляя собою форму морфологически новую, онѣ приближаются къ первому, но, являясь съ другой стороны только подражаніемъ формамъ существовавшимъ, онѣ подходятъ ко второму.

Разсматриваемое нами явленіе—существованіе внѣшняго въ видѣ пустой формы, лишенной внутренняго смысла, встрѣчается въ формахъ и учрежденіяхъ: въ символахъ, которые пережили себя, т. е. когда они въ субъективномъ отношеніи или сдѣлались непонятными, или не находятъ болѣе вѣры: въ учрежденіяхъ, утратившихъ практической смыслъ и значеніе, напримѣръ, когда свободное дѣйствіе превращается въ необходимое, ⁽²⁷⁾ или когда дѣйствіе, требуемое закономъ, судебнымъ рѣшеніемъ или договоромъ, на самомъ дѣлѣ замѣняется другимъ ⁽²⁸⁾ и т. п. Какъ послѣдній остатокъ прежняго учрежденія, удерживается часто голое, пустое слово, формула, пмя, между тѣмъ существо дѣла совсѣмъ перемѣнилось. Вино, приносившееся въ храмъ Описа (Ops), какъ передаетъ намъ Макробій, ⁽²⁹⁾ вносилось

(27), Напримѣръ санкція, принадлежавшая куріальнымъ комиціямъ Liv. 1, 18. id sic ratum esset, si patres auctores fierent; hodieque in legibus magistratibusque regandis usurpatur idem jus vi adempta (т. е. съ уничтоженіемъ права отказывать въ дачѣ auctoritas); priusquam populus suffragium ineat, in incertum comitiorum eventum patres auctores fiunt, tutela mulierum testamentaria позднѣйшаго времени Gaj. 1, 190-192, присяга на подданство и т. п.

(28) Напримѣръ матеріальное возмездіе денежнымъ штрафомъ, рогатый скотъ и овцы, къ которымъ присуждала multa опредѣленною закономъ суммою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напримѣръ въ Швеціи) и теперь еще въ извѣстныхъ случаяхъ назначается смертная казнь, замѣняемая на практикѣ незначительнымъ денежнымъ штрафомъ или такимъ же тюремнымъ заключеніемъ.

(29) Saturn. I, 12. Для лѣбавій Церерѣ тоже не могло быть употребляемо вино. Macr. III, II.-

туда не подъ настоящимъ именемъ, а называлось «молокомъ», сосудъ назывался «медовымъ горшкомъ», это указываетъ, что первоначально допускались въ храмъ только молоко и медъ. Мѣста высшихъ судей въ Англіи замѣчались прежде только лордами, это потомъ перемѣнилось, но названіе и обращеніе: лордъ верховный, судья, сохранились до настоящаго времени.

Такая привязанность къ привычной формѣ, лишенной всякаго внутренняго смысла, такое поклоненіе пустой виѣшности представляется съ перваго взгляда чѣмъ-то истинно бессмысленнымъ, порицаемымъ и поверхностная мудрость анализирующаго періода, начиная съ самаго Цицерона, паходила въ этомъ обоготвореніи формы широкое поле для остроумія. Но было-бы достойнѣе понять истинное значеніе предмета, а не осыпать его насмѣшками. Я рѣшительно вижу въ этомъ одно изъ самыхъ важныхъ явленій въ исторіи культуры.

Извѣстно, что прочность и твердость прогресса зависятъ отъ исторической преемственности, отъ внутренней связи прошедшаго съ настоящимъ. Но къ числу нитей и связей, поддерживающихъ эту преемственность, принадлежитъ именно форма; внутреннія, матеріальныя, историческія точки соединенія ускользаютъ болѣе или менѣе отъ взоровъ толпы, вращаясь въ маленькомъ кружкѣ людей, просвѣщенныхъ знаніемъ, тогда какъ форма, будучи чѣмъ-то осязаемымъ и постоянно повторяющимся, является главнѣйшею поддержкою народнаго сознанія о преемственности историческаго развитія. Чѣмъ болѣе отразилась въ формахъ какая-либо особенность ихъ времени, которая потомъ исчезла, какъ напримѣръ государственное устройство, нравы, мода и т. п., чѣмъ болѣе слѣдовательно привлекаютъ онѣ наблюдателя своею странностію и, подобно исчезнувшему одеждѣ и модамъ въ портретахъ предковъ, вызываютъ въ немъ чувство исторической перспективы, тѣмъ болѣе связываютъ онѣ съ прошлымъ, представляя его наглядно и характеристично; форма возбуждаетъ и поддерживаетъ въ народѣ воспоминаніе.

наніе былого, память дѣдовскихъ временъ и производитъ такимъ образомъ то умѣренное направленіе и осторожность въ практическихъ вопросахъ настоящаго, которымъ мы по справедливости удивляемся въ древнихъ римлянахъ и англичанахъ. Привязанность даже къ отжившимъ формамъ есть и слѣдствіе, и неизсякаемый источникъ историческаго смысла, безъ котораго еще не удалась ни одна прочная постройка въ сферѣ государства и церкви.

Къ этому первому основанію, научающему историческій смыслъ любить, цѣнить и хвалить одну голую форму, къ этому, если можно такъ выразиться, общему ея педагогическому значенію для характера народа, присоединяется другое, а именно консервативное вліяніе формы на идеи, учрежденія и т. п., которымъ она служитъ выраженіемъ. Чѣмъ болѣе развита въ нихъ формальная сторона, тѣмъ крѣпче ихъ жизненная сила. Посредствомъ формы бытіе идей и учреждений плотно скрѣпляется и связывается съ матеріальнымъ міромъ, внѣшнимъ образомъ жизни, привычкой глаза, силой внѣшняго обычая. Уже при обычномъ ходѣ вещей этимъ обезпечивается и укрѣпляется жизнь и сила ихъ; но въ случаяхъ чрезвычайныхъ драгоцѣнное значеніе стойкости, полученной ими, выступаетъ въ полномъ блескѣ. Для всѣхъ идей—бываетъ пора временнаго равнодушія и холодности, утомленія и отпаденія отъ нихъ, время испытанія и опасности, когда идетъ вопросъ о томъ, быть или не быть. Идеи, предоставленныя собственнымъ силамъ, т. е. не поддержанныя устойчивостію формы, умираютъ вмѣстѣ съ потерей нравственнаго господства надъ умами, отживаютъ затерявшись въ народѣ, и когда непріязненный потокъ времени пробѣжалъ уже, надобно опять новой борьбы для вызова ихъ къ жизни новыхъ родовъ и мукъ роженіцы. Но совсѣмъ иное бываетъ, если онѣ воплотились въ стойкія внѣшнія формы, такъ какъ форма, подобно всему низшему, живуча сравнительно съ высшимъ; она имѣетъ способность прозябать, т. е. жить безъ

смысла, что невозможно для идеи. Когда идея, выразившаяся въ формѣ, уже уступила мѣсто иной, то форма въ это время, равнодушно оставляемая въ качествѣ одной виѣшности, употребляемая безъ мысли, продолжаетъ прозябать, пустая внутри себя и безъ пользы повидимому. Между тѣмъ перѣдко выступаютъ на сцену носящіе названіе мудрыхъ и разсудительныхъ, и называя подобный фактъ ложью и обманомъ, кричатъ, чтобы сгнившее и мертвое внутри въ свою очередь было предано погребенію. Но если народъ привязанъ къ формѣ, т. е. надѣленъ чувствомъ ея, какъ выразился я выше, то управляемый вѣрнымъ инстинктомъ, онъ не такъ легко раздѣляется съ формами, заклеяменными именемъ мертвыхъ. И справедливо! предполагаемая смерть формы, ея бездыханность есть между тѣмъ только кажущаяся—это замрзаніе на зиму въ пустынной, бѣдной норѣ, прекращающееся съ первымъ дуновеніемъ весенняго вѣтерка. На «мертвой» формѣ здѣсь ждетъ вся надежда жизни. Покончить съ нею не значитъ схоронить бездыханное тѣло, а просто на просто уничтожить личинку, въ которой крылась бабочка.

Такимъ образомъ форма, лишенная, какъ кажется, всякаго смысла, напротивъ представляется въ высшей степени полезною, доставляя идеѣ неоцѣненную услугу. Прозябаніе ея дѣлается въ рукахъ исторіи специфическимъ средствомъ связать прошедшее съ настоящимъ и обезпечить преемственность историческаго развитія. Хотя въ большей части случаевъ то, что кажется мертвымъ, дѣйствительно мертво, хотя духъ и жизнь не возвращаются болѣе въ бездыханныя формы,—но желающій избѣжать опасности, чтобы смерть наружную не принять за дѣйствительную, достигнетъ своей цѣли только тогда, если въ сомнительныхъ случаяхъ видимую имъ смерть почитаетъ за кажущееся явленіе.

Наше изложеніе показало,—я смотрю съ одной точки зрѣнія на его обѣ части,—что привязанность къ одной формѣ не

составляет чего-либо внѣшняго и пустаго, а является слѣд-
ствиемъ и существенной поддержкой стремленія къ преимущест-
венности развитія. Потому-то привязанность эту мы и встрѣча-
емъ преимущественно у тѣхъ народовъ, которые отличаются
такимъ стремленіемъ, а именно также и у римлянъ.

Перев. К. ЦАРЕВСКІЙ.

СЛОВО

ОЧЕРКЪ

АНГЛІЙСКАГО УГОЛОВНАГО ПРОЦЕССА.

(Продолженіе) (*).

IV.

Предварительное слѣдствіе оканчивается приговоромъ (commitment, отъ mitto, посылать) судьи объ отсылкѣ обвиняемаго къ уголовному суду. Но этотъ приговоръ не есть окончательное рѣшеніе о преданіи обвиняемаго уголовному суду и о началѣ формальнаго разбирательства. Вопросъ—существуютъ ли достаточныя основанія допустить это разбирательство, разрѣшается самостоятельно и составляетъ предметъ отдѣльнаго производства, которое состоитъ изъ двухъ моментовъ: изъ составленія обвинительнаго акта и изъ рѣшенія большимъ или обвинительнымъ судомъ присяжныхъ вопроса о допусκαемости обвиненія предъ уголовный судъ.

По закрытіи предварительнаго слѣдствія, протоколы его отсылаются клерку, или по нашему секретарю того суда, предъ которымъ должно происходить судоговореніе надъ обвиняемымъ.

(*). См. Ж. М. Ю. за июнь 1860 г.

Клеркъ, получивъ эти протоколы, приступаетъ къ составленію на основаніи ихъ обвинительнаго акта. Актъ этотъ долженъ быть простымъ, яснымъ и точнымъ изложеніемъ фактовъ, на которыхъ опирается обвиненіе, изложеніемъ, не содержащимъ въ себѣ никакихъ одностороннихъ предположеній и мнѣній обвинителя. Показать ясно обвиняемому преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ, представить присяжнымъ факты, доказывающіе вѣроятную виновность подсудимаго, и обратить на нихъ ихъ вниманіе—въ этомъ состоитъ цѣль обвинительнаго акта. При этомъ составителю обвинительнаго акта строго запрещается представлять за истину показанія, данныя при предварительномъ слѣдствіи, вносить въ актъ какія-нибудь доказательства, рассказывать, какъ предположительно могло случиться такое-то событіе или наконецъ изображать характеръ обвиняемаго, и такимъ образомъ выводить заключенія о допущеніи виновности. *Indictment*, какъ называется обвинительный актъ (отъ латинскаго *indico*), не долженъ содержать въ себѣ указанія на другое преступленіе, которое могъ совершить обвиняемый, такъ же какъ и напоминанія, что подсудимый былъ уже разъ наказанъ за другое преступленіе. Последнее обстоятельство имѣетъ вліяніе на мѣру наказанія и потому обыкновенно указывается только послѣ приговора присяжныхъ о преданіи виновнаго суду; иначе можно было бы легко ввести въ заблужденіе присяжныхъ, обязанныхъ имѣть въ виду тѣ факты, которые относятся къ преступленію, подлежащему ихъ разсмотрѣнію.

Обвинительный актъ составляется въ такомъ смыслѣ, какъ бы обвинителями выступали присяжные. Эта форма осталась отъ тѣхъ временъ, когда присяжные, какъ представители общины, непосредственно являлись обвинителями и указывали на преступниковъ или подозрѣваемыхъ въ преступленіи. Этотъ способъ преданія уголовному суду (называемый *presentement* отъ лат. *presento*, представлять) существуетъ *de jure* до сихъ поръ, но *de facto* вышелъ изъ употребленія и отчасти видо-

измѣнился. Въ обвинительномъ актѣ должны быть означены имя и фамилія обвиняемаго, нѣкоторыя особенности его, имѣвшія вліяніе на характеръ преступленія, напримѣръ что подсудимый чиновникъ,—предметъ надъ которымъ совершено преступленіе, какъ напримѣръ имя раненаго или убитаго, украденная вещь, если это важно въ отношеніи къ роду преступленія, при обвиненіи въ воровствѣ имя собственника украденной вещи, равнымъ образомъ мѣсто и время совершенія преступленія, если этимъ условливается родъ представляемаго обвиненія. Равнымъ образомъ долженъ быть указанъ способъ, коимъ совершено преступленіе, если это необходимо для разъясненія преступнаго дѣянія, напримѣръ причинена ли насильственная смерть выстрѣломъ, ударомъ или ядомъ.

Главное предостереженіе англійскаго права относительно предмета обвинительнаго акта состоитъ въ томъ, чтобы соединеніемъ различныхъ обвиненій въ одномъ актѣ не затруднить судебного разбирательства и защиты и не запутать этимъ умъ присяжныхъ, развлекая ихъ вниманіе многообразіемъ предметовъ. Поэтому въ одномъ и томъ же актѣ не можетъ быть подсудимый обвиняемъ въ убійствѣ и воровствѣ, если воровство не находится въ тѣсной, естественной связи съ убійствомъ. Но дозволяется соединять въ одномъ обвинительномъ актѣ многія обвиненія, относящіяся къ одному и тому же преступленію, напримѣръ, если смерть причинена была рядомъ одно за другимъ слѣдовавшихъ насилій, или разстройство здоровья произошло отъ дурнаго обращенія, продолжавшагося долгое время, или воровство совершено было не въ одинъ разъ, а въ теченіи извѣстнаго періода пѣлымъ рядомъ повторявшихся и разнообразившихся дѣйствій. Тамъ, гдѣ обвинитель не можетъ съ точностію указать на опредѣленный способъ совершенія преступленія, дозволяется привести послѣдовательно многія, напримѣръ, что убійство причинено выстрѣломъ пулею, или ударомъ лома или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Обвинительный актъ составляется клеркомъ того суда, въ которомъ должно происходить судоговореніе, или адвокатомъ обвинителя, чаще всего первымъ. Клеркъ обрабатываетъ этотъ документъ на основаніи протоколовъ предварительнаго слѣдствія и содержащихся въ немъ свидѣтельскихъ показаній. Но къ нему нерѣдко является частный обвинитель и сообщаетъ факты, до преступленія относящіеся, которые онъ также заноситъ въ актъ. Это имѣетъ вредное вліяніе на отправленіе суда въ графствахъ. Такъ какъ въ Лондонѣ при Centralcourt (центральный судъ) каждый мѣсяцъ держатся ассизы, то нѣтъ особенныхъ причинъ спѣшить составленіемъ обвинительнаго акта, и потому онъ обрабатывается съ надлежащею осмотрительностію. При томъ же при лондонскихъ судахъ находятся очень опытные клерки; имя одного изъ нихъ, какъ чрезвычайно опытнаго дѣльца, лѣтъ десять практикующагося при центральномъ судѣ въ составленіи этихъ актовъ, не разъ упоминаетъ Миттермайеръ въ сочиненіи, составляющемъ главный источникъ этого очерка. Но въ графствахъ ассизы бывають два раза въ годъ и клерки ассизныхъ и тримѣсячныхъ засѣданій мировыхъ судей не такъ основательно образованы, и потому слышатся громкія жалобы на то, что обвинительные акты составляются безъ надлежащихъ юридическихъ и практическихъ знаній и слишкомъ торопливо. Потому-то особенно неблагоприятнымъ слѣдствіемъ для правосудія сопровождается непосредственная явка обвинителей къ составителю акта и составленіе акта по его показаніямъ. Если преступленіе совершается предъ наступленіемъ приѣзда ассизовъ или даже во время засѣданія ихъ, обвинитель спѣшитъ воспользоваться временемъ, чтобы дѣло было рѣшено безъ отлагательства до слѣдующихъ ассизовъ. Такимъ образомъ составляется слишкомъ поспѣшно и безъ надлежащей обработки обвинительный актъ.

Близко выкавшіе въ исторію англійскаго обвинительнаго акта замѣчаютъ, что простота издавна была отличительной

его чертой. Впрочемъ еще не такъ давно жаловались на вмѣненіе въ необходимость точно обозначать въ немъ мелкія частности преступленія, какъ напримѣръ украденную вещь, мѣсто, время совершенія преступленія, малѣйшая ошибка въ обозначеніи коихъ обращалась въ выгоду обвиняемаго и сопровождалась или очистительнымъ приговоромъ присяжныхъ, такъ какъ обвиненіе не могло быть доказано до послѣдней буквы, или уничтоженіемъ самаго акта, что иногда тоже влекло за собою безнаказанность для дѣйствительно виновнаго. Другой недостатокъ этого акта, подвергавшійся справедливымъ нареканіямъ, состоялъ въ употребленіи въ немъ для означенія преступленія латинскихъ, непонятныхъ для присяжныхъ выраженій въ родѣ *felonice sevit, garuit* и т. п. д. и техническихъ, неопредѣленныхъ и удобныхъ къ многоразличнымъ толкованіямъ словъ, легко вводившихъ въ заблужденіе присяжныхъ. Все это вело къ неосновательнымъ очистительнымъ приговорамъ.— Можно поэтому считать большимъ шагомъ въ улучшеніи цѣлаго процесса отмѣненіе старыхъ статутовъ, объявлявшихъ ничтожнымъ обвиненіе, если въ обвинительномъ актѣ оказывалась частная ошибка и неточное обозначеніе хотя бы и неважнаго обстоятельства. Коммисія, имѣвшая назначеніе улучшить уголовное законодательство, отдѣлила существенное въ обвинительномъ актѣ отъ несущественнаго, упростила его точными указаніями, не нанося вреда ни необходимой точности, ни опредѣленности обвиненія. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи билль нынѣшняго лорда канцлера, лорда Кембеля, внесенный имъ въ парламентъ и принятый въ 1851 г. Съ тѣхъ поръ сдѣлалось ненужнымъ точно означать при обвиненіи въ убійствѣ видъ этого преступленія, образъ и средства, коими оно совершено. Было также отмѣнено употребленіе техническихъ словъ и непонятныхъ выраженій. Такимъ образомъ системѣ обвиненія сообщено было еще болѣе простоты, а между тѣмъ непарушена была необходимая при обвиненіи точность.

Во Франціи обвинительный актъ составляется прокуроромъ послѣ произнесенія обвинительною камерою (*chambre d'accusation*) рѣшенія о преданіи обвиняемаго формальному суду. Извѣстно, что французскій прокуроръ при составленіи его слишкомъ свободно распоряжается находящимся у него подъ рукою матеріаломъ и, не довольствуясь ролью простаго докладчика, вноситъ въ актъ свои умозаключенія. Онъ представляетъ за истину факты, не имѣющіе въ протоколахъ достаточныхъ оснований, изображаетъ подробно исторію жизни подсудимаго, а чаще беретъ изъ нея тѣ происшествія, какія онъ считаетъ нужнымъ, излагаетъ подозрѣнія и вообще доводы, доказывающіе виновность подсудимаго. Такимъ образомъ преступленіе не рѣдко является въ другомъ свѣтѣ и другомъ видѣ, а не въ томъ, въ которомъ оно представлялось обвинительной камерѣ, и въ какомъ она передаетъ его формальному суду. Въ сочиненіи Миттермайера приведенъ краткій анализъ обвинительнаго акта по извѣстному дѣлу Лафаржъ. «Чтобы заинтересовать присяжныхъ, нужно было», говоритъ онъ, «уже въ самомъ началѣ выставить любящій характеръ самаго Лафаржа, и на противъ характеръ обвиняемой жены представить сколь возможно дурнымъ, съ тою цѣлію, чтобы показать присяжнымъ, какъ рано въ сердцѣ обвиняемой укоренилось преступное наклоненіе. Прокуроръ долженъ былъ представить ее лицемѣркою, чтобы можно было уже утвердительно сказать: съ этой минуты Марія Капель утвердилась въ своей мысли возвратить свою независимость смертію своего мужа. Такимъ образомъ нужно было развить въ актѣ, какъ каждый шагъ обвиняемой совершался съ смертоубійственнымъ намѣреніемъ, нужно было ея дѣйствіямъ навязать извѣстные мотивы, должно было воспользоваться каждымъ невыгоднымъ для обвиняемой показаніемъ свидѣтелей, за вѣроятность котораго не было никакого ручательства, и принять его за несомнѣнную истину, чтобы поселить въ присяжныхъ отвращеніе къ обвиняемой и убѣжденіе, что эта женщина способна на самое ужасное. Это былъ

такой обвинительный актъ, въ которомъ одностороннія показанія поверхностно выслушанныхъ свидѣтелей представлены за истину, и фантазія прокурора рисовала себѣ, какъ могло быть совершено преступленіе, и это представлено какъ рѣшенная вещь, — въ которомъ характеръ обвиняемой изображенъ такъ, что уже вина ея затѣмъ становилась вѣроятною, такимъ образомъ публика приведена была къ ложному сужденію, каждый свидѣтель поставленъ въ дурное положеніе и безпристрастію присяжныхъ угрожала опасность». Увлеченіе прокуроровъ своею ролью иногда заходитъ слишкомъ далеко. Въ 1855 г. въ одномъ ассизномъ судѣ прокуроръ, желая доказать обвиненіе извѣстнаго лица въ убійствѣ, сказалъ: какъ есть фамиліи, въ которыхъ добродѣтели переходятъ по наслѣдству, такъ есть и такія, которыя изъ поколѣнія къ поколѣнію обречены на безславіе, надъ которыми почило проклятіе Божіе; исчисливъ затѣмъ, какіе родственники обвиняемаго были уже наказаны, обвинитель вывелъ заключеніе, что подсудимый принадлежитъ къ послѣдняго рода семействамъ (*). Нечего и говорить, что такая система обвиненія находитъ сильныхъ порицателей въ Англіи. Англійскіе теоретики и практики всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что она неразлучна съ увлеченіемъ и потому несомвѣстна съ безпристрастіемъ правосудія. Должно сказать, что характеръ французскаго обвинительнаго акта служитъ однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ признаковъ того, что весь процессъ во Франціи, не смотря на внѣшнія обвинительныя формы, слишкомъ до сихъ поръ пропитанъ слѣдственнымъ началомъ, и что, не смотря на наружное отдѣленіе юстиціи отъ администраціи, послѣдняя много имѣетъ входовъ, чрезъ которые она самымъ незамѣтнымъ, тихимъ, но послѣдовательнымъ шагомъ можетъ проникать въ величественное впрочемъ зданіе правосудія.

(*) Die Gesetzgebung und Rechtsübungen über Strafverfahren nach ihrer neuesten Fortbildung 1856 г. Mittermaier ст. 228.

На оборотъ составленнаго по вышеизложеннымъ правиламъ англійскаго обвинительнаго акта означаются имена свидѣтелей, которые, по предложенію обвинителя, должны быть спрошены предъ присяжными и при формальномъ разбирательствѣ. Въ этомъ видѣ актъ дѣлается основаніемъ обвиненія предъ присяжными.

V.

Допускаемость формальнаго слѣдствія принадлежитъ къ важнѣйшимъ пунктамъ процесса вообще. Важность его увеличивается тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе производство формальнаго суда влечетъ за собою вредныхъ послѣдствій для подсудимаго. Потому достоинство правосудія и интересъ подсудимаго требуютъ наибольшаго къ нему вниманія. Въ Англійи эта часть процесса тѣсно связана съ судомъ присяжныхъ.

Институтъ присяжныхъ возникъ и развился въ Англійи. Но по своему принципу онъ не составляетъ исключительной принадлежности одной англійской расы. Онъ есть судъ, составленный изъ людей, взятыхъ непосредственно изъ народа. Въ западной Европѣ, до начатія централизаціи судъ творили также мужи и выбранные изъ народа. Въ Англійи верховная власть рано сдѣлалась на самомъ дѣлѣ источникомъ судебной власти и сосредоточила въ своихъ рукахъ главныя отправления правосудія. Въ западной Европѣ долго было напротивъ; судъ то находился тамъ долго въ рукахъ бароновъ, то распадался по сословіямъ. Однакожь верховная власть въ Англійи, подчинивъ своему авторитету и своимъ представителямъ отправление правосудія во всемъ государствѣ, не только не спѣшила вытѣснить изъ судовъ живый народный элементъ, но умѣла воспользоваться имъ для цѣлой здоровой, крѣпкой и разумной юстиціи. Не то было на материкѣ Европы. Въмѣсто людей близко знавшихъ жизнь и отношенія судимаго лица или по крайней мѣ-

рѣ ту среду, въ которой оно вращалось, стали засѣдать цеховые судьи, почерпавшія свои свѣдѣнія о жизни изъ книгъ, пропитанныхъ узкимъ догматизмомъ и сухими діалектическими тонкостями. вмѣсто живаго и свѣжаго общественнаго сознанія, вмѣсто понятнаго для общества обычая и отечественнаго закона, въ судахъ стали слышаться цитаты изъ римскаго права и хитрыя, вполнѣ чуждыя всякому ученія и толкованія. При такомъ направленіи государственной жизни замерли тѣ зародыши, изъ которыхъ бы впоследствии могли развиваться основы присяжнаго суда, какъ это случилось въ Англии. Здѣсь также происходила борьба и долгія колебанія, пока институтъ этотъ окрѣпъ и сдѣлался нескороеннымъ изъ общественнаго и государственнаго быта и правовъ народа. Въ Англии онъ развился путемъ органической жизни; развитіе его совершилось въ связи съ участіемъ общества въ мѣстной администраціи, не смотря на раннее политическое единство страны, на усиленіе центральной власти.

Политическій или юридическій институтъ составляетъ присяжный судъ въ Англии, объ этомъ существуютъ различныя мнѣнія. Болѣе распространенное и можно сказать господствующее между англичанами мнѣніе, что это есть институтъ юридическій. Такое мнѣніе вполнѣ подтверждается исторіею и современнымъ состояніемъ этого суда. При своемъ возникновеніи присяжные были только свидѣтелями и выбранными отъ общины обвинителями. На общинѣ лежала обязанность сохранять миръ и вслѣдствіе того она являлась обвинителемъ нарушителей его и вообще отвѣчала, если бы и не отыскавъ былъ виновникъ. Присяжные были сначала именно тѣми лицами, которыя, какъ представители общины, указывали предъ агентами королевской власти на людей подозрѣваемыхъ въ преступленіи и вообще на случившіяся уголовныя происшествія. Право непосредственно являться обвинителями и до сихъ поръ имъ принадлежитъ, хотя на дѣлѣ почти вышло изъ употребленія. Съ другой стороны, съ исчезаніемъ ордалій или божьяго суда и особенно поедин-

ка, присяжные стали средством доказательства. Въ современномъ своемъ устройствѣ и въ отправленіи своихъ функций судъ этотъ носить на себѣ главнѣйшимъ образомъ также черты юридическаго института. Присяжные судятъ на основаніи доказательствъ, а не по совѣсти только. Хотя они взяты изъ народа и слѣдовательно не имѣютъ специальныхъ познаній въ законѣ, однакожъ подъ руководствомъ судьи и при его объясненіи они имѣютъ въ виду законъ. Присяжная служба какъ въ началѣ, такъ и теперь есть обязанность, притомъ тяжелая, а не право. Безъ сомнѣнія каждый англичанинъ видитъ въ этомъ учрежденіи охрану своей гражданской свободы, особенно при обвиненіи въ политическихъ преступленіяхъ, гдѣ болѣе всего возможно злоупотребленіе обвиненіемъ въ интересъ господствующей партіи. Нельзя также не признать, что съ институтомъ присяжныхъ неразлучно распространеніе въ народѣ знанія закона, что отправленіе правосудія дѣлается болѣе народнымъ и общее довѣріе къ нему усиливается, что народъ, внося въ судъ болѣе мягкой и болѣе человѣческой элементъ, привыкаетъ видѣть въ судѣ не карающую только силу, но неизбежное слѣдствіе преступленія, несомнѣннаго съ общественною жизнію. Но всѣ эти качества разсматриваемаго учрежденія не составляютъ главнаго его характера, а являются второстепеннымъ результатомъ его, какъ бы преміей. Въ такой постановкѣ суда присяжныхъ лежитъ одна изъ причинъ его прочности и незыблемости. Въ XVII вѣкѣ, во время борьбы за свободу, когда политическіе процессы были такъ часты и пропитаны страстнымъ увлеченіемъ абсолютизма, тогдашнее правительство пыталось было превратить этотъ институтъ въ орудіе собственной власти. Нельзя сказать, чтобы такія попытки остались безъ дѣйствія; они сопровождались для присяжныхъ пытками, презрѣніемъ со стороны коронныхъ судей, и что всего хуже, развращеніемъ посредствомъ подкупа и склоненія обольщеніемъ и страхомъ къ завѣдомой лжи и къ участию въ посягательствахъ на благосостояніе гражданъ, посягательствахъ, прикры-

томъ судебнымъ авторитетомъ. Тогда же зависимые отъ короны судьи успѣли установить въ практикѣ ограничившія объемъ участія присяжныхъ въ рѣшеніи уголовного случая правила о невозможномъ на дѣлѣ раздѣленіи фактическаго отъ юридическаго вопроса. Но не смотря на эти неблагоприятныя условія для существованія и развитія этого института, онъ сохранилъ свою природу и даже окрѣпѣ въ борьбѣ. Причина этого лежитъ столько же въ органической связи этого института съ цѣлымъ организмомъ общественнаго устройства, не подавагося при напорѣ неблагоприятныхъ для него обстоятельствъ, сколько и въ характерѣ его, какъ учрежденія юридическаго, составлявшаго необходимый элементъ судоустройства и судопроизводства. Съ измѣненіемъ перваго нужно было въ основаніи перестроить послѣдніе и внести въ нихъ болѣе правительственнаго начала. Какое сравненіе англійскаго присяжнаго суда съ французскимъ, который съ первыхъ же минутъ былъ организованъ какъ учрежденіе политическое, какъ право, которое впоследствии наполеоновское правительство раздавало охотникамъ въ видѣ милости и вниманія начальства. По словамъ Беранже, одного изъ извѣстнѣйшихъ практическихъ юристовъ, во Франціи подвергали присяжный судъ постояннымъ истязаніямъ (*toujours torturé*), чтобы подчинить его видамъ власти, вкусамъ партій, требованіямъ теорій (*De la répression pénale* p. 82). Введенный во время необузданнаго господства революціонныхъ страстей, онъ носилъ на себѣ ихъ печать. Господствующая партія спѣшила образовать изъ него послушное орудіе для осужденія подозрительныхъ или только казавшихся ей подозрительными лицъ и присяжный судъ во Франціи волею и неволею принималъ участіе въ ужасахъ, творимыхъ революціонными трибуналами. Подъ вліяніемъ отвращенія къ дотолѣ дѣйствовавшей теоріи доказательствъ, законодательство и практика бросились въ другую крайность; присяжнымъ узаконено было судить на основаніи неопредѣленнаго, неподлежаваго никакимъ правиламъ внутренняго

убѣжденія. Intime conviction, какъ руководящее начало суда присяжныхъ, тѣмъ охотнѣе было принято и усвоено, чѣмъ легче посредствомъ него можно было въ политическихъ процессахъ достигнуть обвиненія противника. Судьи, проникнутые традиціями старыхъ парламентовъ, и въ началѣ не были расположены къ этому суду, а злоупотребленія его еще болѣе утвердили ихъ въ этомъ чувствѣ. Потому, когда Наполеонъ потребовалъ отъ судовъ мнѣнія о новомъ порядкѣ судопроизводства, 30 судовъ противъ 22 подали голосъ объ уничтоженіи большой юри, остальные 23 дали неопредѣленное мнѣніе. Наполеонъ низвелъ этотъ институтъ до совершенной ничтожности, поставивъ его въ полную зависимость отъ исполнительной власти. Въ періодъ образованія конституціоннаго правленія присяжный судъ началъ было приобрѣтать прочныя качества. До 1830 г. присяжные судили только преступления (crimes), проступки же (delits) были судимы безъ нихъ, хотя нѣкоторыя изъ этихъ правонарушеній были наказываемы отъ 5 до 10 лѣтъ заключенія въ тюрьму. Съ этого времени изъ разряда проступковъ были исключены проступки противъ печати и подчинены подсудности присяжныхъ. Но съ паденіемъ конституціонныхъ формъ и господствомъ диктатуры это отмѣнено, и если теперешній судъ присяжныхъ во Франціи не въ такой зависимости отъ правительства, въ какой онъ былъ въ первую имперію, то онъ не пользуется и тою самостоятельностью, какая свойственна ему по самой его природѣ. Въ 1851 г. присяжные явились покорными орудіями администраціи, осуждая множество газетъ и журналовъ. Такимъ образомъ институтъ присяжныхъ, какъ политическое установленіе, во все время своего существованія во Франціи находился въ постоянной зависимости отъ политики, и какъ подчиненная ей сила, по необходимости испытывалъ вліяніе ея удобоизмѣняющейся природы. Когда въ 1848 г. Германія ввела у себя этотъ судъ, она имѣла въ виду французскую его форму. Миттермайеръ, при оцѣнкѣ не вполне сложившагося нѣмецкаго присяж-

наго суда, указываетъ на это, какъ на одну изъ причинъ неустойчивости и колебаній этого учрежденія.

Судъ присяжныхъ въ Англіи, какъ институтъ юридическій, съ самыхъ давнихъ временъ принимаетъ широкое участіе въ отиравленіи юстиціи. За исключеніемъ маловажныхъ полицейскихъ проступковъ, судимыхъ сокращеннымъ порядкомъ производства, всѣ прочіе уголовные случаи подлежатъ его подсудности. Онъ рѣшаетъ два важнѣйшіе въ уголовномъ производствѣ вопроса: есть ли достаточныя основанія для того, чтобы предать обвиняемаго уголовному суду и такимъ образомъ начать формальное судоговореніе, вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію большаго или обвинительнаго суда присяжныхъ, и виновать ли преданный суду въ преступленіи, — вопросъ, рѣшаемый малыми или судящими присяжными. Кромѣ того гражданскія тяжбы рѣшаются при его участіи. Извѣстно, какъ ограничена судебная дѣятельность этого учрежденія во Франціи и Германіи. Относительно круга подсудности, предоставляемой присяжнымъ, существуетъ разногласіе. Одни считаютъ англійскую систему болѣе соответствующею и природѣ самаго учрежденія, и потребностямъ юстиціи, и благу общества. Другіе же напротивъ хотятъ видѣть въ ней неминуемый вредъ для гражданского общества, для отдѣльныхъ гражданъ и для самаго судоотправленія. Они говорятъ, что эта система неразлучна съ большими издержками, съ жертвами для гражданъ, несущихъ присяжную службу, и медленностію производства во вредъ обвиняемому и тяжущимся. Потому они смотрятъ на присяжныхъ, какъ на учрежденіе, назначеніе котораго состоитъ въ совмѣстномъ съ судьями рѣшеніи только тяжкихъ уголовныхъ преступленій; при разсмотрѣніи же маловажныхъ уголовныхъ случаевъ, а равно и гражданскихъ тяжбъ и исковъ, участіе ихъ, по самой природѣ дѣлъ, они считаютъ не нужнымъ. Англійская система и ея сторонники имѣютъ за себя самыя полновѣсныя теорети-

ческія доказательства и практику. Если это учрежденіе способствуетъ наиболѣе справедливому отправленію юстиціи вообще, то вполне послѣдовательно будетъ подчинить его вѣдомству по мѣрѣ возможности наиболѣе обширный родъ преступленій и споровъ. Не говоря уже о томъ, что законодатели изъ выгодъ своей партіи и собственныхъ подводятъ подъ неважные случаи проступки, за которые часто назначаются очень важныя наказанія, что судъ поражаетъ иногда благороднѣйшихъ людей страны за дѣйствія часто относительной виновности, каковы проступки противъ законовъ печати, правосудіе требуетъ равнаго вниманія ко всѣмъ родамъ преступленій, а потому и равнаго участія въ судѣ общественныхъ силъ наиболѣе способныхъ обнять обстоятельства преступленія въ связи съ окружающей средой, въ которой обращался преступникъ, и личными его особенностями. Исключенія могутъ быть сдѣланы для того рода хотя многочисленныхъ, но очень маловажныхъ проступковъ, которые отличаются особенной простотой признаковъ виновности, и то подъ условіемъ существованія другихъ гарантій справедливаго суда. При ограниченномъ объемѣ подсудности, принадлежащей присяжнымъ, учрежденіе это есть не больше, какъ осуществленіе принципа, восполняющаго неизбежныя по самой природѣ вещей недостатки и односторонность цеховой юстиціи. вмѣстѣ съ этимъ присяжные становятся политическимъ учрежденіемъ, усваиваютъ одностороннее значеніе и приходятъ въ зависимость отъ политическихъ партій. Общество, встрѣчая присяжныхъ дѣйствующими въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, привыкаетъ считать присяжную службу средствомъ, уступленнымъ ему на случай крайности, а не прямою, конечно тяжелою, обязанностію каждаго гражданина нести для собственнаго же блага часть общей тяжести. Говорятъ, что присяжная служба въ обширныхъ размѣрахъ слишкомъ тяжела для гражданъ, изъ коихъ каждый занятъ собственнымъ дѣломъ. Возраженіе это, вообще говоря, не имѣетъ смысла для смотрящаго на дѣло здоровыми глазами англичанина, который

убѣдился долгимъ опытомъ, что безъ несенія каждымъ гражданиномъ общественныхъ обязанностей нельзя пользоваться общественными выгодами, что и гражданинъ Франціи, уклоняющійся отъ несенія тяжести лично, все же несетъ ее деньгами, платя ихъ изъ своего кармана заступающему его специалисту, который однакожъ по самому свойству своего положенія и своего отношенія къ дѣлу, не можетъ внести въ отправленіе его всѣхъ нужныхъ качествъ. Упомянутый нами выше французскій писатель Беранже говоритъ, что уничтоженіе во Франціи обвинительнаго суда присяжныхъ повлекло за собою увеличеніе числа судей специалистовъ.

Основная мысль присяжнаго суда вообще, котораго Англія представляетъ наиболѣе совершенную форму, заключается въ соединеніи при отправленіи правосудія двухъ равно законныхъ и равно необходимыхъ элементовъ,—народнаго, вносящаго въ судъ живое, прогрессивно измѣняющееся сознаніе народа, и государственнаго, представляющаго въ судѣ болѣе неподвижную силу, силу закона. Присяжные, какъ лица, выбранныя изъ народа, находясь въ разнообразныхъ положеніяхъ жизни и будучи знакомы съ житейскими отношеніями, состояніемъ и убѣжденіями различныхъ классовъ общества, могутъ вѣрнѣе, чѣмъ судьи специалисты, удаленные самою дѣятельностію отъ непосредственнаго соприкосновенія съ массами, оцѣнить факты, составляющіе виновность подсудимаго. Естественная, замѣчаемая у каждаго судьи наклонность строго держаться буквы закона, смягчается противоположнымъ стремленіемъ присяжныхъ смотрѣть на преступленіе съ болѣе свободной точки зрѣнія моральной и естественной необходимости. Волей или неволей должно согласиться, что многія преступленія, совершаемыя въ родѣ человѣческомъ, происходятъ не только отъ испорченности и развращенности индивидуума, но еще болѣе отъ тѣхъ или другихъ условій несовершенно устроенныхъ обществъ, а иногда отъ предразсудковъ, которые завѣдомо поддер-

живаются въ извѣстныхъ классахъ общества. Было бы противно естественному чувству справедливости, безотносительно примѣнять къ нимъ законъ. Не нужно имѣть глубокаго историческаго вѣдѣнія, чтобы убѣдиться, какъ непреложны основы прирожденной человѣку нравственности, и какъ условны и переменчивы формы ея проявленія. Общество въ нормальномъ состояніи осуждаетъ преступныя дѣянія независимо отъ закона; если бы оно перестало осуждать и преслѣдовать дѣйствительнаго преступника, оно едва ли могло бы долго существовать, не потому, что въ карающихъ его дѣйствіяхъ лежитъ главная причина его прочности, а потому что равнодушіе при видѣ преступленія и безразличіе къ нарушенію нравственныхъ законовъ служатъ признакомъ отсутствія тѣхъ условій, при которыхъ только и можетъ существовать общество. Потому присяжные, разумные представители здороваго общественнаго организма, не могутъ не обвинять дѣйствительныхъ преступниковъ. Съ другой стороны, формы человѣческой нравственности или лучше сказать понятія народа о различныхъ предметахъ дозволеннаго и недозволеннаго постоянно видоизмѣняются, и эти переменны, совершаясь въ духѣ, бываютъ такъ неуловимы, что ихъ трудно каждый разъ подмѣтить, а тѣмъ болѣе трудно и даже невозможно освятить закономъ. Но уже потому, что онѣ совершились по естественному закону развитія, онѣ имѣютъ право на вниманіе. Судья специалістъ по самой природѣ своего назначенія, какъ блюститель закона, и по своему положенію, какъ лицо вращающееся въ опредѣленной и тѣсной сферѣ своей специалности, не можетъ быть носителемъ и оффициомъ этихъ переменъ. Для этого необходимо непосредственное, свѣжее чувство и убѣжденіе присяжныхъ, какъ представителей болѣе широкой сферы, сферы народной. Но внося въ отправленіе правосудія самостоятельный элементъ движенія, присяжные дѣйствуютъ въ гармоніи съ представителями положительнаго начала или закона; это составляетъ

отличительную черту природы первообраза этого института, возникшаго въ Англии. Здѣсь присяжные судятъ на основаніи доказательствъ и потому въ теченіи производства постоянно пользуются указаніями и объясненіями судьи не только относительно факта, но и относительно права, то есть смысла закона и сложившихся обычаевъ правилъ. Основные свойства суда присяжныхъ и составляютъ главную причину его достоинствъ, какъ института, назначеннаго для отправленія правосудія. Насколько онъ способствуетъ справедливости, въ этомъ отношеніи важно для насъ мнѣніе самихъ англичанъ и между ними тѣхъ, которые долго его наблюдали. Въ 1854 г. нынѣшній лордъ канцлеръ Кембель говорилъ въ верхней камерѣ, что жюри онъ считаетъ лучшимъ учрежденіемъ для достиженія истины. Правда, онъ прибавилъ, присяжные иногда ошибаются, но развѣ это не случается съ государственными судьями? Въ 11 лѣтъ, въ теченіи коихъ онъ былъ судьей, ему встрѣчались такіе случаи, когда онъ думалъ, что присяжные ошибаются, но позднѣйшія размышленія его убѣдили, что они были правы. Изъ мнѣнія судей о томъ, что присяжные ошибаются, не слѣдуетъ еще выводить, что это и дѣйствительно такъ. Не должно забывать также, что присяжный судъ тѣми качествами, которыя онъ вноситъ въ отправленіе правосудія, вызываетъ въ народѣ уваженіе и довѣріе къ послѣднему. Въ народѣ является убѣжденіе, что обвиняемый справедливо осужденъ, потому что его судили его же собственные сограждане, отчасти имъ самимъ выбранные.

Въ Англии существуетъ два главныхъ вида присяжнаго суда: большой или обвинительный и малый или судящій. Первый (какъ сказано выше) рѣшаетъ въ процессѣ вопросъ допусκαемости уголовного суда по данному случаю, второй рѣшаетъ главный вопросъ—виновать ли невиновать обвиняемый.

По коренному началу англійскаго права пикто не можетъ быть преданъ суду за преступленіе, принадлежащее къ

подсудности трехмѣсячныхъ засѣданій мировыхъ судей и королевскихъ ассизъ, если по крайней мѣрѣ двѣнадцать присяжныхъ не признаютъ единогласно основательнымъ взводимое на него обвиненіе. Для произнесенія этого приговора большой присяжный судъ собирается предъ открытіемъ каждаго изъ упомянутыхъ судовъ. Шерифъ приглашаетъ въ этотъ судъ гражданъ, внесенныхъ въ служебный списокъ большихъ и малыхъ присяжныхъ. Обыкновенно письмоводитель суда произноситъ имена приглашенныхъ, пока число неотведенныхъ обвиняемымъ не дойдетъ до 23-хъ; къ этому числу шерифъ присоединяетъ еще одного, и составленный такимъ образомъ присяжный судъ произноситъ клятву. Присяжные должны быть пзбраны изъ землевладѣльцевъ, но какъ велико должно быть владѣемое имѣніе, на это нѣтъ опредѣленныхъ законовъ и шерифъ пользуется въ этомъ случаѣ свободою. Въ Лондонѣ присяжную службу несутъ большею частію люди изъ средняго класса; въ графствахъ при трехмѣсячныхъ засѣданіяхъ мировыхъ судей тоже (Gneist, das heutige englische Verfassungs und Verwaltungsrecht 2 ч.), но при засѣданіяхъ королевскихъ ассизъ обвинительными присяжными бываютъ землевладѣльцы. Гнейстъ говоритъ, что англичане жалуются на недостатки обвинительныхъ присяжныхъ трехмѣсячныхъ засѣданій, такъ какъ они выбираются преимущественно изъ средняго класса, который не удовлетворяетъ труднымъ въ значительной степени юридическимъ условіямъ суда присяжныхъ (тамъ же ст. 414). Что касается второй формы обвинительныхъ присяжныхъ, то въ образованіи ея участвовалъ старый обычай мировыхъ судей, при появленіи въ графствѣ королевскаго судьи для держанія ассизъ, собираться вокругъ него. Мало по малу изъ нихъ стали избирать обвинительныхъ присяжныхъ. Это имѣетъ ту выгоду, что присяжную службу часто несутъ люди юридически образованные или по крайней мѣрѣ знакомые съ судебными дѣлами, что способствуетъ уваженію, какимъ поль-

зуются въ нѣкоторыхъ графствахъ обвинительные присяжные. Но это имѣетъ и свою невыгодную сторону; не рѣдко случается, что мировой судья, произведшій приговоръ объ отсылкѣ обвиняемаго къ суду ассизъ, бываетъ въ качествѣ обвинительнаго присяжнаго и участникомъ въ рѣшеніи вопроса о преданіи его суду. Эти присяжные и теперь еще служатъ представителями интересовъ графства предъ странствующимъ королевскимъ судьей, хотя въ настоящее время вышло изъ употребленія принесеніе разныхъ предложеній и жалобъ для врученія королю. Въ настоящее время, если они служатъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія о разныхъ недостаткахъ мѣстныхъ ли учреждений или дѣйствій лицъ, то замѣчанія ихъ чаще всего обращаются къ мѣстному управленію. Но какъ важно было ихъ значеніе встарину, можно судить по теперешнему ихъ положенію въ сѣверной Америкѣ, гдѣ они до сихъ поръ имѣютъ право вникать въ состояніе и управленіе общественныхъ тюремъ, и потому посѣщать ихъ во всякое время, могутъ также изслѣдовать злонамѣренныя проступки всякаго чиновника графства.

Прежде чѣмъ обвинительные присяжные удалятся въ комнату, назначенную для выслушанія обвинителя и свидѣтелей и для совѣщанія ихъ самихъ, они получаютъ отъ предсѣдательствующаго судьи наставленіе. Обыкновенно въ своемъ наставленіи судья сначала говоритъ объ увеличеніи или уменьшеніи преступленій въ графствѣ съ послѣдняго засѣданія ассизъ, объ обязанностяхъ присяжныхъ вообще, затѣмъ уже переходитъ къ частнымъ случаямъ, подлежащимъ сужденію присяжныхъ, и при этомъ обращаетъ ихъ вниманіе особенно на юридическую сторону дѣла, именно на важнѣйшіе вопросы, касающіеся доказательствъ, и въ заключеніе высказываетъ свое мнѣніе. Такъ, когда въ 1851 г. предложены были обвинительнымъ присяжнымъ на разсмотрѣніе обстоятельства убійства Голлета (Holle), судья замѣтилъ въ своемъ наставленіи,

что при опѣнкѣ показаній соучастниковъ въ преступленіи, присяжные могутъ вѣрить имъ только тогда, когда показанія ихъ подтверждаются другими обстоятельствами. Въ этомъ убійствѣ участвовало четыре лица, но неизвѣстно было, кто изъ нихъ выстрѣлилъ въ Голлета. Потому судья говорилъ, что когда нѣсколько лицъ заключаютъ уговоръ съ цѣлью произвестъ грабежъ и съ цѣлью сопротивляться въ крайности всякой попыткѣ задержать ихъ, или воспрепятствовать имъ осуществитъ преступленіе, то по закону всѣ соучастники виноваты, если послѣдуетъ отъ того смерть лица. Не менѣе характерно замѣчаніе, сдѣланное судьей въ своемъ наставленіи по случаю, въ которомъ мужъ и жена обвиняемы были съ совершеніи смертоубійства. Судья объяснилъ присяжнымъ, что по старому юридическому положенію жена не отвѣчаетъ за сдѣланное въ присутствіи мужа, но что такое правило позднѣйшими судебными рѣшеніями очень видоизмѣнено и потому присяжные не должны попустить ввести себя въ заблужденіе такимъ правиломъ. Нерѣдко судья объясняетъ причины часто встрѣчающихся преступленій или значеніе особенныхъ обстоятельствъ однородныхъ противозаконныхъ дѣяній и изъ этого выводитъ заключеніе, что, по его мнѣнію, должны присяжные имѣть въ виду при рѣшеніи того или другаго преступленія. Въ 1851 г. судья лондонскаго центральнаго суда, жалуясь въ своемъ наставленіи на чрезвычайное число обвиненій въ домашнемъ воровствѣ, замѣтилъ, что причины этого должно искать въ легкомыслии господъ, нанимающихъ слугъ безъ осведомленія о ихъ характерѣ и поведеніи, лишь бы только нанять ихъ за малую, недостаточную плату. По этому судья предлагалъ присяжнымъ разсмотрѣть не вопросъ вѣроятной виновности обвиняемыхъ въ домашнемъ воровствѣ, а вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли ихъ представлять въ уголовный судъ.— По случаю обвиненія мужа и жены въ дурномъ обращеніи, причинившемъ разстройство здоровья молодой ихъ служанкѣ,

судья, совѣтуя присяжнымъ не увлекаться въ этомъ дѣлѣ негодованіемъ или какою-нибудь другою страстію (общество чрезвычайно было раздражено противъ преступниковъ, капля по каплѣ отнимавшихъ здоровье у своей служанки) замѣтилъ, что при обвиненіи въ дурномъ обращеніи очень важно обстоятельство, какое лицо было жертвой преступления, дитя или особа взрослая. Последняя можетъ, хотя бы съ нарушеніемъ контракта, бросить службу и явиться къ судѣ, тогда какъ дитя въ случаѣ дурнаго обращенія безпомощно и потому преступленіе, совершенное надъ нимъ, должно сопровождаться болѣе тяжкимъ наказаніемъ. Ниже мы будемъ говорить о томъ вредѣ, какой наносятъ правосудію обвиненія, приносимыя предъ большихъ присяжныхъ мимо судьи — предварительнаго слѣдователя. Къ изслѣдованію именно подобныхъ обвиненій судья иногда и приглашаетъ обвинительныхъ присяжныхъ, давая имъ замѣтить, какія эгоистическія и противозаконныя цѣли кроются въ подобныхъ обвиненіяхъ. Наконецъ судья предостерегаетъ въ своемъ наставленіи обвинительныхъ присяжныхъ, чтобы они не смѣшивали своего назначенія съ назначеніемъ судящихъ присяжныхъ.

Получивъ наставленіе, присяжные удаляются въ комнату, назначенную для совѣщанія. Сюда является обвинитель и вводятся по одному свидѣтели. Какъ тотъ, такъ и другіе дѣлаютъ показанія подъ присягою. Обвинительнымъ присяжнымъ вообще не сообщаютъ письменныхъ показаній, данныхъ при предварительномъ слѣдствіи; только недавно начало это входить въ обычай въ центральномъ лондонскомъ судѣ. Все производство обвинительнаго суда присяжныхъ совершается тайно, при закрытыхъ дверяхъ и отличается непоумѣрною краткостью. Свидѣтели допрашиваются не всѣ и на скорую руку. Обвинитель, не встрѣчая здѣсь противника, оказываетъ значительное вліяніе на рѣшеніе суда. Если свидѣтель дѣлаетъ другое показаніе, а не то, которое онъ далъ при предвари-

тельномъ слѣдствіи, присяжные, не имѣя подъ рукою протоколовъ, не въ состояніи видѣть отступленіе отъ прежняго и надлежащими вопросами выяснитъ истину. Тѣмъ болѣе предстоитъ свидѣтелямъ искушеній дѣлать ложныя показанія, что послѣднія не вносятся ни въ какой протоколъ и потому нѣтъ никакихъ средствъ преслѣдовать ихъ за клятвенарушеніе. При томъ почти всегда выслушиваются только свидѣтели, представленные обвинителемъ для подтвержденія приводимаго обвиненія. Хотя присяжные могутъ дозволить призывъ оправдательныхъ свидѣтелей, но чтобы они непременно обязаны были выслушивать такихъ свидѣтелей, этого не требуетъ законъ и къ этому пока равнодушна практика. Такимъ образомъ мало того, что обвиняемый самъ не присутствуетъ при производствѣ своего процесса предъ присяжными,—онъ не можетъ даже представить за себя свидѣтельство другихъ. Люди, участвовавшіе сами въ составѣ обвинительныхъ присяжныхъ, утверждаютъ, что часть процесса, въ которой дѣйствуетъ этотъ судъ, далеко не возбуждаетъ довѣрія. Распросы свидѣтелей ведутся иногда несообразно съ цѣлю. Еще въ первый день по открытіи суда, пока есть довольно времени, присяжные съ большимъ вниманіемъ разсматриваютъ обстоятельства подлежащихъ преступленій. Но по мѣрѣ приближенія къ концу засѣданія суда, во второй и особенно въ третій день, при наплывѣ множества дѣлъ, они до того спѣшатъ, что, по свидѣтельству свѣдущихъ людей, иногда выслушиваютъ отъ 20 до 30 уголовныхъ случаевъ въ часъ. Въ этотъ періодъ засѣданія пропускаются къ производству въ уголовномъ судѣ почти всѣ случаи, по которымъ обвиненія при спокойномъ изслѣдованіи были бы отвергнуты.

Законъ и лучшія правила практики требуютъ, чтобы обвинительные присяжные только тогда допускали обвиненіе, когда совокупность представленныхъ имъ доказательствъ убѣдитъ ихъ въ вѣроятности преступленія. Окончательный приговоръ

о винѣ подсудимаго производятъ малые или судящіе присяжные. Потому отъ первыхъ требуется только вникнуть въ дѣло на столько, чтобы опредѣлить, есть ли достаточныя данныя, что преступникъ будетъ изобличенъ формальнымъ судомъ и что слѣдовательно онъ долженъ быть преданъ ему. Но не смотря на это, присяжные ни въ какомъ случаѣ не могутъ основывать свой приговоръ на простомъ подозрѣніи или на гадательномъ предположеніи, что при производствѣ уголовного суда представлены будутъ лучшія доказательства, чѣмъ до сихъ поръ. Сущность кореннаго закона состоитъ въ томъ, чтобы они давали рѣшеніе на основаніи правилъ законныхъ доказательствъ. Такъ, на примѣръ, англійская теорія доказательствъ не приписываетъ никакой цѣны показаніямъ по слуху; судъ обвинительныхъ присяжныхъ не изыятъ изъ этого правила и потому не можетъ основать своего приговора на такихъ показаніяхъ. Если бы обвинительные присяжные встрѣтили въ теченіи производства въ совѣщательной камерѣ сомнѣніе на счетъ законности доказательствъ, они могутъ обратиться за совѣтомъ къ судѣ. Впрочемъ это на практикѣ очень рѣдко случается, чаще же вмѣсто судьи входитъ въ совѣщательную камеру клеркъ, даетъ присяжнымъ совѣтъ, наблюдаетъ за выслушаніемъ свидѣтелей, иногда же занимается сличеніемъ показаній, данныхъ предъ присяжными, съ тѣми, которыя записаны въ протоколахъ предварительнаго слѣдствія.—Когда присяжные признаютъ достаточными доказательства, они пропускаютъ обвиненіе, выражая это техническимъ терминомъ *true bill*. Они не могутъ произнести приговоръ, соединенный съ какимъ-нибудь условіемъ; исключеніе допускается въ томъ случаѣ, когда есть вѣроятность, что обвиняемый безумный. На этотъ разъ допуская обвиненіе, они прибавляютъ, что они обвиняемаго считаютъ безумнымъ и такимъ образомъ даютъ новое направленіе судоговоренію малыхъ присяжныхъ, которые приступаютъ прямо къ рѣшенію вопроса

о душевномъ состояніи подсудимаго. Не могутъ также обвинительные присяжные вмѣсто обвиненія, изложеннаго въ обвинительномъ актѣ, поставить другое. Но если обвиненіе относится къ разнымъ пунктамъ виновности или ко многимъ обвиняемымъ, они могутъ постановить рѣшеніе только по одному пункту или объ одномъ обвиняемомъ. Когда присяжные находятъ доказательства имъ представленныя недостаточными, они не пропускаютъ обвиненія, выражая свой приговоръ словами *not bill*, или *not found*, или *ignotamus*. Приговоръ обыкновенно пишется на другой сторонѣ обвинительнаго акта, вносится первымъ присяжнымъ (*voorman*) въ засѣданіе суда и передается клерку, который объявляетъ публично результатъ, когда обвиненіе принято.

Большой или обвинительный судъ присяжныхъ въ настоящемъ своемъ состояніи подвергается въ Англіи упрекамъ. Еще въ 1827 году въ одномъ юридическомъ туземномъ журналѣ выставлены были его недостатки. Тогда уже начали доказывать, что обвинительные присяжные не обладаютъ необходимыми знаніями, чтобы рѣшать вопросъ о допусκαемости обвиненія, что они часто легкомысленно пропускаютъ обвиненія. Потому предложено было, чтобы назначать имъ въ совѣтники людей свѣдущихъ въ законахъ, чтобы все производство ихъ суда происходило публично и чтобы они чаще собиравлись, потому что при теперешнемъ положеніи обвиняемые должны долго ждать въ тюрьмахъ открытія судовъ. Съ тѣхъ поръ жалобы на неудовлетворительность этого института болѣе и болѣе усилились. Эксперты, выслушанные уголовною комиссіею 1845 г., высказали мнѣніе о необходимости его уничтоженія. Тоже желаніе повторено было участвовавшими въ уголовной комисіи 1849 года. Въ этомъ же году внесенъ былъ въ парламентъ билль, имѣвшій цѣль осуществить не одинъ разъ высказавшееся желаніе и отмѣнить обвинительныхъ присяжныхъ по крайней мѣрѣ при центральномъ судѣ въ Лондонѣ. Доводы воз-

возможности такой мѣры заключалась въ томъ, что полицейскіе судьи въ столицѣ королевства принадлежатъ къ самымъ основательнымъ практическимъ, а иногда и теоретическимъ юристамъ, которые произносятъ приговоры объ отсылкѣ обвиняемыхъ къ уголовному суду съ большою осмотрительностію и знаніемъ дѣла. Этимъ людямъ слѣдовательно можно вѣрить рѣшеніе важнаго вопроса о допускаемости уголовного суда и такимъ образомъ отмѣнить производство предъ обвинительными присяжными, производство, которое требуетъ и времени и издержекъ, а между тѣмъ не приноситъ новыхъ гарантій праваго рѣшенія. Для разсмотрѣнія этого билля назначена была парламентская коммисія, собравшая мнѣнія свѣдущихъ людей, которые или занимались составленіемъ обвинительнаго акта, или сами участвовали въ составѣ обвинительныхъ присяжныхъ, или могли ближе наблюдать за дѣятельностію ихъ. Почти общее мнѣніе ихъ состояло въ томъ, что обвинительные присяжные не доставляютъ никакой истинной защиты обвиняемымъ, не увеличиваютъ гражданской безопасности, благоприятствуютъ противозаконнымъ дѣламъ обвинителей и сопровождаются большими издержками, потерю времени и неудобствомъ для гражданъ. Билль былъ отвергнутъ, но попыткѣ провести его съ тѣхъ поръ повторяются чаще и чаще. Въ прошломъ и нынѣшнемъ году вопросъ этотъ также былъ предметомъ парламентскихъ преній, не имѣвшихъ впрочемъ результата.

Переходя къ оцѣнкѣ мнѣній на счетъ неудовлетворительности обвинительнаго суда присяжныхъ въ настоящемъ его устройствѣ, легко замѣтить, что они опираются на самыя твердыя основанія. Что обвинительные присяжные не доставляютъ въ большинствѣ случаевъ никакой новой защиты обвиняемому, видно уже изъ того, что подсудимый даже не присутствуетъ при производствѣ ихъ суда, что необходимость выслушанія оправдательныхъ свидѣтелей почти не признается, что ему значить въ

эту минуту не дано возможности себя защищать. Между тѣмъ его противникъ пользуется всѣми средствами доказывать проводимое обвиненіе; онъ лично является предъ присяжныхъ и представляетъ свидѣтелей въ подкрѣпленіе истины своихъ показаній. Подъ покровомъ тайнаго производства, не опасаясь ни противорѣчія со стороны обвиняемаго, ни контроля со стороны публики, ни закрѣпленія своихъ показаній протоколомъ, онъ не можетъ удержаться отъ ложныхъ показаній, если это ему нужно. По этой причинѣ и оттого, что со времени предварительнаго слѣдствія и въ самомъ дѣлѣ обвинитель можетъ найти новыя доказательства, уголовное дѣло является въ другомъ видѣ, чѣмъ при предварительномъ слѣдствіи, и беззащитнаго подсудимаго начинаютъ обвинять иногда въ другомъ преступленіи. Еще къ большому вреду для обвиняемыхъ обращается то обстоятельство, что нерѣдко обвинитель, не обращаясь къ предварительному слѣдователю, является прямо къ суду присяжныхъ. Подобныя обвиненія часто употребляются обвинителями какъ средство вынудить у обвиняемаго деньги.

Производство обвинительнаго суда присяжныхъ не обезпечиваетъ также и интересовъ общества. Присяжные иногда отвергаютъ обвиненіе по ложному пониманію своихъ обязанностей и по незнацію закона, или потому, что обвинительный актъ бываетъ такъ составленъ, что допускаетъ возраженія, опровергающія въ немъ изложенное, или наконецъ вслѣдствіе подкупа преступниками свидѣтелей и заключенія ими мировой съ обвинителями. При такихъ недостаткахъ современнаго устройства обвинительныхъ присяжныхъ, естественно самая присяжная служба является бременемъ для гражданъ, которые не могутъ не видѣть, что жертвы не выкупаются общественными выгодами. Особенно потеря времени чувствительна для людей, живущихъ трудомъ.

Не удивительно послѣ этого, если институтъ обвинительныхъ присяжныхъ потерялъ то уваженіе, какимъ онъ пользо-

вался въ старое время, что общество имъ недовольно и требуетъ единогласно если не уничтоженія его, то значительныхъ и непремѣнныхъ въ немъ перемѣнъ. Единогласно признавая недостатки этого учрежденія, общество въ Англии не пришло однакожь въ лицѣ большинства къ единогласію на счетъ будущихъ реформъ. Одни изъ тѣхъ, которые требуютъ отмѣненія его, считаютъ вполне достаточнымъ для обвиненія подсудимаго и преданія его формальному суду приговоръ предварительнаго слѣдователя, другіе хотятъ замѣнить обвинительныхъ присяжныхъ публичными обвинителями, но не въ формѣ французскихъ, а шотландскихъ прокуроровъ, то есть лицъ ответственныхъ предъ обществомъ за свои дѣйствія. Но осуществленіе перваго мнѣнія встрѣчаетъ препятствіе въ современномъ англійскомъ судоустройствѣ, отличающемся не одинаковыми достоинствами въ большихъ городахъ и графствахъ. Если предварительное слѣдствіе дѣйствительно производится съ большою осмотрительностію полицейскими судьями въ большихъ городахъ, то нельзя тогоже сказать о предварительномъ слѣдствіи мировыхъ судей. Поэтому нельзя въ настоящее время повсемѣстно ввѣрить предварительнымъ слѣдователямъ рѣшеніе о допуске обвиненія. Также предвидя при осуществленіи перваго, а равно и втораго предположенія неполную обезпеченность интересовъ лица, пострадавшаго отъ преступленія, когда предварительный слѣдователь или публичный обвинитель, отъ которыхъ тогда будетъ зависетьъ допущеніе формальнаго суда, не будутъ видѣть необходимости въ этомъ, вопреки желанію жертвы преступленія. Наконецъ не смотря на то, что англичане вообще жалуются на современный видъ этого института, они большею частию считаютъ его незамѣнимымъ въ политическихъ процессахъ, неразлучныхъ съ увлеченіемъ господствующей партіи. Впрочемъ какъ бы ни были разнообразны мнѣнія на счетъ его отмѣненія, несомнѣнно, что необходимость улучшенія этого учрежденія признается всѣми за лучшее сред-

ство исправить недостатки. Желающіе этихъ реформъ общественные дѣтели указываютъ на сѣвероамериканскіе штаты, гдѣ эти улучшенія произведены. Они требуютъ дозволить обвиняемымъ являться предъ присяжными, запретить обвинителямъ прежде предварительнаго слѣдствія обращаться къ нимъ и наконецъ допустить публику присутствовать при производствѣ этого суда.

Кромѣ разсмотрѣнной формы обвинительнаго суда присяжныхъ есть еще другой видъ этого суда, тѣсно связанный съ институтомъ коронеровъ. Коронеры въ старое время были блюстителями имущественныхъ интересовъ короны. По законамъ того времени самоубійство и преступленія, принадлежавшія къ категоріи фелоній, влекли за собою отобраніе имущества преступниковъ въ пользу короля. Потому когда совершалось убійство или возникалъ вообще случай неестественной смерти, коронеры изслѣдовали родъ и причину смерти. Съ перемѣною отношеній королевской власти къ преступленіямъ и преступникамъ, обязанность коронеровъ производить слѣдствіе по упомянутымъ преступленіямъ не была уничтожена, но характеръ и цѣль ихъ дѣятельности получили другой смыслъ; коронеры стали охранять королевскій миръ и общественную безопасность, и изъ королевскихъ чиновниковъ мало по малу сдѣлалась выборными чиновниками графства. Въ настоящее время они производятъ, при содѣйствіи присяжныхъ, слѣдствіе въ случаѣ неестественной и насильственной смерти, произошла ли она отъ самоубійства, отъ наслія ли посторонняго лица или неосторожности.

Узнавши о происшествіи, подлежащемъ его изслѣдованію, коронеръ тотчасъ созываетъ присяжныхъ. Первоначально онъ избиралъ присяжныхъ изъ мѣста сосѣдняго къ мѣсту преступленія или нахождения трупа; нынѣ это не соблюдается, хотя присяжные коронера и до сихъ поръ выбираются не изъ цѣлаго графства, какъ вообще обвинительные присяжные, а изъ

четырехъ или шести по возможности ближайшихъ общинъ. Относительно этихъ присяжныхъ ценса не существуетъ; нерѣдко они избираются изъ судебныхъ служителей и служителей коронера. Число ихъ должно быть не менѣ двѣнадцати. Право отвода ихъ принадлежитъ къ спорнымъ пунктамъ въ процессѣ, хотя юристы вообще совѣтуютъ коронерамъ быть снисходительными по этому поводу.

Присяжные могутъ произнести приговоръ, не выслушавъ свидѣтелей, если они сами имѣютъ необходимыя о происшествіи свѣдѣнія, чтобы рѣшить предстоящіе вопросы. Въ противномъ случаѣ призываются для разъясненія дѣла свидѣтели, призывъ которыхъ зависитъ отъ коронера. Присяжные должны дѣйствовать вмѣстѣ съ коронеромъ въ теченіи всего слѣдствія. Если слѣдствіе производится на мѣстѣ нахожденія трупа, они обязаны здѣсь присутствовать. Нерѣдко случается имъ отправляться въ домъ, въ которомъ жилъ убитый, хотя бы трупа его тамъ и не было. Все производство съ немногими исключеніями совершается публично.

По окончаніи изслѣдованія, коронеръ въ качествѣ судьи президента, даетъ присяжнымъ наставленіе о томъ, на что должно быть обращено ихъ вниманіе и что должно сдѣлаться предметомъ ихъ приговора. Кто лицо, коего трупъ найденъ, отъ кого произошла смерть, отъ самого ли покойника и въ такомъ случаѣ, не умственное ли разстройство тому причина, или отъ другаго лица, и въ такомъ случаѣ, кто виновникъ преступленія, какимъ орудіемъ и способомъ отнята жизнь—выстрѣломъ ли, ядомъ, повѣшеніемъ и проч., есть ли достаточныя основанія считать извѣстное лицо виновнымъ въ преступленіи—вотъ вопросы, на которые коронеръ обращаетъ вниманіе присяжныхъ и которые приходится послѣднимъ рѣшать.

Выше было сказано, что никто не можетъ быть судимъ формальнымъ уголовнымъ судомъ, если обвинительные при-

сяжные не дадут своего рѣшенія объ этомъ. Но съ теченіемъ времени стали утверждать, что такъ какъ при слѣдствіи коронера также присутствуютъ присяжные и рѣшаютъ относящіяся до преступленія вопросы, то нѣтъ необходимости представлять обвинительный актъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе большихъ присяжныхъ. Впрочемъ въ практикѣ иногда бываетъ иначе, что конечно вноситъ запутанность въ производство и показываетъ, что вопросъ, должно ли довольствоваться приговоромъ присяжныхъ коронера для начатія уголовного суда, — есть вопросъ нерѣшенный. Миттермайеръ присутствовалъ при производствѣ въ англійскомъ судѣ одного уголовного случая, который, не смотря на то что былъ представленъ въ уголовный судъ по рѣшенію присяжныхъ коронера, все таки былъ разсматриваемъ большими присяжными. Хотя послѣдніе и постановили приговоръ въ формѣ *bill ignored*, то есть что преступникъ имъ неизвѣстенъ и слѣдовательно по закону подсудимый уже не подлежалъ формальному суду, однакожь поступлено было иначе на томъ основаніи, что приговоръ о преданіи суду разъ былъ постановленъ.

Присяжные коронера не имѣютъ самостоятельнаго существованія, а находятся въ тѣсной зависимости отъ института коронеровъ, съ которымъ они несутъ и упреки за свои недостатки. Вотъ что Миттермайеръ говоритъ объ этомъ институтѣ: «правда, что въ Лондонѣ, напримѣръ, коронеры часто производятъ очень основательныя слѣдствія; однакожь можно назвать общимъ мнѣніемъ Англій, что институтъ коронеровъ, вызванный старыми, вполне измѣнившимися отношеніями, долженъ быть отмѣненъ. Это основываютъ на томъ, что нѣтъ ровню никакого основанія предоставлять выясненіе смертнаго случая другимъ чиновникамъ, а не тѣмъ, которые производятъ предварительное слѣдствіе по другимъ преступленіямъ. Свидѣтели, выслушанные въ 1845 г. учрежденною коммисією, объявили, что въ большей части случаевъ коронеры не владѣютъ необходимою ловкостію, чтобы руководить часто труд-

нымъ слѣдствіемъ, не знаютъ важныхъ юридическихъ пунктовъ, показываютъ на дѣлѣ большой произволъ, бываютъ причиною замедленій, что совершенно произвольно призванные къ слѣдствію присяжные не имѣютъ нужныхъ качествъ, чтобы постановить правдивый приговоръ, такъ какъ присяжные набираются для этого изъ судебныхъ служителей или изъ служителей коронера, часто даже изъ числа друзей послѣдняго, и такимъ образомъ произносится приговоръ на основаніи односторонняго, пристрастнаго, поспѣшнаго и безпорядочнаго производства, такъ что свидѣтели объявили даже, что нельзя подумать безъ срама и отвращенія о такомъ производствѣ. Великое зло заключается въ томъ, что изслѣдованіе коронера часто легкомысленно, на основаніи поверхностнаго производства, находить существованіе убійства, и обвиняемаго рѣшительнымъ образомъ выставляетъ и третируетъ публично какъ убійцу, тогда какъ въ послѣдствіи многомного, если обнаруживается, что случай представляетъ смерть отъ удара. Вредъ увеличивается отъ разнообразія взглядовъ на вопросъ, должно ли обвиняемаго, противъ котораго произнесено по изслѣдованію коронера обвиненіе, еще представлять предъ большой судъ присяжныхъ, такъ чтобы онъ преданъ былъ уголовному суду только послѣ допущенія симъ послѣднимъ обвиненія. Если принять то и другое, вредъ неизбѣженъ; если довольствоваться приговоромъ присяжныхъ коронера, значитъ подвергнуть опасности обвиняемаго быть преданнымъ суду на основаніи неудовлетворительнаго производства, безъ произнесенія приговора настоящимъ свѣдущимъ въ законахъ судьей; если требовать сверхъ слѣдствія коронера еще приговоръ большихъ присяжныхъ, то свидѣтелямъ придется дѣлать показанія и давать клятву въ одномъ дѣлѣ три раза (предъ коронеромъ, большею жюри и въ уголовномъ судѣ), значитъ способствовать крайне противорѣчивымъ приговорамъ (напримѣръ перѣдко присяжные коронера принимаютъ за убійство то, что большая жюри за смерть отъ удара), или содѣйство-

вать тому, что лицо, которое обвинено присяжными коронера, хотя бы большая жюри и постановила *ignotus*, все таки будет предано уголовному суду. Слѣдствіе коронера наконецъ вредно еще потому, что оно не обезпечиваетъ интересовъ ни общества, ни обвиняемаго; первыхъ потому, что коронеръ не имѣетъ никакого права обязывать обвинителя и свидѣтелей къ явкѣ въ судъ, оттого часто преступленіе остается безъ преслѣдованія; во вторыхъ потому, что коронеръ не имѣетъ никакого права отпускать обвиняемаго подъ поручительство, оттого послѣдній добывается другимъ путемъ согласія на поручительство, и только съ трудомъ, издержками и потерей времени. Къ этому присоединяется то, что приговоръ коронера тѣмъ чаще бываетъ несправедливъ, чѣмъ болѣе онъ основывается на одностороннемъ изслѣдованіи, во время котораго не выслушивается ни одинъ свидѣтель оправданія. Жалобы вызываются еще и тѣмъ, что часто коронеръ вмѣшивается въ случаи естественной смерти, подъ предлогомъ существованія подозрѣній, что даже въ иныхъ графствахъ онъ распоряжается слѣдствіемъ по случаю пожара.

А. КИСТЯКОВСКІЙ.

(Окончаніе общаго).

ОТДѢЛЪ П.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

А. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ.

І.

Установленное ст. 514 т. X. ч. II. св. зак. гражд. права обжаловать опредѣленіе, по которому опекуномъ подписано было удовольствіе или пропущенъ апелляціонный срокъ, возникаетъ для вышедшихъ изъ—подъ опеки только съ приходомъ ихъ въ полное совершеннолѣтіе, а не по достиженіи или семнадцатилѣтняго возраста.

Въ Бѣльскомъ Уѣздномъ Судѣ производилось дѣло о денежной претензіи наслѣдницъ помѣщика Пружанскаго уѣзда Домбровскаго, помѣщицъ Надольской и Витановской, къ наслѣдникамъ помѣщиковъ Константина и Андрея Бобровницкихъ. По

выслушаніи 24 августа 1849 г. послѣдовавшаго по дѣлу сему рѣшенія, повѣренный Мечислава и Владиміра Бобровницкихъ и сестры ихъ Феликсы Бобровской, Петръ Шепетовскій, повѣренный вдовы Уршулы Бобровницкой и малолѣтнихъ дѣтей ея, Игнатія и Оеклы, повѣренный и опекунъ Гржимайло и повѣренный Софіи Завадской, урожденной Бобровницкой, мужъ ея Казиміръ, изъявили на оное удовольствіе; а помѣщикъ Надольскій, по довѣренности жены своей Фаустины и сестры ея Витановской, подписалъ 5 октября на означенное рѣшеніе неудовольствіе и принесъ на оное Гродненской гражданской палатѣ 19 октября 1849 г. апелляціонную жалобу.

По составленіи въ гражданской палатѣ записки изъ сего дѣла, повѣренный наслѣдниковъ Бобровницкихъ и опекунъ малолѣтнихъ Гржимайло учинилъ 23 марта 1850 г. рукоприкладство, а Надольскій въ замѣнъ рукоприкладства подалъ 26 Мая того же года прошеніе; и за тѣмъ дѣло сіе назначено было къ слушанію.

Между тѣмъ, еще во время производства настоящаго дѣла въ Бѣльскомъ уѣздномъ судѣ, возбужденъ былъ вопросъ о подсудности оного означенному суду, и вопросъ сей восходилъ на разсмотрѣніе общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ Правительствующаго Сената, которое указомъ 16 августа 1852 г. признало, что дѣло Бобровницкихъ съ наслѣдниками Домбровскаго подлежитъ разрѣшенію Бѣльскаго уѣзднаго суда.

Во исполненіе сего, Гродненская гражданская палата разрѣшила настоящее дѣло въ существѣ, 3 іюня 1853 г., и для выслушанія рѣшенія вызывала надлежащимъ порядкомъ какъ наслѣдницъ Домбровскаго, такъ и наслѣдниковъ Бобровницкихъ.

Между тѣмъ 4 іюня 1853 г. дворяне Игнатій и Оекла Бобровницкіе подали въ палату прошеніе, въ коемъ изъясняли, что хотя они состоятъ еще въ вѣдѣніи Бѣльской дворянской опеки, но уже достигли возраста, требуемаго 220 ст. ч. I-ой

г. X зак. гражд. для полученія, несовершеннолѣтними права разсматривать дѣйствія опекуновъ, слушать и приносить апелляціи по тѣмъ даже рѣшеніямъ, на которыя опекуны ихъ, изъявили уже удовольствіе; имѣя въ виду, что рѣшеніе Бѣльскаго уѣзднаго суда объявлено имъ не было, они, Игнатій и Ѳекла Бобровницкіе, просили палату возвратить дѣло ихъ съ наслѣдниками Домбровскаго въ Бѣльскій уѣздный судъ и предоставить имъ, просителямъ, право разсмотрѣть самимъ дѣло и дополнить оное, чѣмъ слѣдуетъ, и затѣмъ дать дѣлу дальнѣйшій ходъ по законамъ.

Гражданская палата, усматривая, что пастоящее дѣло рѣшено палатою въ существѣ 3 іюня 1853 г. и объ объявленіи рѣшенія тяжущимся, а въ томъ числѣ и опекунамъ просителей Игнатія и Ѳеклы, учинено уже 15 іюня надлежащее распоряженіе, 3 Іюля 1853 г. опредѣлила: домогательство Бобровницкихъ оставить безъ послѣдствій.

На таковое опредѣленіе палаты дворяне Игнатій и Ѳекла Бобровницкіе принесли Правительствующему Сенату, 21 января 1854 г., съ согласія попечителя своего Залѣскаго, частную жалобу:

По выслушаніи оной, Правительствующій Сенатъ, по 1 отдѣленію 3 департамента, имѣя въ виду, что Гродненская гражданская палата для выслушанія рѣшенія своего вызывала опекуновъ Игнатія и Ѳеклы Бобровницкихъ, а между тѣмъ изъ представленнаго въ Сенатъ сими послѣднимъ свидѣтельства Бѣльской дворянской опеки оказывается, что опекунское надъ ними призрѣніе уже прекращено, почему они, по силѣ 220 ст. г. X зак. гражд., имѣютъ право выслушивать рѣшеніе, 27 апрѣля 1854 г. опредѣлилъ: уничтоживъ рѣшеніе гражданской палаты, предписать оной сдѣлать надлежащее распоряженіе къ объявленію Бобровницкимъ опредѣленія Бѣльскаго уѣзднаго суда, на законномъ основаніи.

Между тѣмъ дѣло Бобровницкихъ съ Надольскою, рѣшенное Гродненскою гражданскою палатою 3 іюня 1853 г., въ

слѣдствіе изъявленнаго сторонами неудовольствія, представлено было въ Правительствующій Сенатъ; а 11 и 18 іюля 1854 г. поступили въ Сенатъ апелляціонныя жалобы повѣреннаго дворянъ Мечислава и Владиміра Бобровницкихъ, повѣреннаго Пгнатія и Феклы Бобровницкихъ и жены Титулярнаго Совѣтника Фаустины Надольской, и Правительствующій Сенатъ, принимая въ уваженіе, что дѣло Бобровницкихъ подвергнется новому разсмотрѣнію, 9 декабря 1854 г., опредѣлилъ: дѣло Бобровницкихъ съ Надольскою и Витановскою обратитъ въ Гродненскую гражданскую палату вмѣстѣ съ поступившими въ Сенатъ апелляціонными жалобами, для возвращенія ихъ по принадлежности.

На таковыя распоряженія 1 отдѣленія 3 департамента Сената Фаустина Надольская принесла всеподданнѣйшую жалобу, которая, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, подлежала разсмотрѣнію общаго Сената собранія.

По соображеніи означенной всеподданнѣйшей жалобы Надольской съ вышеизложенными обстоятельствами настоящаго дѣла, общее собраніе нашло, что по закону право на полное распоряженіе имуществомъ и свобода вступать въ обязательства пріобрѣтается не прежде, какъ по достиженіи совершеннолѣтія т. е. двадцати лѣтъ съ годомъ отъ рожденія (ст. 220 ч. I-й т. X. св. зак. гражд.), и затѣмъ въ числѣ прочихъ льготъ, предоставленныхъ малолѣтнимъ въ огражденіе правъ ихъ, въ видѣ особаго изъятія постановлено, что если малолѣтныя, пребывающіе въ Россіи, по достиженіи ими полнаго совершеннолѣтія, т. е. двадцати лѣтъ съ годомъ, въ теченіи двухъ лѣтъ будутъ просить о принадлежащей имъ апелляціи, то должны быть къ оной допускаемы, хотя опекунами ихъ было подписано удовольствіе или же пропущенъ общій апелляціонный срокъ (п. 1 ст. 514 ч. 2-ой т. X. зак. гражд.).

Изъ точнаго смысла вышеприведенныхъ узаконеній явствуетъ, что постановляемое закономъ изъятіе относится только до лицъ, достигшихъ полнаго совершеннолѣтія, какъ именно ска-

зано въ законѣ; тогда какъ достигшимъ 17 лѣтняго возраста дозволено только вступать въ управленіе имѣніемъ, но однакожь дѣйствовать и распоряжаться по оному не иначе, какъ съ согласія попечителя. Въ настоящемъ случаѣ Игнатій и Ѳекла Бобровницкіе имѣли только 17 лѣтъ въ то время, когда вошли съ прошеніемъ въ гражданскую палату и затѣмъ въ Правительствующій Сенатъ, и потому уже самому, какъ недостигшіе полнаго совершеннолѣтія, не могли пользоваться тѣми правами, которыя предоставляются закономъ только симъ послѣднимъ.

Независимо отъ сего, изъ вышеизложенныхъ узаконеній равнымъ образомъ усматривается, что постановляемое въ 1 п. ст. 514 т. X. св. зак. гражд. изъятіе для малолѣтнихъ относится только до возстановленія имъ права апелляціи, утраченнаго опекунами во время малолѣтства, и, какъ именно выражено въ ст. 516 того же тома, означенное изъятіе постановлено для одного переноса дѣла на пересмотръ высшаго суда; и такимъ образомъ очевидно, что даруемое закономъ въ семъ отношеніи дозволеніе не можетъ быть примѣняемо къ такимъ дѣламъ, которыя по апелляціямъ той или другой стороны были уже перенесены въ высшую инстанцію, а тѣмъ болѣе, когда дѣла сіи окончательно въ оной разрѣшены; ибо въ семъ случаѣ малолѣтніе, достигшіе полнаго совершеннолѣтія, могутъ быть только допущены или къ рукоприкладству, или же къ выслушанію рѣшенія и объявленію на оное неудовольствія; но нѣтъ закона, который бы дозволялъ возвращать къ новому производству дѣло, уже рѣшенное въ высшей инстанціи съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ для производства правилъ.

Соображенія сіи приводятъ къ тому заключенію, что дѣло наслѣдницъ Домбровскаго съ наслѣдниками Бобровницкихъ, рассмотрѣнное въ гражданской палатѣ, не можетъ быть возвращено снова въ уѣздный судъ къ новому производству по односторонней жалобѣ Игнатія и Ѳеклы Бобровницкихъ, которые, по выслушаніи рѣшенія палаты, въ случаѣ неудоволь-

ствія на оное, имѣли полную возможность привести Правительствующему Сенату апелляціонныя жалобы, въ коихъ могли изъяснить обстоятельства, которыя, по мнѣнію ихъ, не были въ виду уѣзднаго суда и палаты.

По симъ основаніямъ общее Сената собраніе, признавъ всеподаннѣйшую жалобу Надольской уважительною, предоставило 1-му отдѣленію 3-го департамента Правительствующаго Сената войти въ разсмотрѣніе по существу апелляціонныхъ жалобъ, принесенныхъ тяжущимися на опредѣленіе Гродненской гражданской палаты, 3 іюня 1853 г. по дѣлу наслѣдницъ Домбровскаго съ наслѣдниками Бобровницкими послѣдовавшаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ постановить заключеніе о томъ, кто именно изъ наслѣдниковъ Бобровницкихъ имѣлъ право на обжалованіе означеннаго опредѣленія.

II.

Предоставленіе недвижимаго имѣнія въ пользованіе, хотя бы и подъ условіемъ извѣстной ежегодной уплаты, считается даромъ, если оно совершено посредствомъ акта, подписаннаго однимъ только владѣльцемъ и вообще имѣющаго характеръ и видъ односторонняго обязательства. Неформальность такого акта сама по себѣ не можетъ служить основаніемъ къ уничтоженію его, и должна быть покрыта способомъ, указаннымъ въ 4 прим. къ 396 ст. т. Уст. о пошл. св. зак. изд. 1857 г. по II-му продолженію.

Помѣщикъ Юичевъ домашнимъ актомъ, составленнымъ 16 сентября 1850 г. и написаннымъ на листѣ гербовой бумаги въ 90 к. сер., предоставилъ вольноотпущенному своему

Андрею Осипову съ семьею остаться навсегда на жительство въ с. Павловскомъ и въ ономъ пользоваться безмездно тою землею, которою онъ до того времени владѣлъ. Независимо отъ сего, Юкичевъ тѣмъ же актомъ отдать въ пожизненное владѣніе Осипова и его дѣтей построенный на шоссе постоянный дворъ, съ платою за оный по 14 руб. 28¹/₂ к. сер. ежегодно.

На актѣ этомъ, подписанномъ однимъ Юкичевымъ, имѣется надпись Ковровскаго уѣзднаго суда, удостоверяющая, что означенный актъ, по представленіи онаго въ тотъ судъ мѣщаниномъ Осиповымъ, утверждёнъ въ подлинности Юкичевымъ, но остался не засвидѣтельствованнымъ на основаніи 708 ст. т. X. зак. гр. (изд. 1857 г. ст. 873).

Безспорное владѣніе Осипова предоставленно ему землею и строениями продолжалось до 24 января 1856 г., когда повѣренный Юкичева вошелъ въ Ковровскій земскій судъ съ просьбою объ уничтоженіи означеннаго акта.

Въ основаніе къ опроверженію права Осипова повѣренный Юкичева приводилъ то во 1-хъ, что земля и постоянный дворъ предоставлены были Осипову въ награду за хорошее управленіе имѣніемъ Юкичева, который впоследствии однако замѣтилъ различныя допущенныя Осиповымъ безпорядки и злоупотребленія и во 2-хъ, что выданный Осипову актъ, какъ не облеченный требуемою закономъ формальностію, долженъ считаться ничтожнымъ.

Дѣло по сему спору Юкичева, по разрѣшеніи онаго во Владимірской гражданской палатѣ, поступило, по апелляціонной жалобѣ Юкичева, на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената.

Соображеніе обстоятельствъ дѣла показываетъ, что въ ономъ обсужденіи подлежатъ два вопроса:

1. Къ какому роду актовъ долженъ быть отнесенъ документъ, выданный генералъ-маіоромъ Юкичевымъ вольноот-

пущенному своему Осипову на право пользования землею и постояннымъ дворомъ?

2. Долженъ ли быть сей актъ признанъ обязательнымъ для Юкичева и подлежащимъ исполненію?

По закону, всякій владѣлецъ, имѣющій право собственности на имущество, можетъ передать это право постороннему лицу въ полномъ составѣ или уступить только нѣкоторую часть оного, т. е., оставивъ за собою право собственности, отдѣлить право владѣнія, пользования или распоряженія (ст. 514 т. X ч. I). Способы приобрѣтенія правъ на имущество бываютъ безвозмездные какъ то: пожалованіе, даръ, наследство и проч. и обоюдные: мѣна и купля (прим. къ 699 ст.). Дары между частными лицами дозволяется дѣлать безусловно или на такихъ условіяхъ о образѣ пользования даримымъ имуществомъ, какія даритель за благо признаетъ, лишь бы только условія эти не были противны законамъ (ст. 967 и 975). Если даръ учиненъ подъ условіемъ и условіе это со стороны получившаго даръ не исполнено, то даръ возвращается дарителю (ст. 976).

Соображеніе точнаго смысла сихъ узаконеній съ обстоятельствами подлежащаго дѣла показываетъ, что Юкичевъ, въ вознагражденіе Осипова за прежнюю службу, безвозмездно уступилъ ему и семьѣ его навсегда въ пользованіе нѣкоторую часть земли, а также передалъ въ пожизненное владѣніе его и дѣтей его постоянный дворъ, съ условіемъ платежа Юкичеву ежегодно по 14 р. 28 $\frac{1}{2}$ к. Таковая уступка правъ пользования въ отношеніи земли составляетъ передачу безвозмездную и безусловную, а въ отношеніи постоялаго двора передачу подъ условіемъ въ образѣ пользования, допускаемомъ приведенною 514 статьею. Возложеніе на Осипова обязанности ежегоднаго платежа за постоянный дворъ не даетъ этому акту характера договора объ отдачѣ въ наймы или въ аренду недвижимаго имущества, потому что подобный договоръ долженъ быть заключаемъ по особой формѣ, подписанъ обоими сторонами и,

въ случаѣ уклоненія отъ онаго которой либо изъ нихъ, приводится въ исполненіе дѣйствіемъ полиціи. Между тѣмъ на-стоящій актъ изложенъ не въ формѣ аренднаго контракта, подпи-санъ однимъ Юкичевымъ, и еслибы Осиповъ призналъ по-мѣщенное въ ономъ условіе объ образѣ пользованія постоя-лымъ дворомъ для себя невыгоднымъ, то могъ бы отъ сего пользованія отказаться и его нельзя было бы принудить къ тому дѣйствіемъ полиціи.

Изъ всего вышеизложеннаго оказывается, что передача Юкичевымъ Осипову права пользованія имуществомъ должна быть признана передачею безвозмездною, но подъ извѣст-нымъ условіемъ, и такъ какъ между посторонними частными лицами безвозмездная передача совершается единственно посред-ствомъ дара, то и означенный документъ Юкичева долженъ быть признанъ дарственнымъ актомъ, который, какъ относи-тельно изложенія, такъ и помѣщеннаго въ ономъ условія, со-вершенно согласенъ съ существующими въ нашихъ законо-положеніяхъ объ этомъ предметѣ правилами.

Обращаясь за симъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, дол-женъ ли этотъ актъ быть признанъ обязательнымъ для Юки-чева и подлежать исполненію, оказывается, что Юкичевъ от-вергаетъ оный единственно неформальностію, т. е. написаніемъ на гербовой бумагѣ неустановленнаго достоинства и вообще не соблюденіемъ порядка, для свидѣтельства явочныхъ актовъ установленнаго. Что же касается до подлинности акта и добро-вольной выдачи онаго, то въ этомъ отношеніи имѣется въ дѣлѣ полное сознаніе Юкичева. По закону, дарственные акты на недвижимыя имѣнія (ст. 987—992 т. X ч. I св. зак. изд. 1857 г.) совершаются крѣпостнымъ порядкомъ, а не домаш-нимъ и не явочнымъ, а потому выданный Юкичевымъ Осипову въ 1850 г. дарственный актъ дѣйствительно, со сто-роны формальной, не удовлетворяетъ требованіямъ закона. Но одно только это обстоятельство, по закону, не можетъ служить основаніемъ къ признанію онаго подлежащимъ уничтоженію,

ибо Высочайше утвержденнымъ 16 июня 1858 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, вошедшимъ въ 4 примѣч. къ 396 ст. т. V уст. о пошл. св. зак. изд. 1857 г. по 2 продолж., въ разрѣшеніе возникшихъ недоразумѣній относительно того, какъ поступать съ недвижимыми имѣніями, находящимися во владѣніи разныхъ лицъ по неформальнымъ актамъ, или безъ всякихъ актовъ, установлено, что владѣльцы всѣхъ такихъ имѣній обязаны въ теченіи 3-хъ лѣтъ имѣющіеся у нихъ *не формальные акты* предъявить надлежащему присутственному мѣсту и оплатить оныя крѣпостными и гербовыми пошлинами по цѣнѣ имѣнія, подъ опасеніемъ, за неисполненіе сего, взысканія штрафа, опредѣленнаго 1 примѣч. къ означенной 396 статьѣ, и что въ теченіи этого же 3-хъ лѣтняго срока и подъ страхомъ того же взысканія всѣ владѣльцы недвижимыхъ имѣній, кои владѣютъ имѣніями *безъ всякихъ на оныя письменныхъ документовъ*, по однимъ лишь словеснымъ договорамъ и передачамъ, и коихъ владѣніе не восходитъ ранѣе 1 января 1825 г., должны подать о таковыхъ имѣніяхъ въ надлежащія присутственныя мѣста объявленія, съ означеніемъ по совѣсти цѣны, за которую ими сіи имѣнія приобрѣтены, или же (чего оныя дѣйствительно во время приобретенія стоили, и уплатить въ казну крѣпостныя за сіи имѣнія пошлины, въ чемъ упомянутыя присутственныя мѣста и обязаны выдать имъ надлежащія свидѣтельства на гербовой бумагѣ соответственнаго цѣнѣ имѣнія достоинства. Такимъ образомъ, неформальность выданнаго Юкичевымъ въ 1850 г. Осипову дарственнаго акта сама по себѣ не влечетъ за собою уничтоженіе этого акта. Что же касается до того, можетъ ли эта неформальность, при предъявленномъ Юкичевымъ на актъ спорѣ, служить основаніемъ къ признанію онаго необязательнымъ для него, то къ разрѣшенію сего вопроса необходимо принять въ соображеніе, что Юкичевъ, какъ выше сказано, не опровергалъ и не опровергаетъ ни подлинности своего дарственнаго акта, ни добровольной выдачи онаго, ни того, что актъ сей въ теченіи нѣсколь-

нихъ лѣтъ приводимъ былъ въ дѣйствиѣ. Засимъ, одна неформальность акта, на которую ссылается нынѣ Юкичевъ, и которая была допущена имъ же самимъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ давать ему права домогаться уничтоженія этого акта, ибо неформальность въ совершеніи онаго могла бы служить доказательствомъ въ пользу Юкичева лишь тогда, если бы споръ его заключался въ опроверженіи подлинности и добровольной выдачи акта; при отсутствіи же возраженія, какъ по симъ существеннымъ обстоятельствамъ, такъ и о томъ, что актъ сей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ обоюднаго согласія, приводился въ дѣйствиѣ, сила онаго не можетъ быть поколеблена по причинѣ одной неформальности акта, при существованіи вышеприведеннаго закона 1858-го года. Въ ст. 967—977 св. зак. ч. I т. X изд. 1858 г. опредѣлены случаи, въ коихъ даръ долженъ почитаться недѣйствительнымъ и когда даритель имѣетъ право требовать возвращенія дара. Юкичевъ не указываетъ ни на одинъ изъ этихъ случаевъ, и слѣдовательно домогательство его объ уничтоженіи выданнаго имъ Осипову въ 1850 г. дарственнаго акта не можетъ подлежать въ настоящее время удовлетворенію.

По всѣмъ симъ соображеніямъ и имѣя въ виду особія отношенія помѣщика къ бывшему своему крѣпостному чело-вѣку, существовавшія между Юкичевымъ и Осиповымъ при выдачѣ сего документа, налагающія на перваго изъ нихъ нравственный долгъ въ точности исполнить принятое имъ въ отношеніи послѣдняго обязательство, общее Сената собраніе положило: означенный актъ признать для Юкичева обязательнымъ, апелляціонную жалобу его оставить безъ уваженія, а мѣщанину Осипову въ отношеніи оплаты акта крѣпостными и гербовыми пошлинами предоставить поступить на точномъ основаніи вышеприведеннаго 4 примѣч. къ 396 ст. т. V уст. о пошл. св. зак. изд. 1857 г. по 2 продолж.

III.

Если недвижимое населенное имѣніе достанется по наследству лицу, не имѣющему права владѣть онымъ, то оно обращается въ казенное вѣдомство, хотя бы еще прежде окончательнаго о томъ постановленія и прежде выдачи вознагражденія права вышеозначеннаго лица перешли къ другому, имѣющему по закону право владѣть населеннымъ имѣніемъ.

Оставшееся по смерти помѣщицъ Сухановой и Болховской недвижимое населенное имѣніе, въ Ярославской губерніи состоящее, признано было по указу Правительствующаго Сената 13-го декабря 1851 г. подлежащимъ раздѣлу въ равной части между вдовою майора Надеждою Азанчѣвою, женою штабсъ-капитана Екатериною Кушниковою и дочерью сержанта дѣвицею Елисаветою Ивановою, съ тѣмъ, чтобы третья часть того имѣнія, по неимѣнію дѣвицею Ивановою права на владѣніе онымъ, была отобрана въ казенное вѣдомство, съ выдачею Ивановой узаконеннаго на то вознагражденія.

До приведенія означеннаго указа Сената въ исполненіе, Правительствующій Сенатъ, по случаю бездѣтной смерти Азанчѣвой, разрѣшилъ указомъ 30 іюля 1852 г. раздѣлить имѣніе не на три, а только на двѣ части между Кушниковою и Ивановою, обративъ въ казну часть, слѣдующую сей послѣдней.

Засимъ умерла и Иванова, не получивъ еще изъ казны вознагражденія за имѣніе, подлежавшее обращенію въ казенное вѣдомство.

Обстоятельство сіе послужило Кушниковой поводомъ обратиться 24-го января 1858 г. въ Правительствующій Сенатъ съ прошеніемъ о предоставленіи всего недвижимаго имѣнія, послѣ Сухановой и Болховской оставшагося, въ ея, Кушниковой, владѣніе, какъ единственной послѣ сестеръ своихъ наслѣдницы, потому, что дѣло объ обращеніи въ казну половинной изъ имѣнія части, съ выдачею за оную законнаго вознагражденія, донынѣ находится еще въ производствѣ и не получило окончанія.

Соображеніе означеннаго прошенія съ обстоятельствами настоящаго дѣла обнаруживаетъ, что Кушникова домогается нынѣ, за смертью сестры своей Ивановой, предоставленія всего имѣнія въ ея, Кушниковой, владѣніе, на томъ основаніи, что рѣшеніе судебного мѣста, по силѣ коего часть Ивановой слѣдовала обращенію въ казну, не было до самой смерти ея приведено въ исполненіе.

Разрѣшеніе домогательства Кушниковой зависитъ отъ разрѣшенія вопроса о томъ, что состояло во владѣніи Ивановой, — часть ли недвижимаго населеннаго имѣнія или же право на полученіе за оное вознагражденія.

Вопросъ сей разрѣшается точнымъ смысломъ ст. 1304 т. X ч. I зак. гражд. изд. 1857 г., на основаніи коей деревни или крѣпостные люди съ землею или безъ земли, доставшіеся по наслѣдству личному дворянину или другому лицу, не имѣющему права владѣть таковыми, немедленно поступаютъ въ казенное вѣдомство, а наслѣднику уплачивается изъ казны установленное закономъ вознагражденіе.

За силою настоящей статьи населенныя имущества, доставшіеся по наслѣдству лицу, не имѣющему права на владѣніе оными, должны считаться поступившими въ казенное вѣдомство съ самой смерти владѣвшаго оными, наслѣдники же его получаютъ въ наслѣдство не самое имѣніе, владѣльцами коего

они быть не могут, а право на получение установленнаго вознагражденія, хотя бы еще и не получили онаго.

Ст. 1304-я была перѣдко въ семъ же смыслѣ примѣняема къ разрѣшенію подобныхъ настоящему дѣлу, и на вышеизложенномъ основаніи разрѣшено было въ 1855 г. дѣло о духовномъ завѣщаніи Березиной.

Признавая, что Иванова, какъ не имѣвшая права владѣть населенными имѣніями, получила со смертію Сухановой и Болховской только право на получение слѣдующаго ей законнаго за имѣніе вознагражденія, слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ, что Кушникова, какъ наслѣдница Ивановой, можетъ получить не самое имѣніе, а равнымъ образомъ только право на получение вознагражденія.

По симъ соображеніямъ и въ томъ вниманіи, что признаніе за Кушниковою правъ на владѣніе всѣмъ имѣніемъ противорѣчило бы какъ состоявшимся по сему дѣлу указамъ Правительствующаго Сената, такъ и тому, что слѣдующіе къ обращенію въ казенное вѣдомство крестьяне не могутъ уже быть оставлены въ крѣпостной завѣсности, или возвращены въ оную, общее Сената собраніе въ просьбѣ Кушниковой отказало, предоставивъ ей право получить на законномъ основаніи изъ казны присужденное Ивановой за доставшихся ей отъ сестеръ ея крестьянъ денежное вознагражденіе, когда она докажетъ, что она состоитъ единственною послѣ Ивановой наслѣдницею.

IV и V.

Храненіе духовныхъ завѣщаній въ опекунскомъ совѣтѣ предупреждаетъ только извѣтъ о ихъ фальшивости, но не изъемлетъ ихъ отъ соблюденія установленныхъ формъ, которыя въ равной мѣрѣ обязательны для всѣхъ завѣщаній безъ различія. Посему, недѣйствительны завѣщанія, хотя бы и внесенныя для храненія въ опекунскій совѣтъ: а) когда на нихъ нѣтъ подписи переписчика и онъ не явится въ установленный ст. 1049-ю т. X ч. I-й срокъ, и б) когда они, вопреки 1055-й ст. того же тома, не скрѣплены по мѣстамъ

а.) Вдова Маіора Каролина Шейдеманъ составила 23 іюня 1841 г., при четырехъ свидѣтеляхъ, домашнее духовное завѣщаніе. Это завѣщаніе, безъ означенія на немъ подписи переписчика, Шейдеманъ внесла лично, для храненія, въ Московскій опекунскій совѣтъ.

По смерти завѣщательницы, опекунскій совѣтъ препроводилъ завѣщаніе ея въ Полтавскую гражданскую палату на законное разсмотрѣніе и утвержденіе.

По распоряженію палаты о вызовѣ подписавшихся свидѣтелями на завѣщаніи, явившіеся капитанъ Волховскій и священникъ Трипольской утвердили дѣйствительность завѣщанія; прочіе же свидѣтели не явились.

Затѣмъ палата, приступивъ къ разсмотрѣнію завѣщанія и находя, что на немъ нѣтъ подписи переписчика и что онъ

въ положенный 1049 ст. ч. 1 X. т. зак. гр. срокъ не явился въ палату для дачи объясненія, опредѣлила: въ засвидѣтельствованіи завѣщанія отказать.

На это опредѣленіе, сынъ душеприкащицы, жены доктора философіи фонъ-Мейеръ, поручикъ фонъ-Мейеръ, жаловался Правительствующему Сенату.

Сообразивъ обстоятельства сего дѣла, общее Сената собраніе нашло, что законность духовныхъ завѣщаній зависитъ отъ строгаго соблюденія формъ, установленныхъ для составленія сихъ актовъ. Только на основаніи этихъ формъ законъ признаетъ дѣйствительнымъ изъявленіе послѣдней воли завѣщателя, а самое завѣщаніе получаетъ обязательную силу завѣщательнаго акта. Слѣдовательно, непремѣнное соблюденіе формъ составляетъ существенную принадлежность духовныхъ завѣщаній для утвержденія ихъ подлинности и законности. Посему и обязанность, возлагаемая закономъ на гражданскія палаты, заключается единственно въ удостовѣреніи, что всѣ установленныя закономъ формы въ составѣ завѣщанія сохранены. (ст. 1042 ч. 1-й т. X св. зак. гр.). Въ настоящемъ дѣлѣ завѣщаніе вдовы Шейдеманъ не заключаетъ въ себѣ подписи переписчика и сей послѣдній не явился въ палату въ годовую срокъ для утвержденія того, что онъ писалъ завѣщаніе. Въ статьѣ 1049 ч. 1-й X т. зак. гр. постановлено: «завѣщанія, безъ подписи переписчиковъ, къ явкѣ не принимаются, развѣ бы писецъ, въ продолженіе того срока, въ который завѣщаніе, по общимъ постановленіямъ, къ засвидѣтельствванію принято быть можетъ, явись въ судебное мѣсто, письменнымъ показаніемъ утвердилъ, что духовная дѣйствительно писана имъ, и по сличеніи почерка руки, таковое показаніе было бы достаточно доказано».—По силѣ сей статьи закона, духовное завѣщаніе Шейдеманъ, заключающее въ себѣ вышеозначенное отступленіе отъ предписанной формы, не можетъ имѣть законной силы завѣщательнаго акта и потому не должно подлежать засвидѣтельствванію.

Переходя засимъ къ обстоятельству, что духовное завѣщаніе Шейдеманъ внесено ею лично на храненіе въ опекунскій совѣтъ, общее собраніе нашло, что храненіе оныхъ въ опекунскомъ совѣтѣ ограждаетъ духовныя завѣщанія только отъ извѣта о ихъ фальшивости, но не изъемятъ эти акты отъ соблюденія установленныхъ формъ, которыя въ равной мѣрѣ обязательны для всѣхъ завѣщаній безъ различія. Изъ содержанія 1060 и 1061 ст. ч 1 т. X усматривается, что всѣ завѣщанія, какъ домашнія, такъ и крѣпостныя, кои вносятся для храненія въ опекунскій совѣтъ, должны быть явлены въ гражданской палатѣ въ положенный срокъ; обрядъ же явки состоятъ въ удостовѣреніи, что всѣ установленныя закономъ формы въ составѣ завѣщанія сохранены (ст. 1042 того же тома). Изъ сего слѣдуетъ, что законъ, утверждая явкою непоколебимостью установленныхъ формъ, распространяетъ ихъ обязательную силу на всѣ вообще завѣщанія и не присвоиваетъ, въ порядкѣ составленія, однимъ особенныхъ преимуществъ предъ другими. Въ противномъ случаѣ внесеніемъ духовнаго завѣщанія въ опекунскій совѣтъ покрывалось бы нарушеніе существенныхъ принадлежностей, которыхъ законъ требуетъ для признанія дѣйствительнымъ изъявленія послѣдней воли завѣщателя.

Посему, признавая распоряженіе Полтавской гражданской палаты, отказавшей въ засвидѣтельствovanіи духовнаго завѣщанія вдовы Шейдеманъ, правильнымъ и съ законами сообразнымъ, общее Сената собраніе жалобу на это распоряженіе поручика фонъ-Мейера оставило безъ послѣдствій.

и б.) 9 Января 1848 года въ С. Петербургскомъ опекунскомъ совѣтѣ получено по почтѣ изъ города Бердянска, въ запечатанномъ конвертѣ, духовное завѣщаніе Бердянскаго купца Кона Прохорова, при объявленіи, подписанномъ, за неумѣніемъ завѣщателя грамоты, коллежскимъ регистраторомъ Бѣдгольскимъ.

Завѣщаніе сіе, писанное на двухъ листахъ губернскимъ секретаремъ Петромъ Полонскимъ, въ концѣ подписано, за безграмотствомъ завѣщателя, Бердянскимъ купцомъ Петромъ Штельмаченкомъ, духовнымъ отцемъ и тремя свидѣтелями.

По смерти завѣщателя, послѣдовавшей 25 ноября 1848 года, опекунскій совѣтъ препроводилъ упомянутое завѣщаніе въ Таврическую гражданскую палату.

Палата сія, по допросѣ свидѣтелей, которые утвердили дѣйствительность завѣщанія, находя, что завѣщаніе Прохорова, написанное на двухъ листахъ простой бумаги, по листамъ, на основаніи 1035 ст. ч. I-ой X т. св. зак. гр. (изд. 1857 г.), не скрѣплено, заключила: по несоблюденію сей формы, въ принятіи къ явкѣ того завѣщанія отказать.

На это заключеніе палаты, сынъ завѣщателя, Бердянскій купеческій братъ Климъ Прохоровъ, съ представленіемъ подлиннаго завѣщанія, жалуется Правительствующему Сенату.

Сообразивъ обстоятельства сего дѣла съ законами, общее Сената собраніе нашло, что обязанность, возлагаемая закономъ на гражданскія палаты при засвидѣтельствovanіи духовныхъ завѣщаній, заключается въ одномъ удостовѣреніи, что всѣ установленныя закономъ формы въ составѣ завѣщанія сохранены (ст. 1042 X т. св. зак. гр.). На этомъ основаніи строгое и непремѣнное соблюденіе сихъ формъ составляетъ существенную принадлежность духовныхъ завѣщаній для утвержденія ихъ подлинности и законности. Въ настоящемъ же случаѣ духовное завѣщаніе купца Прохорова по листамъ не скрѣплено; такъ какъ по закону духовныя завѣщанія, писанныя на нѣсколькихъ листахъ не рукою завѣщателя, должны быть скрѣплены по листамъ или самимъ завѣщателемъ, или тѣмъ, кто вмѣсто его, по безграмотству или другимъ законнымъ причинамъ, рукоприкладствовать, или наконецъ всѣми свидѣтелями, на духовной подписавшимися, но сими послѣдними въ томъ только случаѣ, когда они именно къ тому завѣщателемъ уполномочены, съ объясне-

ніемъ и причины, по которой къ скрѣпѣ допускаются. *Безъ сей скрѣпы завѣщанія къ явкѣ не принимаются* (ст. 1035 ч. I т. X св. зак. гр.). Посему духовное завѣщаніе Прохорова, какъ заключающее въ себѣ явное отступленіе отъ предписанной формы, не можетъ имѣть законной силы завѣщательнаго акта и затѣмъ не должно подлежать засвидѣтельствуванію.

Обращаясь засимъ къ тому, что это завѣщаніе внесено было для храненія въ опекунскій совѣтъ, общее собраніе нашло, что соблюденіе предписанныхъ законамъ формъ въ равной мѣрѣ обязательно для всѣхъ завѣщаній безъ различія. По закону всѣ завѣщанія, какъ домашнія, такъ и крѣпостныя, кои вносятся для храненія въ опекунскій совѣтъ, должны быть явлены въ гражданской палатѣ въ положенный срокъ (ст. 1060-1061 ч. I-ой т. X). Слѣдовательно храненіе актовъ сихъ въ опекунскомъ совѣтѣ, ограждая завѣщанія только отъ извѣта о ихъ фальшивости, не изъемяетъ оныя отъ соблюденія тѣхъ установленныхъ формъ, безъ которыхъ законъ не признаетъ дѣйствительнымъ изъявленіе послѣдней воли завѣщателя.

Посему, признавая распоряженіе гражданской палаты, отказавшей въ засвидѣтельствovanіи духовнаго завѣщанія Прохорова, правильнымъ, и съ законамъ сообразнымъ, общее Сената собраніе жалобу на это распоряженіе купеческаго брата Клина Прохорова оставило безъ послѣдствій.

VI.

Правила о порядкѣ составленія духовныхъ завѣщаній, изданныя въ 1831 году, не распространяются на завѣщанія, составленныя до 1831 года. Посему отмѣна крѣпостнаго духовнаго завѣщанія домашнимъ завѣщаніемъ, до 1831 года составленнымъ, не составляетъ препятствія къ утвержденію сего послѣдняго.

Вдова статскаго совѣтника Акулина Козакова, имѣя троихъ дѣтей—сына Алексѣя женатаго, дочь Ирину замужнюю и другую дочь Елисавету дѣвицу, духовнымъ завѣщаніемъ, совершеннымъ крѣпостнымъ порядкомъ 5-го іюля 1823 года, признала первыхъ двухъ уже вознагражденными ею, а послѣднюю послѣ смерти ея, завѣщательницы, полною съ потомствомъ ея, если таковое будетъ, наслѣдницею и распорядительницею всего имѣющаго остаться имѣнія, которое заключается въ деревянномъ домѣ, состоящемъ здѣсь въ С. Петербургѣ, Рождественской части подъ №. 74-мъ, со всѣмъ принадлежащимъ къ нему строеніемъ, землю и вообще имѣющимся въ немъ движимымъ имуществомъ; при чемъ она, Козакова, предоставляя дочери своей Елисаветѣ починку и передѣлку означеннаго дома, постановила, что если бы она, Козакова, въ послѣдствіи вздумала отмѣнить въ чемъ-либо это завѣщаніе, то должна будетъ она или другіе наслѣдники ея, завѣщательницы, уплатить дочери Елисаветѣ всѣ издержки безотговорочно тою суммою, какая ею показана будетъ, оставя упомянутый домъ, до удовлетворенія тѣхъ издержекъ, залогомъ, или же она Ели-

савета, оставя тотъ домъ со всею принадлежностью за собою, выдасть ей завѣщательницѣ, по стоимости онаго, 1,000 руб. ассигнаціямъ. Въ концѣ духовной сказано, что наслѣдники Козаковой да соблюдутъ оную свято и ненарушимо, равно и она сама завѣщательница на отмѣну сей духовной впредь отчуждаетъ себя отъ всякаго права и быть всему вышеизложенному непремѣнно во всей своей силѣ.

Дочь Козаковой, Елисавета, не бывъ введена по сему завѣщанію во владѣніе предоставленнымъ ей домомъ, вышла замужъ за титулярнаго совѣтника Ивана Мамай и, приживъ съ нимъ сына Николая, умерла въ октябрѣ 1829 года.

Вскорѣ за тѣмъ мать ея Козакова другимъ духовнымъ завѣщаніемъ, 23-го ноября тогожъ 1829 года домашнимъ порядкомъ составленнымъ, признавъ учиненную дочерью ея Елисаветою перестройку дома произведенною на капиталъ мужа ея, по случаю неуплаты ей, завѣщательницѣ, значащихся въ первомъ завѣщаніи 1,000 р. ассигнаціями, уничтожила то завѣщаніе и постановила, что она означенный домъ свой, какъ собственность благопріобрѣтенную, отказываетъ съ сего времени въ вѣчное и потомственное владѣніе и распоряженіе зятя своего титулярнаго совѣтника Мамай, а по немъ уже наслѣдуетъ тѣмъ домомъ сынъ его, рожденный отъ дочери ея Елисаветы, Николай, съ тѣмъ, что Мамай во время жизни ея и внука ни заложить, ни продать сего дома не въ правѣ. Сямъ духовнымъ завѣщаніемъ Козакова предоставила себѣ квартиру въ этомъ домѣ до самой смерти своей и при томъ изъяснила, что на погребеніе ея должно быть употреблено изъ дома сего 700 руб. ассигнаціями, которые зять ее Мамай съ его наслѣдниками можетъ занять подъ залогъ дома, не обременяя оный сверхъ того долгами, для соблюденія пользы сына его, а ея внука Николая. Въ заключеніе Козакова присовокупила слѣдующее: имѣя въ виду, что перестройка дома учинена на счетъ мужа дочери ея, она отчуждаетъ уже себя отъ всякаго права на переѣму впредь сего духовнаго завѣщанія, а съ

тѣмъ вмѣстѣ сынъ ея Алексѣй и дочь Ирина съ ихъ наслѣдниками, будучи равномѣрно отчуждены ею отъ всякаго на тотъ домъ участія, да соблюдаютъ сіе духовное завѣщаніе свято и ненарушимо во всей силѣ.

Показанный въ семъ духовномъ завѣщаніи сынъ Мамаѣ, Николай умеръ 25 января 1830 г., а 20-го ноября 1832 года умерла и сама завѣщательница, теща Мамаѣ, статская совѣтница Козакова. Затѣмъ означенное домашнее духовное завѣщаніе въ декабрѣ мѣсяцѣ 1832 года явлено во 2-мъ департаментѣ С. Петербургской гражданской палаты, оною 30-го сентября 1837 года утверждено и, по запискѣ въ книгу палаты, съ надписью о явкѣ возвращено предъявителю титулярному совѣтнику Мамаю.

Между тѣмъ, при жизни еще Козаковой, Мамаѣ, по смерти первой жены своей, а ея дочери, вступилъ во второй бракъ съ дочерью коллежскаго ассесора Крылова, Марьею, и, приживъ съ нею двоихъ сыновей Николая и Александра, умеръ въ апрѣлѣ 1838 года, оставивъ по себѣ наслѣдниками сихъ двухъ сыновей и вдову Марью.

Въ слѣдствіе сего, когда по просьбѣ опекуновъ надъ малолѣтними дѣтьми Мамаѣ со стороны 2-го департамента С.-Петербургскаго уѣзднаго суда произведенъ былъ чрезъ вѣдомости въ 1839 году вызовъ къ имѣнію должниковъ, кредиторовъ и наслѣдниковъ Мамаѣ, и когда по таковой публикаціи ни отъ кого къ имѣнію Мамаѣ правъ предъявлено небыло, уѣздный судъ 22-го марта 1840 года постановилъ опредѣленіе, которымъ утвердилъ единственными наслѣдниками сыновей умершаго Мамаѣ отъ двухъ браковъ Николая и Александра, и о вводѣ перваго изъ нихъ во владѣніе домомъ предоставилъ опекунамъ просить гдѣ слѣдуетъ особо.

На это опредѣленіе принесена была жалоба отъ вдовы умершаго Мамаѣ и опекуновъ дѣтей ея, и 1-й департаментъ С.-Петербургской гражданской палаты, уничтоживъ ошибочное заключеніе уѣднаго суда въ отношеніи ввода во владѣніе до-

момъ умершаго сына Мамаея отъ перваго брака Николаея, предписалъ въ 1841 году уѣздному суду объ учиненіи вызова наслѣдниковъ изъ рода завѣщательницы Козаковой и о поставленіи вновь рѣшенія.

Послѣ сего возникъ споръ между наслѣдниками Мамаея и сыномъ завѣщательницы дома, Козаковой, чиновникомъ 6-го класса Алексѣемъ Козаковымъ.

По производству дѣла сего опекуны малолѣтнихъ дѣтей Мамаея защищали право ихъ духовнымъ завѣщаніемъ покойной Козаковой 1829 года, которымъ она домъ отказала отцу ихъ въ вѣчное и потомственное владѣніе и, по смерти внука своего, оставила оное въ своей силѣ, а также и тѣмъ, что отецъ ихъ исполнилъ возложенную на него этимъ завѣщаніемъ обязанность въ отношеніи погребенія тѣла умершей Козаковой.

Чинovníкъ Козаковъ право свое на наслѣдованіе домомъ основывалъ главнѣйше на томъ, что родительница его предоставила оный во владѣніе дочери ея Елисаветѣ и потомства ея по духовному завѣщанію 1823 года, явленному въ гражданской палатѣ крѣпостнымъ порядкомъ, отмѣна котораго должна была послѣдовать не иначе, какъ крѣпостнымъ же порядкомъ, и что онъ послѣ смерти племянника своего состоитъ ближайшимъ къ тому дому наслѣдникомъ.

По разсмотрѣніи настоящаго дѣла въ уѣздномъ судѣ и гражданской палатѣ, дѣло это поступило въ Правительствующій Сенатъ.

При разсмотрѣніи сего дѣла въ Сенатѣ, былъ принятъ къ разрѣшенію вопросъ: имѣла ли Козакова право духовное завѣщаніе свое, явленное у крѣпостныхъ дѣлъ, отмѣнить или уничтожить другимъ духовнымъ завѣщаніемъ, составленнымъ домашнимъ порядкомъ, и распространяется ли на настоящій случай, совершившійся до 1831 года, 12-й § изданнаго 1-го октября тогожъ года положенія о порядкѣ составленія, храненія и явки духовныхъ завѣщаній, обращенный въ 851-ю статью

X т. зак. гр. изданія 1842 года (изд. 1857 г. ч. I ст. 1030).

Собразивъ вопросъ сей съ узаконеніями, общее Сената собраніе нашло, что на основаніи 12 § положенія 1831 года, не могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы крѣпостныя духовныя завѣщанія иначе, какъ крѣпостнымъ порядкомъ то есть: или посредствомъ составленія другаго завѣщанія, равную силу съ онымъ имѣющаго, или посредствомъ прошенія объ уничтоженіи прежняго отъ завѣщателя въ то судебное мѣсто, гдѣ оно было совершено, поданнаго, и что если крѣпостное завѣщаніе уничтожено самимъ завѣщателемъ при жизни его, то оставшееся по смерти его домашнее завѣщаніе остается въ своей силѣ. Но постановленія сего нельзя распространять на завѣщанія Козаковой, составленныя въ 1823 и 1829 годахъ,—за силою примѣчанія къ ст. 922 тогоже X тома (изд. 1857 г. ч. I прим. къ ст. 1103), основаннаго на Высочайше утвержденномъ въ 22 день іюня 1837 года мѣнніи государственнаго совѣта (10363), въ которомъ изъяснено, что завѣщанія, составленныя до обнародованія положенія 1-го октября 1831 года, должны быть утверждены и споры о нихъ разрѣшаемы согласно съ существовавшими тогда узаконеніями.

Обозрѣвая затѣмъ прежнія въ отношеніи сего предмета узаконенія, общее собраніе нашло:

а) Что до 1725 года существовали постановленія, которыми всякія крѣпости, а въ числѣ ихъ и духовныя завѣщанія, вѣльно было писать только у крѣпостныхъ дѣлъ (указы 1701 января 30 и марта 7-го, 1705 ноября 6 и 1709 марта 10-го, №№. 1833, 1838, 2080 и 2226).

б.) Что въ послѣдствіи, и именно съ 1726 года, дозволено было писать духовныя завѣщанія мимо крѣпостныхъ дѣлъ дома, при свидѣтеляхъ (указы 1726 іюля 19 и 1731 іюня 18-го, №№. 4937 и 5783).

в.) Наконецъ въ 1814 году октября 8-го (25.704) признано, что духовное завѣщаніе по самому существу своему

не есть крѣпость, запись или другой актъ; закономъ на обязательства установленный, но токмо одно объявленіе воли, должствующей воспріять силу и дѣйствіе свое не прежде, какъ послѣ смерти завѣщателя, а посему доколѣ продолжается жизнь самаго завѣщателя, дотолѣ и воля его не можетъ стѣсняться тѣмъ объявленіемъ, съ какими бы условіями оно изъявлено ни было, ибо когда условія сіи постановлены имъ добровольно безъ всякаго съ другой стороны возмездія, то можетъ онъ во всякое время и отмѣнить оныя, а паче когда завѣщатель есть еще отецъ или мать, право которыхъ въ распоряженіи имѣніемъ своимъ относительно дѣтей ничѣмъ не стѣняется.

Но чтобы послѣ явленныхъ при жизни у крѣпостныхъ дѣлъ самими завѣщателями духовныхъ, они могли или не могли, въ отмѣну ихъ въ чемъ-либо или въ цѣломъ составѣ, дѣлать другія духовныя завѣщанія домашнимъ порядкомъ, на сіе въ прежнихъ узаконеніяхъ никакого постановленія не существовало, а состоялось таковое, въ видахъ большей полноты законовъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, въ позднѣйшее уже время и именно въ положеніи, изданномъ 1-го октября 1831 года. Слѣдовательно положеніе это составляетъ новый законъ по сему собственно предмету, не заимствованный изъ собранія узаконеній до 1831 года существовавшихъ, а потому и извлеченная изъ 12 § сего изложенія статья X. т. зак. гр. примѣняема къ настоящему дѣлу быть не можетъ.

Переходя за сѣмъ къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла въ существѣ, общее собраніе нашло, что духовныя завѣщанія статскою совѣтницею Козаковою совершены были: первое крѣпостнымъ порядкомъ въ 1823 году, а второе домашнее, отмѣняющее первое, въ 1829 году, прежде изданія въ 1831 году означеннаго положенія. Послѣднее изъ нихъ составлено уже по смерти дочери Козаковой Елисаветы, въ пользу которой было совершено первое завѣщаніе. Она, кромѣ невыполненія возложенной на нея тѣмъ завѣщаніемъ обязанности

въ отношеніи матери ея; не была еще введена во владѣніе принадлежавшимъ Козаковой домоу, слѣдовательно Козакова, какъ полновластная распорядительница своею собственностію, на основаніи приведенныхъ выше узаконеній, имѣла полное право измѣнить или вовсе отмѣнить первое ея завѣщаніе по собственному усмотрѣнію. На семъ основаніи общее Сената собраніе опредѣлило: домашнее духовное завѣщаніе Козаковой, которымъ она, независимо отмѣны крѣпостнаго ея завѣщанія въ существѣ его, подтвердила условіе свое, въ первомъ завѣщаніи помѣщенное, что сына Алексѣя и дочь Ирину устраняетъ отъ всякаго на домоу ея участія, утвердить въ полной его силѣ и, на основаніи онаго, домоу этотъ, по добровольному Козаковоу предоставленію его въ вѣчное и потомственное владѣніе и распоряженіе зятя ея титулярнаго совѣтника Мамаю, оставить, за смертію его, въ неотъемлемомъ владѣніи дѣтей Мамаю, а Козакову въ искѣ его отказать.

С 76

VII. VIII. IX.

Законъ о земской давности не распространяется на дѣла, по коимъ тяжущимся принесена апелляціонная жалоба высшему мѣсту.—Посему апелляціонная жалоба, принесенная тяжущимся, должна подлежать разсмотрѣнію, хотя бы послѣ принесенія ея тяжущійся больше десяти мѣтъ не имѣлъ хожденія по дѣлу.

I. Общее собраніе 4, 5 и межеваго департаментовъ Правительствующаго Сената, по разсмотрѣніи дѣла казачьей жены

Прасковьи Быстряковой, жаловавшейся на бывшую Донскую войсковую канцелярію за оставленіе безъ разсмотрѣнія дѣла ея, производившагося апелляціоннымъ порядкомъ, съ казачьею женою Устиньею Ходяковою о виноградномъ садѣ, нашло, что по дѣламъ, производящимся апелляціоннымъ порядкомъ, обязанность тяжущагося состоитъ въ томъ, чтобы подать апелляцію, внести пошлины, представить деньги на припечатаніе вызововъ, явиться въ срокъ по симъ вызовамъ и зарукоприкладствовать составленную въ судѣ записку; по выполненіи же таковаго обряда отъ тяжущагося не принимается уже никакихъ бумагъ, и секретарь (580 ст. 2 ч. X т. св. зак.) обязывается дать ему билетъ, что въ хожденіи его за дѣломъ нѣтъ никакой нужды, и хотя правило, въ означенной 580 ст. постановленное, относится только до дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ производящихся, но разумъ сего закона обращается и на настоящій случай. Изъ сего слѣдуетъ, что здѣсь обязанность тяжущагося кончена; но обязанность суда къ нему продолжается и состоитъ именно въ немедленномъ рѣшеніи дѣла. А какъ истица Быстрякова все вышеописанное съ своей стороны выполнила, то и винить ее въ неимѣніи дальнѣйшаго хожденія по одѣлу, доведенному ею до такой степени производства, гдѣ, по словамъ закона, нѣтъ мѣста хожденію, было бы несправедливо. При томъ Сенатъ принялъ въ соображеніе, что выполненіе по дѣламъ, апелляціоннымъ порядкомъ производимымъ, со стороны тяжущихся установленнаго обряда и взносъ пошлинъ поставяетъ самое правительство, въ отношеніи къ симъ дѣламъ, въ особую обязанность производить ихъ немедленно, оканчивать въ положенные сроки и ни въ какомъ уже случаѣ не оставлять оныхъ безъ разсмотрѣнія и предавать забвенію; что войсковая канцелярія по дѣлу Быстряковой, какъ апелляціоннымъ порядкомъ до разсмотрѣнія ея достигшему, въ неперемѣнной была обязанности постановить рѣшеніе, каково бы оно

впрочемъ ни было съ объявленіемъ его тяжущимся на правѣ апелляціи; что оканчивать апелляціонныя дѣла частными заключеніями судебныхъ мѣстъ, и особенно въ той слѣдѣ, чтобъ дѣла сіи оставлять безъ рѣшенія и сдавать въ архивъ, въ порядкѣ всякаго судопроизводства, и не можетъ и не должно быть допущено; что утвержденіемъ настоящаго заключенія канцеляріи можно подать судебнымъ мѣстамъ примѣръ какъ бы поощренія къ медленности въ производствѣ и преданія на произволъ онымъ правъ и участи тяжущихся, примѣръ тѣмъ болѣе опасный, что взысканія за медленность съ членовъ тѣхъ мѣстъ, упавая почти всегда на множество лицъ и относясь ко времени давно прошедшему, не могутъ быть ни справедливо распредѣляемы съ виною каждаго, ни выполняемы скоро и удобно по перемѣнившимся обстоятельствамъ и по выбытію самихъ виновныхъ, отъ чего таковыя взысканія, оставаясь, большею частію, безъ дѣйствія, только затрудняютъ напрасно правительство, увеличивая переписку и усугубляя примѣры безнаказанности. По симъ основаніямъ общее собраніе 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ опредѣлило: частное заключеніе бывшей Донской войсковой канцеляріи о зачисленіи этого дѣла конченнымъ, какъ совершенно неправильное и стѣснительное для тяжущагося, отмѣнить, а велѣть Донскому войсковому гражданскому суду, по истребованіи отъ куда слѣдуетъ дѣла, войти въ надлежащее разсмотрѣніе онаго и, постановивъ на законномъ основаніи опредѣленіе, въ объявленіи онаго тяжущимся на правѣ апелляціи поступить установленнымъ порядкомъ.

II. До разсмотрѣнія общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ Правительствующаго Сената доходило дѣло по жалобѣ армянина Данила Молбаша на Бессарабскій гражданскій судъ за преданіе вѣчному забвенію дѣла объ уничто-

женіи продажи имъ, Молбашемъ, лавокъ армянину Мануку Бабаюлу.

Изъ дѣла того видно: въ 1828 году, по иску армянина Молбаша, состоялось въ Оргѣвскомъ цынутномъ (уѣздный) судѣ, объ отказѣ просителю, рѣшительное опредѣленіе, на которое онъ подалъ 12 мая 1828 года въ Бессарабскій гражданскій судъ апелляціонную жалобу, въ слѣдствіе коей цынутный судъ представилъ подлинное дѣло въ гражданскій судъ 15 декабря того же года, по съ того времени по 1838 годъ оно оставалось безъ разсмотрѣнія, что и побудило Молбаша, просьбою, поданною 23 июля 1838 года, ходатайствовать о скорѣйшемъ рѣшеніи, но гражданскій судъ отказалъ ему, между прочимъ, по пропущенію 10 лѣтней давности въ хожденіи по дѣлу.

По частной жалобѣ Молбаша, общее собраніе, — обратясь къ разсмотрѣнію послѣдняго постановленія гражданскаго суда, между прочимъ по вопросу: имѣлъ ли онъ правильное основаніе примѣнить къ тому дѣлу 1651 ст. изд. 1832 г. (213 ст. 2 ч. X т., изд. 1857 г.) о давности, — пашло, что законъ положительно не разрѣшаетъ того: можетъ ли сила означенной статьи быть распространяема на производство дѣлъ въ судѣ 2-й степени по апелляціоннымъ жалобамъ тяжущихся; если съ одной стороны въ приведенной статьѣ и сказано, что 10-ти лѣтнее промолчаніе со дня предъявленія просьбы уничтожаетъ искъ, то съ другой, по разнымъ отношеніямъ между собою истца и отвѣтчика, примѣненіе сего правила къ производству дѣлъ въ судахъ 2 степени встрѣтило бы многія неудобства, къ поясненію коихъ въ законахъ не существуетъ постановленія, такъ напримѣръ: рѣшеніе суда 1-й степени можетъ послѣдовать противъ отвѣтчика, владѣющаго имѣніемъ, если онъ въ срокъ подалъ апелляцію, которая оставалась въ теченіи 10 лѣтъ безъ разсмотрѣнія и безъ хожденія со стороны тяжущихся, то въ чью пользу должна

быть примѣняема давность: въ пользу ли истца, коему рѣшеніемъ суда первой степени присуждено спорное имѣніе, или отвѣтчика, который не переставалъ владѣть онымъ? Если приять во вниманіе, что апелляція недовольнаго возбуждаетъ только ревизію рѣшеннаго по доказательствамъ обѣихъ сторонъ дѣла и что для сего нѣтъ надобности въ хожденіи тяжущихся, то казалось бы, что бездѣйствіе суда 2-й степени, десять лѣтъ продолжающееся, когда тяжущимся оставалось только ожидать послѣдствій ревизіи рѣшеннаго дѣла, не можетъ быть причиною къ прекращенію онаго. Но во всякомъ случаѣ, при ясности закона онъ долженъ быть исполняемъ въ смыслѣ, болѣе ограждающемъ права тяжущихся, и въ семъ уваженіи общее собраніе 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ Правительствующаго Сената признало, что Молбашъ не можетъ быть обвиненъ въ пропущеніи имъ десятилѣтней давности.

III. По расточительности помѣщика Оболонскаго, принадлежавшее ему имѣніе взято было въ 1824 г., по распоряженію начальства, въ опеку. Въстѣ съ тѣмъ открылось, что состояніе Оболонскаго не покрываетъ лежащихъ на немъ долговъ, о чемъ произведено было особое дѣло, по коему рѣшеніемъ Правительствующаго Сената присуждено было ко взысканію съ Оболонскаго, кромѣ долга опекунскому совѣту, еще до 1,856,281 р. по частнымъ претензіямъ. На пополненіе сихъ взысканій имѣніе Оболонскаго продано было съ публичнаго торга.

Между тѣмъ Оболонскій въ 1826 г. принесъ губернскому начальству жалобу на злоупотребленіе опекуновъ, опредѣленныхъ къ имѣнію его.

Произведеннымъ, по предписанію начальства, изслѣдованіемъ обнаружены, сверхъ показанныхъ Оболонскимъ, и другія противузаконныя дѣйствія опекуновъ.

Хоролевскій уѣздный судъ, по разсмотрѣнн въ 1832 г. сего производства, присудилъ съ опекуновъ полковника Петра Гармашевскаго и капитановъ Николая Горчакова и Никиты Хвостовскаго денежное взысканіе и вмѣстѣ съ нимъ постановилъ заключеніе объ обращенн онаго на удовлетвореніе кредиторовъ Оболенскаго.

Къ слушанію сего рѣшенія уѣзднаго суда Горчаковъ не явился, а повѣреннымъ Оболенскаго принесена была на оное Полтавской гражданской палатѣ апелляція по истеченн узаконеннаго срока.

Гражданская палата, ревизуя въ 1836 г. это рѣшеніе лишь въ отношенн къ апелляторамъ Гармашевскому и Хвостовскому, для коихъ оно не вошло въ окончательную законную силу, признала оное, въ нѣкоторыхъ предметахъ, правильнымъ, а въ другихъ отдала, по неимѣнію достовѣрныхъ свѣдѣній, на присягу Оболенскаго, но съ тѣмъ, чтобы таковое взысканіе обращено было на удовлетвореніе матери Оболенскаго за неплатежъ ей съ нимъ послѣднимъ ежегодно по обязательству 15 т. р.

На это рѣшеніе одинъ Хвостовскій объявилъ неудовольствіе и, по выполненн апелляціоннаго обряда, принесъ въ 1837 г. Правительствующему Сенату апелляцію.

Правительствующій Сенатъ, обревизовавъ настоящее дѣло, нашель, что имѣніе Оболенскаго, обращенное на удовлетвореніе кредиторовъ его, есть собственность сихъ послѣднихъ, а не Оболенскаго, коего мѣсто они уже заступаютъ въ семь дѣлъ; почему Сенатъ 1 марта 1839 г. опредѣлилъ: предписать Полтавской гражданской палатѣ, чтобы она означенное рѣшеніе свое объявила всѣмъ лицамъ, имѣющимъ къ Оболенскому долговья претензіи, и въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла поступила по законамъ; объ исполненн сего и для объявленія

о семь Хвостовскому 8 мая 1839 г., посланъ указъ въ гражданскую палату.

Засимъ къ слушанію рѣшенія гражданской палаты, состоявшагося въ 1836 г. по настоящему дѣлу, кредиторы и поручители Оболонскаго вызываемы были оповѣщеніемъ чрезъ полицію, а отсутствующіе чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ; но въ теченіи установленнаго срока они не явились. Вышесказанное же рѣшеніе Правительствующаго Сената объявлено было Хвостовскому съ подпискою.

По полученіи донесенія о семь отъ гражданской палаты, сенатское 1839 г. производство по сему дѣлу сдано было въ сенатскій архивъ. Палата же гражданского суда указомъ отъ 26 октября 1845 г., съ обращеніемъ дѣла, предписала Хорольскому уѣздному суду о приведеніи рѣшенія ея 1836 г. въ исполненіе въ отношеніи ко всѣмъ участвующимъ въ семь дѣлѣ лицамъ, кромѣ Хвостовскаго.

Послѣ того уѣздный судъ 28 мая 1848 г. донесъ гражданской палатѣ, что Хвостовскій, не уплачивая падающихъ на его часть по рѣшенію гражданской палаты денегъ, проситъ объ учиненіи справки: чѣмъ разрѣшена принесенная имъ на то рѣшеніе Правительствующему Сенату апелляція, о чемъ уѣздный судъ доносилъ гражданской палатѣ, просилъ въ разрѣшеніе предписанія.

Палата гражданского суда въ журналѣ своемъ 28 октября 1848 г. заключила: такъ какъ вышеупомянутое рѣшеніе палаты должно быть приведено въ исполненіе только въ отношеніи къ Горчакову и Гармашевскому, а въ отношеніи Хвостовскаго, принесшаго на оное апелляцію; настоящее дѣло подлежатъ представленію въ Правительствующій Сенатъ, то, потребовавъ на сей конецъ изъ Хорольскаго уѣзднаго суда все по этому дѣлу производство, предписать уѣздному суду о приостановленіи исполненія по рѣшенію палаты, въ отношеніи къ

Хвостовскому, впредь до особаго распоряженія. Въдствие сего, по доставленіи изъ Хорольскаго уѣзднаго суда настоящаго дѣла, гражданская палата 8 ноября 1849 г. представила оное при рапортѣ на ревизію Правительствующаго Сената.

Сообразивъ всѣ эти обстоятельства въ совокупности, общее собраніе Правительствующаго, Сената по поводу возникшаго въ 3 департаментѣ сомнѣнія о томъ, не слѣдуетъ ли прекратить настоящее дѣло за силою закона о давности, находило, что на основаніи общихъ законовъ присутствіе тяжущихся, или ихъ повѣренныхъ, и вообще такъ называемое хожденіе по дѣлу, составляетъ необходимое условіе судопроизводства лишь въ судѣ первой степени и что обязанности частныхъ лицъ при переносѣ дѣла, по неудовольствію ихъ на рѣшеніе суда, въ высшую инстанцію, ограничиваются выполненіемъ со стороны ихъ въ нижшемъ судѣ апелляціоннаго обряда и подачею ими затѣмъ въ теченіе установленнаго срока апелляціи въ высшій судъ, по принадлежности. Заслѣдуетъ на непосредственной отвѣтственности апелляціоннаго суда лежить уже, какъ немедленная, по установленному порядку, ревизія всего прежняго производства и постановленіе своего рѣшенія, такъ и, независимое же отъ ходатайства сторонъ, наблюденіе о должномъ по оному исполненіи. На такомъ основаніи Правительствующій Сенатъ полагалъ, что законъ о давности для тяжбъ и исковъ, въ слѣдствіе десятилѣтняго со стороны тяжущихся лицъ нехожденія том. X свод. зак. гр. ч. 2 ст. 231 по точному соображенію его съ существующимъ порядкомъ судопроизводства, относится лишь къ пачатию и производству спорныхъ дѣлъ въ нижнихъ судахъ и не можетъ имѣть примѣненія при апелляціонномъ судопроизводствѣ во второй степени суда, а тѣмъ менѣе въ Правительствующемъ Сенатѣ. Обращаясь отъ сихъ общихъ соображеній къ настоящему частному случаю, Сенатъ находилъ, что капитанъ Никита Хвостовскій, объявивъ на рѣшеніе Полтавской гражданской палаты

неудовольствие, принесъ на оное въ 1837 г. Правительствующему Сенату апелляцію и за такимъ выполнениемъ съ своей стороны всѣхъ обрядовъ, предписанныхъ закономъ для переноса производства въ верховное судилище, ожидалъ до настоящаго времени разрѣшенія сего дѣла, которое не было до нынѣ приведено къ окончанію по причинамъ, зависѣвшимъ не отъ Хвостовскаго, а отъ Полтавской палаты гражданскаго суда, ибо, въ слѣдствіе упущенія, сдѣланнаго ею въ объявленіи въ 1837 г. своего рѣшенія не всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ и бывшаго поводомъ къ возвращенію онаго по указу Сената 1839 г., а равно и въ слѣдствіе медленности, допущенной ею въ исполненіи того указа и въ препровожденіи дѣла сего обратно въ Сенатъ не ранѣе 1849 года, настоящее дѣло остается до сихъ поръ нерѣшеннымъ. По всѣмъ симъ уваженіямъ общее Сената собраніе предоставило 2-му отдѣленію 3-го департамента Правительствующаго Сената разсмотрѣть настоящее дѣло въ существѣ и постановить по оному рѣшенію на законномъ основаніи.

В. РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ.

I.

Дѣло о Ларіонѣ и Натальѣ Сивцовыхъ, сужденныхъ за воровство.—Произнесеніе обвинительнаго приговора и назначеніе наказанія по совокупности обстоятельствъ, увеличивающихъ вину.—Общія разсужденія Государственнаго Совѣта о порядкѣ возвышенія степени и мѣры наказанія.—Циркуляръ Министерства Юстиціи.—

Ларіонъ Сивцовъ и жена его Наталья Петрова, получивъ изъ Михайловскаго земскаго суда (Рязанской губерніи) 15 апрѣля 1847 года свидѣтельство на свободный пропускъ, отправились съ этимъ свидѣтельствомъ въ Войско Донское и остановились тамъ, Бурацкой станицы, въ домъ казака Григорія Сарычева.

20 марта 1848 года ночью, разломавъ заборъ у хозяйна своей квартиры, Сивцовы вывели въ проломъ лошадь со сѣдняго казака Ивана Попова, сверхъ того у Сарычева и Попова украли повозку, сбрую и разныя вещи всего на 16 руб. 45 коп. серебромъ и въ ту же ночь скрылись изъ станицы,—но по распоряженію станичныхъ правителей пойманы и всё украденное у нихъ отобрано и возвращено по принадлежности.

При первомъ допросѣ подсудимые утверждали, что отобранное у нихъ дано имъ Поповымъ и Сарычевымъ за полученную съ нихъ денежную плату; но въ послѣдствіи сознались въ кражѣ.—При этомъ Ларіонъ Сивцовъ показалъ, что на 20-ое марта, посоветовавшись съ женою своею, среди ночи онъ разобралъ звено забора у хозяина его квартиры казака Сарычева и укралъ на дворѣ повозку, дугу, топоръ, пологъ, суконный халатъ, а у казака Попова вывелъ въ этотъ проломъ лошадь, похитивъ хомутъ, узду, дугу и сѣделку, потомъ запретъ лошадь въ повозку, въ которую поклатъ какъ свое имущество, такъ и все украденное и отправился съ женою на жительство; путь его пролегалъ чрезъ Михайловскую станицу, не доѣзжая до которой версты за двѣ былъ онъ догнанъ и возвращенъ урядникомъ Дреминымъ. Въ сыскномъ же начальствѣ показъ несправедливо отъ испуга.

Это показаніе подтвердила и жена Сивцова Наталья.

Изъ подсудимыхъ Ларіонъ Сивцовъ судился и прежде за три кражи и за ограбленіе солдатки Никитиной,—по одной кражѣ оставленъ въ сильномъ подозрѣніи, а по прочимъ и въ ограбленіи—въ простомъ подозрѣніи.

Поведеніе Ларіона Сивцова не одобрено, а жены его одобрено.

О званіи подсудимыхъ находятся въ дѣлѣ слѣдующія свѣдѣнія: въ свидѣтельствѣ земскаго суда, по которому Сивцовъ прибылъ съ женою въ Войско Донское, онъ названъ неслужащимъ дворяниномъ.

Михайловскій уѣздный предводитель дворянства назвалъ его также неслужащимъ дворяниномъ; по метрикамъ же онъ и жена его не записаны.

Въ слѣдствіе указа Правительствующаго Сената, которымъ требованы были справки о званіи подсудимыхъ, Рязанское дворянское собраніе отозвалось, что Ларіонъ Григорьевъ сынъ Сивцовъ въ дворянской родословной книгѣ не записанъ,

а внесенъ въ 6 часть сей книги дворянинъ Григорій Никп-форовъ Сивцовъ съ сыномъ Иваномъ, хотя же въ поколѣн-пой росписи Григорія Сивцова показаны у него братья въ четвертомъ колѣнѣ Ларіонъ, Филиппъ, Федотъ и Ефремъ Григорьевы Сивцовы, но о дѣйствительности сего родства, по не-имѣнію въ виду документовъ, Собраніе удостовѣрить не мо-жетъ.

По свидѣтельству по виѣшнему виду, учиненному Сив-цовымъ 7 іюня 1848 года оказалось, что отъ роду имъ, Ларіону Сивцову около 32, а женѣ его 25 лѣтъ.

Сивцовы въ окружномъ начальствѣ дали подписку, что пристрастныхъ допросовъ имъ дѣлано не было.

Хоперское окружное судное начальство мнѣніемъ полага-ло: Ларіона Григорьева (32 л.) и жену его Наталью Петрову (25 л.) Сивцовыхъ, лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по со-стоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, Архангельскую или Вологодскую.

Войсковый уголовный судъ рѣшеніемъ заключилъ: Ларі-она Сивцова и жену его Наталью Петрову, лишивъ всѣхъ осо-бенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, сослать Сивцова на житье въ Енисейскую гу-бернію съ заключеніемъ на четыре года и съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи въ продолженіи двѣнад-цати лѣтъ (ст. 35. ст. 1 улож.), а жену его въ Томскую гу-бернію съ заключеніемъ на два года.

Рѣшеніе это пропущено было прокуроромъ безъ протеста и представлено наказнымъ атаманомъ въ Правительствующій Сенатъ.

Правительствующій Сенатъ, по 2 отдѣленію 6 департа-мента, находилъ, что подсудимые Ларіонъ и жена его Наталья Сивцовы за кражу вмѣстѣ съ вещами лошади съ проломомъ забора у хозяйна своей квартиры, въ почное время, по 163,

2228, 2230 п. 1 и 2245 уложения о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (*) подлежатъ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ губерніи Иркутскую или Енисейскую съ заключеніемъ на время отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ и съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи отъ 10 до 12 лѣтъ (ст. 35 степ. 1.); по упорству въ сознаниіи на первомъ допросѣ, по учиненіи кражи въ званіи дворянъ (141 п. 2 и 10) и при отсутствіи обстоятельствъ, вину уменьшающихъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: Ларіона Сивцова (32 лѣтъ) и Наталью Петрову (25 лѣтъ) лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Енисейскую губернію съ заключеніемъ на 4 года и съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи въ продолженіи 12 лѣтъ, но не исполняя сего, представить о томъ на Высочайшее благоусмотрѣніе чрезъ Государственный Совѣтъ.

Государственный Совѣтъ, по разсмотрѣніи означеннаго дѣла, призналъ Сивцовыхъ по собственному сознанию и обстоятельствамъ дѣла, виновными: 1., въ кражѣ у хозяина своей квартиры, въ почное время, разныхъ вещей, бывшихъ незапертыми, и 2., въ кражѣ, тоже ночью, лошади изъ сосѣдняго съ ихъ квартирою дома съ проломомъ забора, принадлежавшаго къ дому, гдѣ они жили; принявъ за симъ на видъ неискренности ихъ въ отвѣтахъ при первомъ допросѣ и совокупности ихъ преступленій, а потому руководствуясь 141 (п. 10) и 165 статьями уложения о наказаніяхъ, Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: сихъ подсудимыхъ, согласно съ приговоромъ Сената и мнѣніемъ ми-

(*) Хотя настоящее дѣло производилось и окончено прежде изданія свода 1857-го года, но для большаго удобства читателей, статьи уложения о наказаніяхъ показаны по сему послѣднему изданію. Правило это будетъ соблюдено и на будущее время при изложеніи уголовныхъ дѣлъ.

нистра юстиціи, на основаніи 2228, 2230 и 2245 статей упомянутого уложенія, лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ губерніи Енисейскую, съ заключеніемъ тамъ на четыре года и съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ.

При разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ настоящаго дѣла возбуждено было сомнѣніе на счетъ возможности возвысить наказаніе Сивцовымъ, за кражу со взломомъ, тремя степенями, какъ за произведенную ночью и въ томъ домѣ, гдѣ они жили.

Государственный Совѣтъ, принявъ на видъ, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ уложенія о наказаніяхъ усиленіе оныхъ, по увеличивающимъ мѣру вины обстоятельствамъ, опредѣляется степенями возвышенія противъ простыхъ преступленій, въ другихъ же прямымъ указаніемъ слѣдующаго наказанія, — признавъ, что возбужденный при разсмотрѣніи настоящаго дѣла вопросъ, который мнѣніемъ Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 12-го марта 1847-го года, разрѣшенъ только въ отношеніи кражи въ ночное время лошадей и рабочаго скота, требуетъ ближайшаго соображенія съ изложеніемъ статей уложенія и съ общею постепенностію наказаній, принятою въ основаніе при составленіи означеннаго уложенія.

Въ слѣдствіе сего Государственный Совѣтъ, остановясь разрѣшеніемъ дѣла о Сивцовыхъ, испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на передачу онаго во II-е отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, для соображенія возникшаго изъ сего дѣла вопроса и представленія Совѣту по оному заключенію.

На сей конецъ, по воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія на таковое мнѣніе Государственнаго Совѣта, препровождены были къ главноуправляющему II-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, вмѣстѣ съ выпискою

пзъ журнала по дѣлу о Сивцовыхъ, другія дѣла, въ которыхъ наказанія опредѣлялись по совокупности нѣсколькихъ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину преступленій.

Главноуправляющій представилъ Совѣту слѣдующія мысли свои и заключеніе:

Правила объ опредѣленіи степени вины и наказанія преступника, по обстоятельствамъ болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ сію вину, находятся какъ въ общей части уложенія, составляющей предметъ раздѣла 1-го, такъ и въ другихъ раздѣлахъ онаго, въ видѣ частнаго опыхъ примѣненія. Сообразивъ всѣ сіи правила въ надлежащей естественной между ними связи, будетъ, по мнѣнію главноуправляющаго, довольно легко разрѣшить встрѣчаемое въ примѣненіи ихъ затрудненіе, происходящее не отъ неясности или неточности самыхъ узаконеній, которыя весьма положительны и даже весьма просты, а отъ того единственно, что въ семъ случаѣ и во многихъ подобныхъ необходимо сдѣлать общій выводъ пзъ постановленій двухъ, или трехъ и болѣе статей закона, и что сіе можетъ ввести судью въ нѣкоторое сомнѣніе. Трудности сего рода неразлучны съ свойствомъ всѣхъ систематическихъ кодексовъ и въ особенности столь обширныхъ и въ развитіи своемъ столь подробныхъ, какъ наше уложеніе, но онѣ сами собой устранятся при дальнѣйшемъ примѣненіи постановленій онаго къ разнороднымъ дѣламъ и обстоятельствамъ, когда суды наши, подъ наблюденіемъ и руководствомъ высшихъ мѣстъ и властей, пріобрѣтутъ болѣе навыка къ пужнымъ для того соображеніямъ.

При составленіи уложенія о наказаніяхъ принято правиломъ (и въ семъ отношеніи новыя узаконенія совершенно согласны съ прежними, книги 1-й т. XV-го св. зак.), что всякое преступленіе можетъ сопровождаться нѣкоторыми обстоятельствами, увеличивающими вину преступника, и что въ слѣдствіе опыхъ должно быть также, смотря по числу и роду сихъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе увеличено наказаніе, постановленное за сіе преступленіе, но только не иначе, какъ въ

предѣлахъ, закономъ для того указанныхъ. Дабы при означеніи каждаго преступленія и проступка не постановлять особо, какъ должна быть увеличиваема мѣра наказанія, за оное слѣдующаго по роду сопровождавшихъ его обстоятельствъ, признано нужнымъ, также по примѣру прежнихъ узаконеній въ общей части уложенія (1-мъ онаго раздѣлѣ), исчислить всѣ сія обстоятельства (ст. 141) и постановить правила, также общія (ст. 161 и 162), по коимъ судъ можетъ увеличивать, или уменьшать наказанія, въ законѣ положенныя.

Постановленіе ст. 161-ой совершенно ясно и въ примѣненіи онаго не можетъ встрѣтиться никакого затрудненія. При опредѣленіи наказанія за преступленіе, или проступокъ, въ уложеніи обыкновенно означаются *родъ*, *степень* и *мѣра* онаго: напримѣръ работы въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, или заключеніе на время отъ столькихъ до столькихъ-то лѣтъ, или тѣлесное наказаніе не болѣе такого-то числа ударовъ, или денежное взысканіе отъ такой-то до такой-то суммы. Законъ не дозволяетъ судѣ переходить за предѣлы, для указанной въ ономъ степени наказанія постановленныя, и предоставляетъ только въ сихъ предѣлахъ избирать и назначать или высшую, или низшую, или же какую-либо среднюю между ними мѣру наказанія. Но и выборъ самой мѣры наказанія не вполне оставленъ на произволъ судьи; онъ долженъ зависѣть отъ сопровождавшихъ преступленіе, имѣющихся въ виду суда обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и отъ рода и большаго, или меньшаго числа оныхъ. Когда слѣдствіемъ обнаружены многія и важныя увеличивающія вину обстоятельства и притомъ нѣтъ вовсе обстоятельствъ, уменьшающихъ оную, тогда судья долженъ по числу и свойству ихъ опредѣлить самую высшую, или близкую къ самой высшей (maximum) мѣру наказанія той степени. Когдажъ число обстоятельствъ, увеличивающихъ вину, не столь значительно, или оныя по роду своему не столь важны, онъ можетъ постановить среднюю между высшею и меньшею мѣру наказанія, а буде въ виду только од-

но лишь такое обстоятельство и притомъ маловажное, то и близкую къ меньшей, положенной въ законахъ, мѣрѣ.

Примѣненіе къ дѣламъ другой статьи (162) также не можетъ быть затруднительно. Въ ней означаются власть и обязанность суда при опредѣленіи наказаній въ случаяхъ, когда въ законѣ за какое-либо преступленіе постановлено нѣсколько, одно другое замѣняющихъ, наказаній, или же опредѣленъ только родъ наказанія, безъ означенія степени онаго. Въ сихъ случаяхъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, судья обязанъ слѣдовать тому же порядку, который означенъ выше (въ предшедшей 161 статьѣ) и по мѣрѣ сопровождавшихъ преступленіе обстоятельствъ, постановлять то или другое изъ нѣсколькихъ, положенныхъ закономъ наказаній, или же ту или другую степень опредѣленнаго рода наказанія.

Сверхъ сихъ общихъ правилъ, уложеніе заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя постановленія объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину и наказаніе.

Строгость наказанія зависитъ обыкновенно отъ важности нарушенныхъ правъ или правилъ, но въ иныхъ случаяхъ, кромѣ самаго нарушенія закона, надобно принимать въ особое уваженіе и обстоятельства, сопровождавшія преступленіе, и по симъ обстоятельствамъ и доказываемой оными степени виновности возвышать наказаніе противъ той мѣры, которую слѣдовало бы опредѣлить за одно лишь нарушеніе освященныхъ закономъ правъ или правилъ.

По сей причинѣ, довольно часто, при самомъ описаніи преступленій, въ уложеніи упоминается и о нѣкоторыхъ особенныхъ по роду и свойству cadaго преступленія обстоятельствахъ онаго, увеличивающихъ вину и долженствующихъ увеличить наказаніе. Къ числу ихъ относятся, наприм. при зажигательствѣ: учиненіе пожара ночью (ст. 2187); при разбоѣ— когда оный учиненъ въ церкви (2209), или съ нападеніемъ на домъ, или селеніе (2210), или же на улицѣ, или дорогѣ (2211);

при грабежѣ, когда онъ учиненъ шайкою (2220), или во время пожара (2221), или вооруженнымъ человекомъ, хотя онъ и не употреблялъ сего оружія при совершеніи грабежа (2222), или также на улицѣ, проѣзжей дорогѣ, или въ ночное время (2224); при кражѣ: когда она учинена шайкою (2226), во время пожара, наводненія (2227), со взломомъ (2228), съ похищеніемъ запертыхъ сундуковъ, ларцевъ и т. п. (2229), или сундуковъ, или чемодановъ съ почтовыхъ повозокъ (2232), или когда она учинена живущими въ помѣщеніи того, чье имущество украдено (2230), или же, когда учинившій кражу былъ вооруженъ (2234), или надѣвалъ маску (2235), наконецъ, когда кража учинена сговорившимися для того людьми, хотя и безъ составленія настоящей шайки (2237), или въ церкви, или же ночью и т. д. (2245).

При означеніи всѣхъ сихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, въ уложеніи означается съ точностію, во всякомъ изъ сихъ случаевъ, въ какомъ видѣ по симъ обстоятельствамъ должно быть возвышаемо наказаніе. Сіе возвышеніе опредѣляется троякимъ образомъ: 1., или постановляется, что наказаніе, предназначенное такою-то статьею, должно быть, по причинѣ увеличивающаго вину обстоятельства, положено виновному въ высшей онаго мѣрѣ; 2., или указываются именно родъ, степень и мѣра наказанія, въ сихъ случаяхъ слѣдующаго; или наконецъ 3., предписывается, чтобъ наказаніе, положенное въ такой-то статьѣ, было возвышено одною, двумя, или тремя степенями.

Примѣненіе всѣхъ сихъ правилъ не можетъ представить никакого затрудненія, ибо въ первомъ случаѣ законъ указываетъ на извѣстные родъ, степень и самую, иногда высшую, мѣру наказанія; во второмъ также опредѣляется закономъ слѣдующее по симъ сопровождавшимъ преступленіе обстоятельствамъ наказаніе въ родѣ, степени, большею частію и въ мѣрѣ онаго, наконецъ въ послѣднемъ весьма легко означитъ наказаніе примѣненіемъ постановленій раздѣла 1-го ст. 21, 35, 38,

39, 40, 41, и 42, опредѣляющихъ съ точностію высшія и низшія степени каждаго наказанія:

Въ двухъ токмо случаяхъ могло бы возникнуть нѣкоторое сомнѣніе; но и оно вполне разрѣшается, или особымъ заранѣе постановленнымъ яснымъ и положительнымъ правиломъ, или же естественнымъ распространеніемъ столь же ясныхъ и положительныхъ правилъ.

Первый такого рода представляющійся случай есть, когда въ законѣ, по причинѣ обстоятельства, увеличивающаго вину, постановлено возвышать одною, двумя, или тремя степенями наказаніе, опредѣленное въ другой статьѣ, а сіе возвышеніе не можетъ быть допущено, потому что въ общей лѣстницѣ наказаній нѣтъ уже степени высшей, или же такого числа высшихъ степеней. Но сей вопросъ предусмотрѣнъ и разрѣшенъ статьею 163-ю, на основаніи коей надлежитъ или перейти къ слѣдующему высшему роду наказаній, или буде сіе не можетъ быть допущено, потому что нельзя отъ исправительныхъ наказаній переходить къ уголовнымъ, и отъ такихъ, съ коими не соединены потеря, или ограниченіе правъ, или преимуществъ, къ такимъ, въ коихъ постановляются потеря, или ограниченіе оныхъ, то не переходя къ другому роду наказаній, увеличивать высшую степень положеннаго за ту вину законами соотвѣствующимъ числу степеней прибавленіемъ продолжительности срока работъ, или заключенія. Такъ, на примѣръ, по ст. 2102, за клевету на опекуна, наказанія, опредѣленные за клевету на постороннія лица, возвышаются одною степенью; но въ ст. 2099, за клевету посредствомъ поддѣльнаго письма отъ имени оклеветаннаго лица постановлена уже самая высшая степень заключенія въ смпрительномъ домѣ (отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ); посему на основаніи ст. 163-й, вмѣсто перехода къ высшему роду наказанія, надлежитъ только продолжительнѣйшій трехлѣтній срокъ заключенія въ смпрительномъ домѣ увеличить еще однимъ годомъ.

Другой, могущій дать поводъ къ сомнѣнію случай, есть тотъ, когда совершеніе преступленія было сопровождаемо не однимъ, а нѣсколькими увеличивающими вину обстоятельствами, изъ коихъ каждое по уложенію влечетъ за собою, или особо опредѣленное наказаніе, или же возвышеніе въ степеняхъ онаго. Въ семъ случаѣ, въ сей такъ сказать совокупности обстоятельствъ, увеличивающихъ вину преступника, надлежитъ по самой простой рациональной аналогіи слѣдовать принятому у насъ и во всѣхъ лучшихъ законодательствахъ (*) правилу, постановленному въ ст. 165 уложенія на случай совокупности самыхъ преступленій, т. е. подвергать преступника высшему изъ наказаній, или высшей степени наказанія, которыя опредѣляются по важнѣйшему изъ увеличивающихъ вину его обстоятельствъ, ибо въ семъ наказаніи, или въ сей степени наказанія уже заключаются всѣ прочія, къ коимъ слѣдовало бы приговорить его по другимъ менѣ важнымъ обстоятельствамъ, также сопровождавшимъ совершеніе имъ преступленія или проступка. Стоитъ взять въ примѣръ подсудимаго, который будучи въ услуженіи того, чье имущество имъ украдено (ст. 2230 п. 2), учинилъ сіе со взломомъ (ст. 2228) и въ ночное время. По ст. 2230 п. 2-й изобличенный въ кражѣ со взломомъ слуга подвергается наказанію одною степенью выше того, которое по ст. 2228 опредѣляется другимъ за кражу сего рода; а по ст. 2245-й за кражу, учиненную ночью, наказаніе, опредѣленное въ ст. 2228, должно быть увеличено двумя степенями. По мнѣнію главноуправляющаго, не можетъ быть сомнѣнія, что на основаніи означеннаго выше правила слѣдуетъ виновнаго подвергнуть наказанію, въ 2149 статьѣ опредѣленному, съ возвышеніемъ его только двумя степенями, но сообразно съ ст. 165-ю, въ самой высшей онаго мѣрѣ.

(*) Во французскомъ, австрійскомъ, баварскомъ, вюртембергскомъ, саксонскомъ и сардинскомъ.

Сей порядокъ есть ничто иное, какъ примѣненіе естественное и вѣрное общаго юридическаго правила: роена major absorbet minorem (наказаніе, болѣе строгое, вмѣщаетъ въ себя другія, менѣе строгія), правила, принятаго равно и всеми лучшими законовѣдцами, и во всѣхъ лучшихъ, во всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ кодексахъ, и, что еще важнѣе, ясно, положительно постановленнаго въ нашихъ законахъ (ст. 165-я улож. о нак.)

Можетъ еще случиться, что при совершеніи преступленія или проступка, будетъ совокупность или стеченіе такихъ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину, изъ коихъ за каждое положено или то же самое наказаніе, или то же въ равной степени возвышеніе оного. Тогда, соображаясь съ другими, общими правилами объ опредѣленіи наказанія и о предоставленной при семъ власти и обязанностяхъ суда, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ выходить изъ предѣловъ наказанія, означенныхъ въ законахъ, надлежитъ приговорить виновнаго къ тому наказанію и къ той степени наказанія, которыя слѣдуютъ за его преступленіе, съ увеличивающимъ оное обстоятельствомъ, но возвышая мѣру сего наказанія, когда сіе признано будетъ справедливымъ, полагая даже и самую высшую въ той степени (maximum). Надлежитъ объяснить и сіе примѣромъ. Положимъ, что кража предмета, коего цѣна выше 30 р., учинена ночью и виновный для совершенія оной влезъ въ окно, или перелѣзъ черезъ стѣну, заборъ, или иную ограду, что сверхъ того сей предметъ похищенъ изъ присутственнаго мѣста. За каждое изъ сихъ обстоятельствъ виновный долженъ, на основаніи ст. 2245, быть подвергнутъ наказанію двумя степенями выше того, которое опредѣлено въ ст. 2238. При стеченіи или совокупности всѣхъ сихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, онъ долженъ быть приговоренъ не къ пятой, какъ бы слѣдовало за простую кражу предмета цѣною выше 30 р., а къ третьей степени исправительнаго въ ст. 35 уложенія означеннаго наказанія, и въ самой высшей, опредѣлен-

ной въ сей степени мѣръ наказанія, т. е., вмѣсто ссылки на житье въ губернію Тобольскую, или Томскую, или работъ въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства срокомъ отъ 1 года до 2 лѣтъ и наказанія розгами отъ 50 до 60 ударовъ, къ ссылкѣ въ тѣже губерніи, но съ заключеніемъ непремѣнно на три полные года, или къ работамъ въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства на полныя также шесть лѣтъ и къ наказанію розгами въ числѣ восьмидесяти ударовъ.

Государственный совѣтъ встрѣтилъ еще одно въ примѣненіи ст. 2245-й затрудненіе, которое впрочемъ было уже достаточно разрѣшено при разсмотрѣніи въ 1847 году дѣла о Маковецкомъ.

При опредѣленіи наказанія за кражу лошадей въ ночное время, возникаль вопросъ: должно ли наказаніе, установленное за кражу по цѣнѣ предмета (ст. 2238), возвышать двумя или же тремя степенями, потому что въ ст. 2245 постановлено за кражу, учиненную ночью, возвышать наказаніе двумя степенями, когдажъ предметомъ кражи суть лошади, то наказаніе возвышается одною степенью.

Хотя редакція ст. 2245 сама по себѣ довольно ясна и сія статья не должна бы возбуждать никакого сомнѣнія, а сверхъ того и общее собраніе Государственнаго Совѣта уже постановило при разсмотрѣніи дѣла о Маковецкомъ, что въ такихъ случаяхъ наказаніе должно быть возвышаемо только двумя степенями; но главноуправляющій счелъ тѣмъ не менѣе не излишнимъ присокупить здѣсь еще одно объясненіе, которое, кажется, можетъ устранишь всякое на сей счетъ недоразумѣніе. По представленному въ Государственный Совѣтъ проекту уложенія, въ сей вышеозначенной, 2245-й ст. предполагалось возвыщеніе наказаній, опредѣленныхъ въ отдѣленіи о кражѣ, одною только степенью, въ томъ случаѣ, когда кража учинена ночью, или при другихъ, увеличивающихъ вину, озна-

ченныхъ въ той статьѣ обстоятельствахъ. Государственный Совѣтъ призналъ нужнымъ установить въ сихъ случаяхъ возвышеніе наказанія двумя степенями, и принимая въ уваженіе, что кража лошадей и рабочаго скота, по самому свойству своему должна быть строже наказываема, нежели кража другихъ предметовъ, опредѣлилъ, чтобъ за кражу лошадей наказанія также были возвышаемы, но лишь одною степенью. Изъ сего видно, что увеличеніе одною степенью, и по точному заключенію Государственнаго Совѣта, относится не къ наказаніямъ, возвышаемымъ уже по силѣ ст. 2166-й, а къ тѣмъ, которыя постановлены въ предшедшихъ статьяхъ отдѣленія о воровствѣ кражѣ.

Государственный Совѣтъ, по выслушаніи изложенныхъ здѣсь соображеній главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, призналъ нужнымъ соображенія сіи, какъ основанныя на точной силѣ постановленій уложенія о наказаніяхъ и вполне соответствующія цѣли и разуму оныхъ, поставить въ виду всѣхъ мѣстъ и лицъ, разсматривающихъ уголовныя дѣла, для руководства на будущее время, не издавая, впрочемъ, никакого дополненія къ существующимъ постановленіямъ въ порядкѣ законодательномъ, такъ какъ соображенія тѣ не содержатъ въ себѣ ничего новаго, но только указываютъ и объясняютъ примѣрами образъ примѣненія дѣйствующаго закона къ могущимъ встрѣтиться въ юридической практикѣ случаямъ.

Въ слѣдствіе сего Государственный Совѣтъ, постановивъ о Сивцовыхъ мѣшѣ, согласно съ приговоромъ Правительствующаго Сената, и удостоенное 7 декабря 1849 г. Высочайшей конфирмаціи, *положилъ*: соображенія главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, относительно возвышенія наказаній по обстоятельствамъ болѣе или менѣе увеличивающимъ вину подсудимыхъ, сообщить министру юстиціи въ выпискѣ изъ

журналовъ Государственнаго Совѣта, предоставляя ему, министру, сдѣлать зависящія отъ него распоряженія, чтобы соображенія тѣ были въ виду всѣхъ мѣстъ и лицъ, разсматривающихъ уголовныя дѣла, для руководства ихъ на будущее время.

Заключеніе сіе, по меморіи Государственнаго Совѣта, также удостоено Высочайшаго утвержденія.

Въ исполненіе означеннаго заключенія Государственнаго Совѣта, отъ министерства юстиціи въ мартѣ 1850 г. даны циркулярныя предписанія губернскимъ прокурорамъ о наблюденіи за точнымъ исполненіемъ правилъ, изложенныхъ въ заключеніи Совѣта, о чемъ тогда же предложено Правительствующему Сенату.—

II.

Дѣло о крестьянкѣ Каменской, сужденной за отравленіе своего мужа. Оставленіе въ подозрѣніи по главному предмету обвиненія и назначеніе наказанія за невѣжественное употребленіе вреднаго средства.

Золотницкое волостное правленіе, (Онежскаго уѣзда Архангельской губерніи) 18 Августа 1849 г. донесло становому приставу Онежскаго уѣзда, что 10 числа того мѣсяца крестьянинъ Ковонъ Каменскій, возвращаясь съ крестьянкою Марьею Агафоновою съ рыбной ловли къ себѣ домой, вынулъ изъ кармана посланный ему женою его Татьяною Каменскою жпт-

ный колобокъ и немного поѣлъ, затѣмъ часть колоба передалъ Агафоновой, которая также его поѣла. Въ слѣдъ затѣмъ какъ у Каменскаго, такъ и у Агафоновой открылась сильная рвота, которая продолжалась во время всего пути ихъ, такъ что они едва могли дойти до дому. Съ того времени Каменскій по 17 Августа былъ болѣнъ, а вечеромъ того числа умеръ; крестьянка же Агафопова выздоровѣла.

На основаніи сего донесенія, приставъ вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачомъ отправился къ мѣсту происшествія и тамъ, въ присутствіи депутатовъ со стороны государственныхъ крестьянъ, 9 сентября приступили къ освидѣтельствуванію мертватоу тѣла.

Въ актѣ освидѣтельствуванія сказано, что Каменскій былъ тѣлосложенія крѣпкаго, отъ роду ему было около 22 лѣтъ; лицо у него распухшее и вовсе почернѣвшее; изъ рта истекаетъ воничая сукровица; грудь возвышенная, животь нѣсколько вздутый покрытъ зелеными пятнами; верхняя кожа на нихъ отдѣляется; на головѣ, лицѣ и прочихъ частяхъ тѣла ползають черви; трупъ издаетъ тяжелый и смердящій запахъ и предался совершенной гнилости и поэтому не возможно было приступитъ къ внутреннему осмотру тѣла.

При обыскѣ въ домахъ жены умершаго Татьяны Каменской, крестьянки Агафоновой и крестьянки же Соломониды Каменской, пекшей колобъ, не оказалось никакихъ веществъ, которыя производять отравленіе.

Срошенные при производствѣ слѣдствія показали:

Крестьянка Татьяна Каменская, что по выходѣ за Каменскаго въ замужество, около октября 1848 г., жила съ нимъ и свекровью до Рождества того года согласно и мужъ ее любилъ, а потомъ онъ иногда ее бивалъ, а свекровь часто бранила, оба за то, что непривычна была къ крестьянскимъ ра-

ботамъ; видя холодность къ ней мужа, зимою того же 1848 г. она сказала объ этомъ рождественницѣ мужа ея, крестьянкѣ Соломонидѣ Каменской, которая учила ее, чтобъ искала такихъ людей, которые бы помогли, дабы мужъ любилъ и свекровь не бранила.—Послѣ того, когда въ Петровъ постъ 1849 г., была въ г. Кемп, для свиданія съ матерью, то у встрѣтившейся съ нею на пристани незнакомой женщины, спросила: «не знаетъ ли чѣмъ пособить, такъ какъ она живетъ съ мужемъ несогласно».—На это она сказала, что когда будетъ отъѣзжать, то пришла бы на берегъ и что она дастъ ей снадобье, которое въ чемъ нибудь испекла бы и дала мужу съѣсть; потомъ дѣйствительно дала ей, Каменской, что-то завернутое въ ситцевую тряпку, за что помянутой неизвѣстной женщинѣ денегъ и ничего она не давала; а, получивши тряпку, положила въ ящичекъ и не смотрѣла до того времени, пока не пріѣхала домой; по пріѣздѣ въ Пушляходскую деревню, мужа дома не застала, а находился онъ на рыбномъ промыслѣ; привезенное же ею снадобье она принесла къ крестьянкѣ Соломонидѣ Каменской по вечеру, (такъ показала въ присутствіи уголовной палаты; при производствѣ же слѣдствія говорила, что принесла въ то утро, когда крестьянка Василиса Агафонова ходила на тони смѣнять ея мужа) и, развернувши тряпку, увидѣла, что въ ней завернуть бѣлый порошокъ, похожій на толченый мелкій сахаръ, и, не зная какого онъ свойства, просила только, чтобы она положила въ тѣсто и испекла бы для мужа, что бы онъ жилъ съ нею согласно; послѣ того поутру на другой день, она пришла къ ней, Соломонидѣ, и она отдала ей испеченный ею колобъ, который, въ родѣ гостинца, послала къ мужу съ Василисою Агафоновою, шедшею для смѣны его съ тони. Помянутой Агафоновой она не велѣла сказывать, кто послалъ ко лобъ для того, чтобы она отдала отъ себя. Въ тотъ день, когда она послала съ Агафоновою колобъ къ мужу, онъ возвратился домой уже къ вечеру, но ее въ это время дома не было, а когда

возвратилась домой, то увидѣла, что мужъ ея, Кононъ, лежалъ на лавкѣ и при ней его ни въ то время, ни никогда не рвало, а говорилъ онъ, что какъ только съѣлъ колобъ, то почувствовалъ дурноту и боль въ животѣ. Къ излеченію отъ болѣзни мужа, она съ свекровью водила его въ баню и пила парнымъ молокомъ и онъ до смерти во время болѣзни употреблялъ въ пищу рыбу и молоко. Взяла она отъ неизвѣстной женщины порошокъ для добраго дѣла, ибо надѣялась, что когда мужъ съѣстъ колобъ, испеченный съ этимъ порошокомъ, то будетъ ее любить; но отравить мужа не имѣла ни малѣйшаго намѣренія и вовсе не желала оставаться вдовою въ молодыхъ лѣтахъ; вредныхъ дѣйствій этого порошка не знала, никому про него не сказывала и хранила въ замкнутомъ ящикѣ. Сама же противъ свекрови и мужа ослушанія не оказывала и отъ первой изъ нихъ притѣсненія, кромѣ брани за неумѣніе работать, не терпѣла.

Крестьянка Соломонида Каменская, что въ одно утро, придя къ ней Татьяна Каменская, просила испечь для нея изъ хлѣба колобокъ, не сказывая для кого; почему она, взявъ немного своей житной муки, растворила на водѣ тѣсто, Татьяна же вынула изъ тряпки какой-то порошокъ, на подобіе мелкаго сахара; почему она, Соломонида, подумала, что это дѣлала она для согласія съ мужемъ, съ которымъ жила не такъ согласно; но, не распросивъ у нея болѣе, замѣсила въ тѣсто и, испекши колобъ, положила на полку, откуда взять былъ Татьяною по приходѣ въ другой разъ; мужу своему и никому о томъ не сказывала, потому что не подозрѣвала въ худыхъ поступкахъ, и ранѣ сего по родству съ нею (мужья ихъ двоюродные братья), часто прихаживала къ ней Татьяна что либо испечь для себя, а болѣе для посылокъ гостинцами къ матери своей въ городъ Кемь, ибо дома ей, Татьянѣ, печь не позволяли свекровь и деверь.

На очныхъ ставкахъ Татьяны Каменской съ Соломони-
дою говорили: *первая*, что она принесла порошокъ вечеромъ
не рано, для положенія въ тѣсто и испеченія онаго въ колобѣ,
причемъ она, Татьяна, сказывала, что этотъ колобокъ для мужа;
а *последняя*, что Татьяна принесла порошокъ не вечеромъ, а
утромъ рано и сказала ей, что колобокъ печеть для себя, а
не для мужа.

Крестьянка Василиса Агафонова, что она переда-
пый крестьянину Конону Каменскому колобѣ отъ жены его
Татьяны получила съ уговоромъ, чтобъ ему не сказывать, отъ
кого пменно; но она, Агафонова, не уразумѣвъ ея умысла, от-
дала его лично ему и сказала: «на тебѣ гостинецъ мой», по
куда онъ положилъ колобѣ, и отъ колоба ли послѣдовала ему
смерть, не знаетъ.

Крестьянка Марья Агафонова, что она была на своей топѣ
рыбнаго промысла два дня, но Конона Каменскаго не видела, и
когда мать ее смѣнила, то пошла было домой одна; пройдя съ пол-
торы версты, она настигнута была Конономъ Каменскимъ, съ
конемъ вмѣстѣ пошла къ дому, немного пройдя, вынулъ
онъ изъ кармана колобокъ, величиною менѣ чайнаго блюда,
разломивъ, четверть далъ ей, и стали ѣсть; когда она дан-
ную ей часть съѣла, то почувствовала сначала тошноту на
сердцѣ, потомъ слюну погнало и наконецъ начало рвать, что
продолжалось во всю дорогу и когда домой пришла, также
рвало зеленью и была больна послѣ того двѣ недѣли, отпива-
лась парнымъ молокомъ; кто же Каменскому далъ колобѣ, она
не знаетъ.

Свекровь подсудимой, *крестьянка Елена Каменская*, что
у пришедшаго домой съ рыбной тони сына ея, Конона, про-
должалась каждодневно рвота, зеленью съ кровью; на отра-
вленіе его ядомъ, или чѣмъ другимъ, онъ не жаловался, толь-
ко говорилъ, что, шедши по дорогѣ, съѣлъ колобѣ, данный

Агафоною и послѣ того почувствовалъ боль на сердцѣ. По женидбѣ сына ея въ октябрѣ 1848 г., онъ жилъ въ работѣ въ г. Онегѣ, откуда возвратился до смерти недѣли за три; въ теченіи сего времени былъ на топи 10 дней; поэтому нѣкогда ему быть съ женою въ несогласіи; она же была къ Татьянѣ ласкова, но иногда говорила ей о справедливости, учила на доброе, а она не слушала. Ни о какомъ печеномъ колобѣ она не знала и по возвращеніи невѣстки ея Татьяны изъ Кемпи, куда она отлучалась съ ея позволенія, ядовитыхъ веществъ у ней не замѣчала.

Сосѣди подсудимой Каменской, объ образѣ жизни ея съ мужемъ отозвались: какую они, Каменскіе, вели жизнь, не знаютъ, а по слухамъ будто бы несогласную.

По поступленіи дѣла въ Архангельскую палату уголовного и гражданскаго суда, подсудимая Каменская, въ присутствіи палаты, по священническомъ увѣщаніи, на всѣ дѣлаемыя увѣщанія къ показанію истины, осталась при прежнемъ показаніи, и въ данной подпискѣ изъяснила, что при производствѣ слѣдствія пристрастныхъ допросовъ ей чинимо не было.

На требованіе палатою отъ врачебной управы мнѣнія: можно ли, судя по явленіямъ, сопровождавшимъ послѣдніе дни жизни крестьянина Каменскаго, считать достовѣрнымъ, что смерть ему послѣдовала отъ отравленія запеченнымъ въ хлѣбѣ порошокомъ, управа увѣдомила, что для положительнаго заключенія и опредѣленія качества порошка, примѣшеннаго въ колобъ, съѣденный Каменскимъ, пужно имѣть нѣсколько крохъ этого колоба, или часть песку и земли, на которую извергавшееся рвотою выплывалось; если этого нѣтъ, то неизбѣжно выкопать трупъ Каменскаго и, вынувъ изъ него желудокъ и тонкія кишки, прислать въ врачебную управу; что и исполнено, по предписанію губернскаго правленія, земскою полиціею чрезъ посредство уѣзнаго врача.

Затѣмъ управа увѣдомила палату, что Медицинскій департаментъ, разсмотрѣвъ протоколъ химическаго изслѣдованія внутренностей крестьянина Каменскаго, нашелъ, что какъ при повѣркѣ представленныхъ осадковъ, въ оныхъ никакихъ слѣдовъ мышьяка не оказалось, то слѣдуетъ заключить, что описанныя въ протоколѣ явленія произошли не отъ содержанія въ изслѣдованныхъ внутренностяхъ мышьяка, а отъ другихъ причинъ; что же касается до найденныхъ извѣсти и желѣза, то при повѣркѣ осадковъ, правильность сего результата подтвердилась.

Къ этому врачебная управа на повторенное къ ней требованіе палаты присовокупила, что хотя химическимъ испытаніемъ содержащихся у Каменскаго въ желудкѣ и кишкахъ жидкостей и самыхъ этихъ внутренностей, не открыто присутствія мышьяка, или другаго металлическаго яда; но тѣмъ не менѣе, съ великою вѣроятностію должно полагать, что все произшедшее у Каменскаго и Агафоновой, бывшихъ колобокъ съ примѣстью бѣлаго порошка, болѣзненные припадки, обнаружившіеся вскорѣ послѣ ѣды и совершенно одинаковые, равно какъ и самая смерть Каменскому, произошли въ слѣдствіе этой пищи, смѣшанной съ какимъ-то ядовитымъ веществомъ, хотя извергнутымъ безпрестанною рвотою и поносомъ, продолжавшимся въ послѣдніе семь дней жизни Каменскаго, а потому и не открытымъ, но оставившимъ по себѣ смертельное разстройство въ частяхъ тѣла, необходимыхъ для поддержанія жизни.

Архательская палата уголовного и гражданскаго суда, по соображеніи обстоятельствъ дѣла сего съ узаконеніями, приговоромъ 25 мая 1850 года заключила: *первое*, крестьянку Татьяну Каменскую, въ умышенномъ отравленіи своего мужа, чрезъ посылку къ нему отъ чужаго имени хлѣбнаго колобка, съ запеченнымъ въ ономъ порошкомъ, оказавшимся по своимъ послѣдствіямъ ядовитымъ, по 313 ст. св. зак. угол. суд. оставить

въ сильномъ подозрѣніи. *Второе*, за сообщничество въ поступкѣ незвѣстной женщины, давшей ей вредный порошокъ, согласно 131 и 1201 ст. улож. о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, подсудимая подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ на два года; по какъ изъ имѣющагося въ палатѣ свѣдѣнія видно, что въ тамошнемъ смирительномъ домѣ нѣтъ достаточнаго для заключенныхъ помѣщенія; то по 151 ст. (отд. 2) улож., опредѣленное совершеннѣйшимъ наказаніе, уменьшивъ для подсудимой одною степенью, на основаніи 3 п. 88 ст. улож., Татьяну Каменскую наказать въ г. Архангельскѣ чрезъ полицейскихъ служителей розгами шестьдесятью ударами, и предать церковному покаянію, по усмотрѣнію духовнаго начальства. *Третье*, употребленныя по сему дѣлу прогонныя съ поверстными и за два дорожныхъ бланка деньги, всего 30 руб. 20 коп. сер., по 63 ст. уложенія взыскать обратно въ казну съ подсудимой Татьяны Каменской, а въ случаѣ несостоянія ея къ платежу, поступить съ нею по 92 ст. уложенія. *Четвертое*, какъ поступки совершеннѣйшихъ крестьянокъ Соломонида Каменской и Василы Агафоновой, изъ коихъ первая съ ядовитымъ порошкомъ испекла Татьянѣ Каменской колобъ, а послѣдняя, по ея убѣжденію, отдала оный для употребленія въ пищу Конону Каменскому отъ своего имени, не были обсуждены судомъ первой степени, то предоставить Онежскому уѣздному суду сдѣлать объ нихъ опредѣленіе; для чего подлинное дѣло въ свое время препроводить въ тотъ судъ; и *пятое*, изъ дѣла между прочимъ видно, что о послѣдовавшей крестьянину Каменскому 17 августа 1849 года смерти, сотскій донесъ приставу отъ 18 августа, но рапортъ этотъ приставомъ полученъ 26 августа; къ осмотру же тѣла и къ самому изслѣдованію причины смерти Каменскаго приступлено уже 9 сентября, т. е. чрезъ 14 дней послѣ полученія отъ сотскаго рапорта, и какъ за оказанную въ семъ дѣлѣ медленность губернское правленіе сдѣлало

приставу Резанову строгое замѣчаніе, то за сямъ распоряженіемъ правленія, настоящее обстоятельство оставить безъ послѣдствій.

Рѣшеніе это губернскимъ прокуроромъ пропущено безъ протеста.

Архангельскій гражданскій губернаторъ представилъ дѣло сіе въ Правительствующій Сенатъ съ слѣдующимъ мнѣніемъ: хотя преступленіе крестьянской жены Татьяны Каменской, въ намѣренномъ отравленіи ею мужа своего, вполне юридически не доказано, и по этому ее на основаніи 310 и 311 ст. уст. уг. суд. нельзя подвергать опредѣленному за убійство наказанію; но какъ по обстоятельствамъ дѣла, весьма убѣдительно представляется, что Каменская преступленіе совершила съ злымъ умысломъ, ибо жила съ мужемъ несогласно, не открыла той женщины, отъ которой будто бы получила порошокъ, коимъ отравленъ мужъ ея Каменскій, и если бы точно дѣйствовала въ намѣреніи возратить любовь мужа, не только бы не имѣла повода скрывать женщину, давшую ей ядъ, но даже сама должна бы ее преслѣдовать; и потому означенную Каменскую, навлекающую на себя сильное подозрѣніе въ умышенномъ отравленіи мужа, каковое преступленіе ея сдѣлалось гласнымъ, по мнѣнію его губернатора, въ страхъ и примѣръ другимъ, не слѣдовало бы оставлять на прежнемъ мѣстѣ жительства, хотя бы и согласилось принять ее сельское общество, къ коему она принадлежить; по примѣняясь къ 315 ст. уст. суд. сослать въ Сибирь на поселеніе.

Правительствующій Сенатъ, по 1-му отдѣленію 5 департамента, по выслушаніи дѣла сего опредѣлилъ: подсудимая, несовершеннолѣтняя крестьянка Татьяна Каменская обвиняется въ отравленіи своего мужа. Каменская объяснила, что полученный ею отъ неизвѣстной женщины порошокъ приобрѣтенъ былъ ею и всыпанъ въ испеченный для

мужа колобъ, въ томъ убѣжденіи, что когда мужъ съѣстъ колобъ, то будетъ любить ее и перестанетъ бить; намѣренія же отравить мужа она не имѣла. Показаніе это представляется сомнительнымъ, потому что трудно предположить въ подсудимой столько невѣжества и суевѣрія, чтобы она вмѣсто приобрѣтенія любви мужа, чрезъ покорность ему и устраненіе всякаго повода къ несогласію, рѣшилась прибѣгнуть для достиженія этой цѣли къ указываемому ею неестественному средству; 2, она не указала той женщины, отъ которой приобрѣла порошокъ и 3, пекла колобъ съ примѣсью порошка, не у себя, а въ чужомъ домѣ, и отъ чужаго же имени отослала его къ мужу на рыболовную толю, тогда какъ знала, что онъ въ тотъ же день долженъ былъ возвратиться домой. За всѣмъ тѣмъ изъясненныя обстоятельства и несогласная жизнь подсудимой съ мужемъ, не могутъ еще положительно доказывать, чтобы она приобрѣла порошокъ и примѣшала въ колобъ, именно для отравленія мужа, а не для приобрѣтенія его любви, по своему невѣжеству и суевѣрію. Посему, и руководствуясь 313 ст. уст. уг. суд. Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: подсудимую крестьянку Каменскую, какъ вполне не изблеченную въ примѣси въ колобъ вещества, съ знаніемъ ядовитости его и для отравленія своего мужа, оставить по сему преступленію въ сильномъ подозрѣніи; но какъ во всякомъ случаѣ она была причиною смерти мужа, въ чемъ по дѣлу не представляется никакого сомнѣнія, то предать ее, Каменскую, церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства, и затѣмъ поступить съ нею по правиламъ 315 ст.

Оберъ-прокуроръ, раздѣляя заключеніе Правительствующаго Сената о томъ, что Каменская сокрытіемъ женщины, отъ которой получила порошокъ, и другими изворотливыми дѣйствіями, навлекаетъ на себя сильнѣйшее подозрѣніе въ отравленіи мужа,

находилъ, что независимо отъ умысла, за одно уже невѣжественное употребленіе состава, имѣвшаго послѣдствіемъ смерть мужа, Каменская должна быть присуждена, на основаніи 2015 ст. улож., къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ и предапа церковному покаянію. Наказаніе это, по несовершеннолѣтію подсудимой, можетъ быть понижено одною степенью, замѣнено тѣлеснымъ наказаніемъ во вниманіе къ крестьянскому быту преступницы, обязанной спускивать себя пропитаніе трудами и пазначено въ высшей мѣрѣ по неискренности Каменской и злу, приключившемуся отъ противузаконнаго ея дѣянія, (улож. 141 ст. п. 9). Въ этомъ убѣжденіи оберъ-прокуроръ полагалъ: крестьянку Татьяну Каменскую, оставивъ по отравленію мужа въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, вмѣсто трехмѣсячнаго ареста, наказать розгами при полиціи тридцатью ударами, предать церковному покаянію и возмѣстить съ нея всѣ издержки, по производству слѣдствія употребленныя.

По происшедшему въ Правительствующемъ Сенатѣ разногласію, настоящее дѣло было представлено въ общее собраніе Правительствующаго Сената.

Общее собраніе находило, что сокрытіе Татьяною Каменскою женщины, отъ которой будтобы она получила порошокъ, и другія изворотливыя ея дѣйствія навлекаютъ на нее, Каменскую, сильное подозрѣніе въ умышенномъ отравленіи своего мужа, съ коимъ она жизнь вела не согласную; не зависимо отъ умысла, подсудимая сія во всякомъ случаѣ виновна въ томъ, что употребила въ пищу для мужа своего составъ, имѣвшій послѣдствіемъ смерть.—Сей поступокъ, очевидно противный ограждающимъ личную бозопасность постановленіямъ, предусмотрѣнъ въ уложеніи о наказ. угол. и исправ. и подвергаетъ виновнаго не одному церковному покаянію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ (ст. 2015-я).

Ненаказанность въ настоящемъ случаѣ съ одной стороны не удовлетворяла бы требованію закона, а съ другой можетъ послужить вреднымъ примѣромъ для людей неблагонамѣренныхъ.—Несовершеннолѣтнія женщины, имѣющія болѣе 14-ти лѣтъ, но менѣе 21 года, приговариваются къ опредѣленнымъ въ законѣ наказаніямъ одною, или, по усмотрѣнію суда, и двумя степенями ниже, (ст. 728 уст. уг. суд. При отсутствіи особыхъ уваженій къ смягченію, означенное выше наказаніе несовершеннолѣтней Каменской надлежитъ понизить одною лишь степеню и, во вниманіе къ крестьянскому быту преступницы, обязанной снискивать себѣ пропитаніе трудами,—замѣнить тѣлеснымъ наказаніемъ (улож. ст. 90 пунктъ 1-й), а по неискренности Каменской и злу, причинившемуся отъ противозаконнаго дѣянія, слѣдуетъ назначить оное въ высшей мѣрѣ (улож. ст. 141-я пун. 9 и 10-й).

По симъ соображеніямъ общее собраніе опредѣлило: крестьянку Татьяну Каменскую, на основаніи 313 ст. уст. уг. суд. оставить въ сильномъ подозрѣніи по умышленному отравленію своего мужа, а за вышесказанную подмѣсь состава въ пищу какъ за поступокъ, противный ограждающимъ личную безопасность постановленіямъ,—вмѣсто трех-мѣсячнаго ареста, наказать ее при полиціи розгами тридцатью ударами и предать церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства.

В. ИНОСТРАННАЯ.

*Процессъ объ убійствѣ 2-жи Скейнъ.—Недоумльнїе при-
сжанныхъ о свойствахъ сего преступленія.—Понятія объ убійствѣ
предумышленномъ и непредумышленномъ.—Общность суда
для всѣхъ классовъ гражданъ.*

Сержантъ 16-го пѣхотнаго полка Михаилъ Гайнсъ въ мартѣ 1860 г. былъ уволенъ во временный отпускъ въ Госпортъ къ своему вотчиму—Кларку. Въ пятницу, 9 марта, онъ уходилъ со двора и вернулся домой совершенно пьяный. Мать уговаривала его не выходить больше изъ дому, но онъ не послушался и ушелъ вмѣстѣ съ вотчимомъ. Дорогой они встрѣтились съ нѣкомъ Броупомъ, зашли съ нимъ въ питейное заведеніе, пили тамъ пиво и джинъ, а потомъ Гайнсъ выпилъ еще стаканъ водки унски, отчего сдѣлался уже мертвецки пьянъ и вернулся домой въ чрезвычайно-возбужденномъ состояніи. Мистрисъ Кларкъ всячески старалась успокоить его, и выпроводила своего мужа изъ дома, такъ какъ онъ съ Гайнсомъ все ссорился. Когда Кларкъ ушелъ, то Гайнсъ снялъ висѣвшую на стѣнѣ свою саблю; мистрисъ Кларкъ испугалась и стала звать на помощь; на ея зовъ прибѣжала

жившая съ ними дверь о дверь мистрисъ Скейнъ и старалась успокоить и уговорить Гайпса; но онъ вытолкнулъ мистрисъ Кларкъ изъ дому и заперъ за нею двери; мистрисъ Скейнъ осталась съ нимъ въ домѣ. Вслѣдъ за тѣмъ дочь мистрисъ Кларкъ, бывшая въ верхнемъ этажѣ дома, сойдя внизъ, увидала, что мистрисъ Скейнъ лежитъ на полу, а Гайнсъ стоитъ подлѣ нея и держитъ въ рукахъ обнаженную саблю; Кларкъ бросилась на верхъ по лѣстницѣ, стала громко кричать и выскочила изъ окошка. Нѣсколько человекъ сосѣдей прибѣжали, стали смотрѣть въ замочную скважину и видѣли что Гайнсъ «тыкалъ» саблею во что-то лежавшее на полу. Когда они выломали дверь, то Гайнсъ изъ комнаты бросился имъ на встрѣчу, держа въ рукахъ окровавленную саблю;— войдя въ комнату, они нашли мистрисъ Скейнъ лежащею на полу; голова у нея была ужасно изуродована сабельными порѣзами. Послѣ того Скейнъ мучилась еще два мѣсяца, но наконецъ умерла отъ нанесенныхъ ей ранъ.

Защитникъ обвиняемаго, г. Кукъ, обращаясь къ присяжнымъ, говорилъ, что въ душѣ Гайпса не было никакого злаго намѣренія (*malice*) въ отношеніи умершей, но что онъ былъ въ томъ возбужденномъ состояніи, при которомъ его нельзя обвинять въ предумышленномъ убійствѣ (*murder*), а только въ непредумышленномъ (*manslaughter*). Для обсуждения намѣренія подсудимаго, должно принимать въ соображеніе то душевное состояніе, въ которомъ онъ находился при совершеніи преступленія. То, что подсудимый—сержантъ, доказываетъ уже, что онъ человекъ хорошаго нрава и поведенія, иначе его не произвели бы въ это званіе изъ простыхъ солдатъ; сверхъ того о немъ доставленъ очень хорошій отзывъ офицеровъ его полка.

Судья Китингъ, предсѣдатель уголовного отдѣленія лѣтнихъ ассизъ въ Винчестерѣ, изложивъ все дѣло на основаніи доказательствъ и доводовъ обѣихъ сторонъ, обратился затѣмъ къ джюри съ слѣдующими словами: «господа, вы не можете

сомнѣваться въ томъ, что докторскія показанія справедливы, и что смерть послѣдовала вслѣдствіе ранъ, нанесенныхъ подсудимымъ. Если же смерть послѣдовала отъ ранъ, нанесенныхъ тѣмъ оружіемъ, которое лежитъ передъ вами и при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя вамъ теперь извѣстны, то я считаю священною обязанностію сказать вамъ, что это признается по англійскимъ законамъ—предумышленнымъ убійствомъ (murder), и что въ продолженіи процесса не было представлено ни одного обстоятельства, которое дало бы поводъ причислить совершенное преступленіе къ непредумышленному убійству. Нѣтъ никакой надобности доказывать, было ли или не было въ настоящемъ случаѣ особое злое намѣреніе; законъ предполагаетъ, что если было употреблено оружіе, отъ котораго можетъ послѣдовать смерть, то существовало злое намѣреніе, и преступленіе этого рода считаетъ предумышленнымъ убійствомъ. Если кто выстрѣлитъ въ толпу, въ которой у него нѣтъ никого знакомыхъ, и убьетъ человѣка, котораго онъ никогда не видалъ, то по закону выстрѣлившій виновенъ въ предумышленномъ убійствѣ, наравнѣ съ тѣмъ, кто убьетъ изъ мести. Какъ бы мы ни сожалѣли о случившемся, но при отправленіи нашихъ обязанностей, мы не должны поддаваться исключительному чувству состраданія, или руководствоваться соображеніями милосердія, какъ хотѣлъ того защитникъ подсудимаго. Можетъ быть вы сомнѣваетесь скольконибудь въ представленныхъ вамъ свидѣтельскихъ показаніяхъ,—отзывъ данный о подсудимомъ можетъ дать поводъ къ сожалѣнію. Но если вы не найдете поводовъ сомнѣваться въ истинѣ представленныхъ доказательствъ, и убѣждены, что смерть послѣдовала отъ сабельныхъ ранъ, нанесенныхъ подсудимымъ, то я долженъ вамъ сказать, что состояніе опьяненія, въ которомъ онъ находился по собственной своей волѣ, не считается закономъ причиною для причисленія совершеннаго имъ преступленія къ менѣе важнымъ. Ученый адвокатъ ссылагается

на случаи, въ которыхъ при сужденіи о совершенномъ преступленіи принималось въ соображеніе намѣреніе преступника. Но мы неизвѣстны случаи, гдѣ-бы принималось въ соображеніе намѣреніе, коль скоро при совершеніи преступления было употреблено смертоносное оружіе, и я говорю вамъ подъ собственною моею отвѣтственности, что если представленныя доказательства убѣдили васъ, что раны нанесены подсудимымъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, какъ было объяснено во время процесса, и причинили смерть, то не зачѣмъ говорить о возбужденномъ состояніи, которое произошло или усилилось отъ того, что подсудимый напился пьянымъ; это обстоятельство не уменьшаетъ степени преступления. Вы обсудите вашъ приговоръ, я же совѣтовалъ бы вамъ при разсмотрѣніи фактовъ имѣть всегда въ виду, что присяжные исполняютъ свои обязанности всего лучше тогда, когда они слѣдуютъ закону и въ точности ему подчиняются (by adhering the law); когда же присяжные, отправляя правосудіе, даютъ волю чувству, или увлекаются какими-нибудь посторонними соображеніями, и основываютъ свой приговоръ не на одномъ только основательномъ, спокойномъ и безстрастномъ разсмотрѣніи доказательствъ, то при этомъ сильно страдаетъ общественное правосудіе. Если же вы не убѣждены доказательствами и дѣйствительно имѣете какое-либо основательное сомнѣніе въ томъ, что смерть послѣдовала не отъ дѣйствія подсудимаго, то разумѣется подсудимый долженъ будетъ воспользоваться благопріятнымъ для него послѣдствіемъ такого сомнѣнія, потому что на обязанности обвинителя лежитъ представить присяжнымъ вполне убѣдительныя доказательства, на коихъ онъ основываетъ свое обвиненіе; если же сомнѣнія для васъ нѣтъ, то вы обязаны признать подсудимаго виновнымъ».

Послѣ нѣкотораго совѣщанія между присяжными, одинъ изъ нихъ сказалъ: «милордъ, мало надежды на то, чтобы мы согласились между собою; нѣкоторые изъ насъ сомнѣваются въ томъ, было ли злое намѣреніе».

Судья. Господа, я полагалъ, что достаточно разъяснилъ вамъ законъ, но если вы въ чемъ сомнѣваетесь, то имѣете полное право требовать разъясненія вашего сомнѣнія. Предумышленнымъ злымъ намѣреніемъ (*malice afore thought*) при обвиненіи въ предумышленномъ убійствѣ называется явное злое намѣреніе въ отношеніи извѣстнаго лица, или же законъ *предполагаетъ* злое намѣреніе въ самомъ совершеніи дѣйствія въ самомъ актѣ: когда употреблено было смертоносное оружіе, и отъ этого употребленія произошли тѣ послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ такого употребленія этого оружія; законъ *предполагаетъ*, что при этомъ было злое намѣреніе (*malice*). Да какъ же и доказать, что при этомъ было особое злое намѣреніе? Какъ я уже сказалъ: если человекъ, вооруженный смертоноснымъ орудіемъ, напримѣръ ружьемъ, выстрѣлитъ въ толпу, въ которой нѣтъ ни одного человека ему знакомаго, и причинить этимъ чью-либо смерть—то это по законамъ Англіи называется предумышленнымъ убійствомъ (*murder*). Если вы думаете, что въ настоящемъ случаѣ смерть женщины послѣдовала вслѣдствіе ранъ, нанесенныхъ ей смертоноснымъ оружіемъ, то я говорю вамъ, что по закону раздраженное состояніе, происходящее отъ опьяненія или отъ чего бы то ни было, не есть обстоятельство, уменьшающее вину. Я не могу указать вамъ ни на одно обстоятельство въ дѣлѣ, вслѣдствіе котораго преступленіе это можно было бы причислить къ непредумышленному убійству (*manslaughter*) Вызова никакого съ противной стороны не было, но если бы и былъ вызовъ, то употребленіе смертоснаго оружія не дозволило бы почитать это преступленіе непредумышленнымъ убійствомъ; точно также и опьяненіе не понижаетъ степени преступленія. Господа, вы и я сидимъ здѣсь не съ тѣмъ, чтобы сочинять законы, но для того, чтобы на основаніи присяги *отправлять правосудіе*, примѣнять законы (*to administer the law*); вашъ приговоръ долженъ согласоваться съ требова-

ниемъ закона. Если вы имѣете какое-либо основательное сомнѣніе въ томъ, что смерть послѣдовала не отъ употребленія смертоноснаго оружія, если вы держитесь этого мнѣнія, то должны добросовѣстно обдумать это. Если же у васъ сомнѣнія нѣтъ, то я не могу указать вамъ на какія-либо обстоятельства, которыя бы могли уменьшить важность преступленія.

Присяжные снова стали совѣщаться и чрезъ нѣсколько времени главный присяжный (foreman) объявилъ, что одинъ изъ нихъ хочетъ знать: увѣренъ ли медикъ, что смерть послѣдовала вслѣдствіе ранъ?

Судья прочелъ отзывъ медиковъ, которые утверждали, что раны были нанесены саблею, что чрезъ нѣсколько недѣль образовался въ мозгу нарывъ, истекавшая изъ него матерія давила мозгъ, вслѣдствіе чего послѣдовалъ параличъ мозга, а затѣмъ и самая смерть, и что все это произошло отъ ранъ.

Одинъ изъ присяжныхъ сказалъ, что онъ желалъ бы переспросить медиковъ, и когда ихъ привели снова на свидѣтельское мѣсто (the box), присяжный спросилъ обоихъ докторовъ: не могла ли смерть послѣдовать отъ какой-нибудь другой причины?

Оба доктора отвѣчали: что у нихъ въ виду не было никакой другой причины, и что въ продолженіи всего времени г-жа Скейнъ была въ опасности.

Одинъ изъ *присяжныхъ* сказалъ: мнѣ кажется слишкомъ много времени протекло между нанесеніемъ ранъ и смертью?

Докторъ отвѣтилъ на это, что о времени нечего говорить, что у него одинъ пациентъ получилъ ударъ въ голову кокосовымъ орѣхомъ, и жилъ послѣ того полгода, но умеръ все таки отъ послѣдствій этого удара.

Присяжный. А если бы мистрисъ Скейнъ была молода, то могла ли бы она выздоровѣть?

Судья. Господа, развѣ кто нибудь имѣетъ право отнять жизнь у женщины, на томъ основаніи, что она стара?

Присяжный. Милордъ, развѣ мы не можемъ признать, что было совершенно непредумышленное убійство?

Судья. Вы должны произнести приговоръ на основаніи данной вами присяги. Вы можете постановить какой вамъ угодно приговоръ. Но вы клялись, что будете постановлять приговоръ на основаніи представленныхъ вамъ доказательствъ. Значить, разрѣшеніе вопроса совершенно въ вашей власти. Вы можете не вѣрить ни одному изъ свидѣтелей, которые были приведены предъ васъ. Вы можете найти, что все говоренное есть выдумка, но все это вы дѣлаете подъ своею собственною отвѣтственностію, на основаніи присяги вами данной. Я не могу найти никакихъ фактовъ, на основаніи коихъ могли бы признать, что подсудимый совершилъ непредумышленное убійство.

Присяжный хотѣлъ было еще разсуждать съ судьей, но судья сказалъ, что они должны озаботиться постановленіемъ приговора.

Присяжные удалились. Черезъ четыре часа они прислали судѣ письменный вопросъ, вслѣдствіе котораго судья призвалъ ихъ въ комнату засѣданія и сказалъ имъ: «господа, вы прислали мнѣ письменный вопросъ, на который я не могу отвѣчать. Вы спрашиваете: не предполагается-ли при непредумышленномъ убійствѣ нечаянное убійство? Господа, непредумышленнымъ убійствомъ можетъ быть нечаянное убійство. Когда на примѣръ кто-нибудь совершаетъ незаконное дѣйствіе, не приносящее къ разряду фелоніи, и нечаянно убьетъ другаго человѣка, это будетъ одинъ изъ видовъ непредумышленного убійства; такъ, на примѣръ, если два человѣка поссорятся, подерутся, и одинъ изъ нихъ убьетъ другаго, безъ всякаго намѣренія, это будетъ непредумышленное убійство; но по закону нельзя считать не-

предумышленнымъ убійствомъ, когда человекъ убьетъ другаго безъ всякаго къ тому вызова со стороны послѣдняго, или если и былъ вызовъ, но не заключающій въ себѣ никакого личнаго насилія. Въ настоящемъ дѣлѣ подсудимый безъ всякаго вызова со стороны умершей употребилъ въ дѣло смертоносное оружіе, что имѣло послѣдствіемъ смерть женщины. Я не могу понять, а слѣдовательно и отвѣчать вамъ, въ чемъ заключается затрудненіе, встрѣчаемое нѣкоторыми изъ васъ?

Присяжный. Только однимъ.

Судья. Вы пожалуй станете судить о примѣненіи закона, но если вы это сдѣлаете, то нарушите данную вамъ присягу. Вы обязаны принимать отъ меня толкованіе закона, я же подъ своею отвѣтственности говорю вамъ, что не вижу обстоятельствъ, которыя бы по закону могли обратить предумышленное убійство въ непредумышленное; и если вы согласились между собою въ томъ, что смерть произошла отъ употребленія смертоснаго оружія, то признаете, что совершенное преступленіе есть предумышленное убійство.

Присяжный. Мы все въ этомъ согласны, милордъ, кромѣ одного.

Судья. Постарайтесь убѣдить его основательными доводами. Въ настоящемъ случаѣ не было вызова. Сидѣла на стулѣ старуха и въ той же комнатѣ былъ подсудимый съ саблею въ рукахъ, а потомъ видѣли, что онъ тыкалъ во что-то на полу. Я совершенно не понимаю вашего затрудненія, а потому и не могу его разрѣшить. Вамъ слѣдуетъ удалиться и стараться убѣдить вашего товарища (your brother), чтобы онъ разсматривалъ факты, а не безпокоилъ бы себя разсматриваніемъ вопросовъ права, которые вовсе не принадлежатъ къ области присяжныхъ.

Присяжные удалились, и чрезъ нѣсколько времени вынесли приговоръ о признаніи подсудимаго виновнымъ, но просили оказать ему снисхожденіе.

Судья надѣлъ черную шапку (*) и, обращаясь къ подсудимому, сказалъ: Михаилъ Гайнсъ, вы были обвинены въ предумышленномъ убійствѣ, и на основаніи представленныхъ противъ васъ доказательствъ, присяжные не могли постановить никакого другаго приговора. Дѣйствительно, преступленіе вами совершенное очень тяжко. Вамъ можетъ быть предназначалась судьбою лучшая участь, но вы предались невоздержности, и подъ ея вліяніемъ совершили преступленіе, за которое должны лишиться жизни. Водка, какъ видно, довела васъ до преступленія, и вотъ вы лишили жизни старую, безпомощную и беззащитную женщину, которой оставалось жить немного еще лѣтъ, и употребили противъ нея мечъ, который былъ вамъ данъ для защиты отечества отъ враговъ. Присяжные, постановивъ свой приговоръ, присоветовали къ нему свою просьбу о снисхожденіи къ вамъ. Но я прошу васъ не надѣяться на помилованіе, хотя бы эта просьба и была доведена до подножія трона; если тамъ будутъ извѣстны обстоятельства, сопровождавшія ваше предпріятіе, то врядъ ли вамъ будетъ сохранена жизнь. Въ настоящемъ же положеніи дѣла, я имѣю только право произнести приговоръ, который полагается на основаніи закона. Это не есть мой приговоръ, а есть приговоръ закона.

Послѣ этого судья произнесъ смертнѣйшій приговоръ. Подсудимый, какъ описываютъ его, красивый мужчина, былъ очень твердъ въ продолженіи всего процесса, но при выслушаніи приговора чуть было не упалъ, его поддержали два тюремныхъ сторожа.

Излагая этотъ процессъ, мы съ намѣреніемъ привели во всей подробности всѣ споры и объясненія между присяжными и судьей, потому что находимъ, что въ этихъ вопросахъ и объясненіяхъ чрезвычайно рельефно и наглядно выказываются

(*) Черная шапка надѣвается судьей только при произнесеніи смертнаго приговора.

отношенія, существующія между англійскими присяжными и судьей, рисуется, если можно сказать, самая жизнь англійскаго процесса. вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ этого же процесса очень рѣзко видна разница, существующая между способомъ разрѣшенія дѣла французскими и англійскими присяжными. Мы уже имѣли случай замѣтить, что когда идетъ рѣчь о судѣ присяжныхъ, обыкновенно имѣютъ въ виду французскихъ присяжныхъ, или, что почти тоже, — нѣмецкихъ, которые составляютъ сколокъ съ французскихъ; поэтому весьма распространено мнѣніе, что присяжнымъ подлежитъ разрѣшать въ дѣлѣ только вопросъ о фактѣ, а не о правѣ, и что вопросъ этотъ они разрѣшаютъ на основаніи внутренняго убѣжденія (*intime conviction*), т. е. на основаніи чуть-ли не вдохновенія. Но изъ объясненій судьи и вопросовъ присяжныхъ въ настоящемъ дѣлѣ читатели вѣроятно замѣтили, что англійскимъ присяжнымъ одного внутренняго убѣжденія недостаточно для постановленія своего вердикта (приговора); имъ нужны основанія (*evidence*) и основанія весьма убѣдительныя; доказательства обязанъ представить обвинитель, и обвиняемый можетъ ихъ опровергнуть или возраженіями, или представленными съ своей стороны доказательствами. Въ томъ, что безъ этихъ основаній англійскіе присяжные не могутъ постановить никакого приговора ни по гражданскому, ни по уголовному дѣлу, — заключается самое существенное различіе между англійскимъ судомъ присяжныхъ (*) и судомъ присяжныхъ материка Европы. Совокупность этихъ основаній составляетъ ученіе или законъ о доказательствахъ (*rules of the law of evidence*).

Извѣстно, что судья въ Англій имѣетъ право не принимать представляемыхъ сторонами доказательствъ, допускаемыхъ

(*) Говоря объ англійскомъ судѣ, мы разумѣемъ и шотландскій и сѣвероамериканскій; не смотря на нѣкоторыя небольшія отличія, основанія у нихъ общія.

закономъ, какъ напримѣръ показаніе свидѣтеля, основанное на наукѣ; судья имѣетъ также право не позволять дѣлать пѣкоторые вопросы свидѣтелямъ, когда, по его мнѣнію, эти вопросы ни къ чему повести не могутъ; наконецъ судья можетъ даже прекратить начавшійся процессъ, когда замѣтитъ, что представленными доказательствами не можетъ подтвердиться искъ или обвиненіе. Устраняя все излишнее въ процессѣ, все что можетъ его замедлить, судья въ заключительной своей рѣчи, въ изложеніи (charge), приступаетъ къ своей, можно сказать, самой важной обязанности. Въ этой рѣчи онъ обращаетъ главѣйшее вниманіе присяжныхъ на то, чтобы они на основаніи law of evidence оцѣнили представленныя доказательства, предостерегаетъ ихъ отъ того, чтобы они не полагались на нѣкоторые показанія; напримѣръ если были приведены показанія соучастника преступленія, судья указываетъ на случаи, когда подобныя свидѣтельства оказывались ложными; когда въ доказательство приведены были свидѣтельства дѣтей, судья указываетъ на силу подобныхъ показаній; при всякомъ случаѣ, какъ это было видно выше, онъ повторяетъ, что если присяжные имѣютъ какое-либо основательное сомнѣніе (reasonable doubt), то они не должны признавать подсудимаго виновнымъ; иногда даже онъ указываетъ на тѣ доказательства, которыя ему самому кажутся сомнительными и обращаетъ на то ихъ особенное вниманіе. Всѣ доводы и объясненія судьи о силѣ и значеніи доказательствъ не основаны на писанномъ законѣ, не заключаются въ точныхъ, математическихъ опредѣленіяхъ, а составляютъ результатъ юридической жизни и мудрости народа; все ученіе о доказательствахъ основано на юридическихъ преданіяхъ и обычаяхъ самаго народа, оно народомъ усвоено и естественно гораздо лучше ему извѣстно, нежели писанные законы; выходя изъ сознанія и жизни самаго народа, всѣ эти правила гораздо скорѣе могутъ приновляться къ новымъ потребностямъ и новымъ взглядамъ народа. Если представляется

какой-нибудь сомнительный случай, присяжные не блуждаютъ въ потемкахъ, а пользуются содѣйствіемъ судьи, который и опытною, и свѣдѣніямъ стоитъ, безъ всякаго сомнѣнія, выше всѣхъ остальныхъ судей. Всякій случай можетъ быть имъ объясняемъ предшествующими примѣрами судебной практики, въ которой самъ же народъ принималъ участіе. Толкованіе для извѣстнаго случая не придумано и не сочинено какимъ-нибудь однимъ судьей, но выработывалось въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій самыми знаменитыми юристами англійскими и постоянно можетъ подлежать дальнѣйшему измѣненію; по справедливости, англійское ученіе о доказательствахъ называютъ сокровищемъ практической мудрости. Законодательная власть принимала весьма незначительное участіе въ развитіи этихъ правилъ; такъ, напримѣръ, статутомъ постановлено, что при обвиненіи въ измѣнѣ (high treason) въ доказательство принимаются два свидѣтеля, между тѣмъ какъ по прочимъ преступленіямъ, приговоръ можетъ быть основанъ на показаніи и одного свидѣтеля. Все ученіе выработалось, какъ мы выше сказали, жизнью и судебною практикою и потому не требуетъ особаго изученія со стороны присяжныхъ, оно имъ извѣстно изъ самой жизни, а судья имъ помогаетъ своими поясненіями. (*)

Коль скоро англійскіе присяжные должны разрѣшать предлагаемый имъ вопросъ на основаніи весьма ясныхъ и точныхъ доказательствъ, а не на основаніи одного только внутренняго убѣжденія, то очевидно, что они разрѣшаютъ не одинъ только фактическій, но и юридическій вопросъ. Это же указываетъ

(*) Все правила о доказательствахъ не вошли разумѣется въ законодательство, но въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки были попытки кодифицировать ихъ; такъ напр. въ 1830 г. былъ составленъ сводъ доказательствъ для штата Нью-Йорка, извѣстнымъ Ливингстономъ. Въ Англіи существуетъ нѣсколько знаменитыхъ сочиненій по этой части. Укажемъ для желающихъ узнать эту сторону англійской юридической жизни на сочиненіа Беста въ нѣмецкомъ переводѣ Марквардсена: *Best's Grundzüge des englischen Beweisrechts* herausgegeben von *Marquardsen*. Heidelberg 1851.

и на то, что въ Англии нѣтъ той раздѣльности въ дѣйствіяхъ судьи и присяжныхъ, какъ у всѣхъ остальныхъ присяжныхъ, не англійскихъ. Въ Англии присяжные и судья другъ другу помогаютъ, судъ производится ими вмѣстѣ, а потому и самое выраженіе *судъ присяжныхъ*, примененное къ Англии или Америкѣ, неточно; тамъ употребляется выраженіе *судъ посредствомъ судьи и присяжныхъ* (trial by judge and jury). Когда же судья и присяжные дѣйствуютъ для взаимной помощи, такъ сказать пополняютъ другъ друга, и когда къ этому присоединяется то всеобщее уваженіе и огромное довѣріе, которымъ пользуются англійскіе судьи, между ними и присяжными не можетъ быть рѣчи объ антагонизмѣ, и судъ съ присяжными является въ Англии дѣйствительно юридическимъ учрежденіемъ, а не политическимъ, какъ во Франціи.

Случаевъ противудѣйствія присяжныхъ судьямъ и на оборотъ, вслѣдствіе какихъ нибудь виѣшнихъ вліяній, въ Англии почти не встрѣчается. Главная цѣль суда—открытіе истины—преслѣдуется въ Англии и судьей и присяжными.

Указавъ на всѣ доказательства одной стороны и на возраженія и опроверженія противъ нихъ другой стороны, судья въ концѣ рѣчи непременно обращается къ присяжнымъ съ увѣщаніемъ, что если доводы и доказательства, представленные обвинителемъ были для нихъ недостаточно убѣдительны, если они имѣютъ сомнѣніе, то должны оправдать подсудимаго.

Въ настоящемъ дѣлѣ очень любопытенъ споръ между присяжными и судьей. Никакъ они не хотятъ признать предъумышленнаго убійства; изъ ихъ вопросовъ очень ясно видно, что они не сомнѣваются въ самомъ совершеніи преступленія, но между тѣмъ имъ хотѣлось бы принять доводъ защитника подсудимаго, что опьяненіе должно быть принято въ соображеніе; имъ не хотѣлось бы обвинить Гайнса въ убійствѣ безъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Но какъ же имъ быть, когда по англійскимъ законамъ право указывать на смягчающія

обстоятельства принадлежит не присяжнымъ, какъ во Франціи, а судья? Ему принадлежитъ право опредѣлять мѣру наказанія, а между тѣмъ судья уже объявилъ, что нѣтъ смягчающихъ обстоятельствъ, и присяжные уже заранѣе знаютъ, что не избѣжать Гайнсу смертнаго приговора, если они признаютъ его виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ. Французскіе присяжные непременно постановили бы приговоръ со смягчающими обстоятельствами, какъ это было въ извѣстномъ процессѣ Лафаржъ, а пожалуй и вовсе освободили бы, какъ это было въ недавнихъ процессахъ Лемуанъ и Шердъ, но англійскіе присяжные дѣйствуютъ на основаніи не одного вдохновенія, а на основаніи своего *law of evidence*, и послѣ долгихъ преній съ судьей постановили приговоръ, согласный съ требованіемъ правосудія, но воспользовались при этомъ предоставляемымъ имъ правомъ просить судъ о списхожденіи въ отношеніи къ преступнику. Замѣтимъ, что и это послѣднее право всегда должно быть подтверждено основаніями: присяжные, прося о списхожденіи, должны указать, почему они о томъ просятъ. Обыкновенно основаніями служатъ: или несовершеннолѣтіе, или, какъ въ настоящемъ дѣлѣ, возбужденное состояніе, или добрая слава, или крайняя нужда (напр. когда совершено воровство въ слѣдствіе нищеты).

Въ продолженіи процесса судья нѣсколько разъ повторилъ, что состояніе опьяненія по закону не есть извинительная причина для признанія преступленія, совершеннаго Гайнсомъ, принадлежащимъ не къ самымъ тяжкимъ преступленіямъ, а постановляя приговоръ онъ прибавилъ, что врядъ ли королева помилуетъ Гайнса, когда ей будетъ представленъ на утвержденіе смертный приговоръ (*). Хотя пьянство не извиняетъ по англійскимъ законамъ преступленія, но не слишкомъ ли

(*) Приговоры, коими постановляется смертная казнь, представляются на утвержденіе верховной власти.

строгъ приговоръ судьи Купинга? Англійскіе судьи, какъ извѣстно, имѣютъ огромную власть при постановленіи приговоровъ: назначеніе степени наказанія совершенно отъ нихъ зависитъ. Имѣя эту огромную власть, они почти никогда не употребляютъ ее во зло, напротивъ весьма часто пользуются ею въ видахъ облегченія участи подсудимыхъ. Приведемъ тому примѣръ, очень годный для настоящаго дѣла: въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года Елисавета Кэрдью судилась предъ Оксфордскими ассизами за то, что повѣсила своего сына, 4-хъ лѣтняго Джона, съ намѣреніемъ лишить его жизни.

Изъ показаній свидѣтелей оказалось, что подсудимая сама повѣсилась на веревкѣ. Когда ея мать стала ее за это бранить, она бросилась на мать съ ножомъ и хотѣла ее зарѣзать. Ножъ у нея отняли; тогда она ушла къ себѣ въ комнату и увела съ собою сына. Тамъ она бросила ему въ лицо вилку; сосѣдка увела ребенка къ себѣ; спустя часъ времени мать съ дочерью пришли за ребенкомъ. Но черезъ нѣсколько минутъ, у Кэрдью въ домѣ опять услышали страшный крикъ, и изъ окна сосѣди увидѣли, что ребенокъ виситъ на крючкѣ. Пока ломали двери, Елисавета сняла ребенка съ крючка, и держала его на рукахъ, а когда сосѣди вошли, то она спрашивала: что случилось? въ это время лицо у ребенка было еще совсѣмъ синее и на шеѣ у него были слѣды веревки. Свидѣтели показывали, что Елисавета предается пьянству и во время опьяненія совершенно равнодушна къ ребенку, но трезвая очень нѣжна къ нему. Когда ребенка приесли въ судъ, онъ потянулся къ матери рученками. Присяжные признали подсудимую виновною. Судья баронъ Брамгуэль, постановляя приговоръ, сказалъ: принимая во вниманіе, что, во время совершенія преступленія подсудимая была въ изступленномъ состояніи, происходящемъ отъ опьяненія, онъ положить ей наказаніе не столь строгое, какъ бы слѣдовало по закону. Тѣмъ не менѣе пьянство не есть извиненіе для совер-

шенія преступленія, и наказаніе должно быть строгое, и потому онъ присудилъ ее къ 4-хъ лѣтнему тюремному заключенію съ каторжной работой (penal servitude).

Если баронъ Брамгуэль счелъ возможнымъ смягчить въ настоящемъ случаѣ наказаніе, которое слѣдовало бы Елвсаветѣ Кэрдью, не приговаривавшейся къ смертной казни, и принялъ при этомъ во вниманіе состояніе опьяненія, отчего же другой судья, постановляя *смертный приговоръ*, не принялъ смягчающаго обстоятельства? Хотя Гайнсъ и совершилъ смертоубійство, но намъ кажется, что безчувственное состояніе, въ которомъ онъ находился отъ водки, если не уничтожаетъ для него вмѣняемость вполнѣ, то должно имѣть вліяніе на смягченіе вины. Наше законодательство (т. XV ст. 118) считаетъ пьянство обстоятельствомъ, увеличивающимъ вмѣняемость только тогда, когда доказано, что человекъ напился именно съ намѣреніемъ совершить преступленіе.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ этой статьѣ подразумѣвается та степень пьянства, когда человекъ еще не дошелъ до безпамятства, когда человекъ еще обладаетъ сознаниемъ. Хотя въ уложеніи нѣтъ постановленій касательно преступленія, происходящаго отъ пьянства, но кажется, что это состояніе подходитъ подъ статью 108 улож. о наказ., (въ которой говорится о вмѣняемости большимъ преступленій, совершенныхъ въ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства), коль скоро будетъ доказано, что подсудимый напился, не имѣя намѣренія совершить преступленія. Въ особенной части уложенія, пьянство въ нѣкоторыхъ случаяхъ почитается обстоятельствомъ даже уменьшающимъ вину, какъ это видно напр. изъ ст. 196, 236, 280, 313, 314, 315, 321, 325 и др.

Нельзя не обратить вниманія на опредѣленія въ англійскомъ законѣ того, что есть предумышленное и не предумышленное убійство (murder and manslaughter).—Предумышленное убійство отличается отъ всякаго другаго смертоубій-

ства тѣмъ, что оно непременно сопровождается *злымъ умысломъ*. А злой умыселъ можетъ быть или 1., обдуманнѣе заранѣе намѣреніемъ, *express malice*, которое можетъ быть доказано внѣшними признаками, напримѣръ сидѣніемъ въ засадѣ, угрозами, или предшествовавшей ссорой. Судья Китингъ для примѣра привелъ выстрѣлъ изъ ружья въ толпу. Или же 2., злой умыселъ безъ всякаго обдумыванія заранѣе можетъ заключаться въ томъ уже самомъ, что извѣстный фактъ уже совершенъ—*implied malice*: какъ напримѣръ въ настоящемъ дѣлѣ незаконное употребленіе оружія, которое можетъ повлечь за собою смерть; или напримѣръ если кто убьетъ внезапно челоуѣка, безъ всякаго съ его стороны вызова, безъ всякой провокаціи, или по крайней мѣрѣ когда провокація невелика. Но если, напримѣръ, оскорбленный имѣлъ намѣреніе только наказать оскорбителя, а вмѣсто того убьетъ его, то законъ считаетъ это непредумышленнымъ убійствомъ.

Предумышленнымъ убійствомъ считается также убійство всякаго служителя правосудія при отиравленіи имъ должности, и убійство всякаго гражданина, когда онъ совершаетъ что-нибудь для общественнаго блага, напримѣръ, если онъ будетъ убитъ во время поимки имъ преступника, или при усмиреніи публичнаго волненія. Вообще предумышленнымъ убійствомъ называется всякое такое незаконное дѣйствіе, которое можетъ имѣть и имѣло вѣроятнымъ послѣдствіемъ смерть, хотя бы при этомъ не было употреблено никакого оружія, или никакого насилія. Напримѣръ, если хозяинъ не давалъ достаточно пищи своему ученику и обращался съ нимъ такъ грубо и строго, что это имѣло послѣдствіемъ смерть ученика; или, напримѣръ, такой случай: женщина положила въ саду подъ деревомъ ребенка, прилетѣлъ коршунъ и ударомъ крыла его убилъ. Англійскій законъ такіе случаи причисляетъ къ предумышленному убійству, *murder*.

Непредумышленнымъ убійствомъ (manslaughter) называется незаконное убійство челоѣка, безъ всякаго злаго намѣренія; an unlawful killing without malice, not amounting to murder; напр. два челоѣка поссорились и подрались, и въ дракѣ одинъ убилъ другаго; или же внезапное убійство, вслѣдствіе оскорбленія; или же убійство мужемъ челоѣка, застигнутаго въ прелюбодѣяннн съ женою; или же убійство вслѣдствіе небрежнаго исполненія обязанности, — напริมѣръ машинистъ не остановилъ локомотива по данному ему сигналу и раздавилъ сторожа желѣзной дороги. Все это случаи непредумышленнаго убійства — manslaughter.

Наконецъ сдѣлаемъ послѣднее замѣчаніе объ этомъ процессѣ: мы на дѣлѣ видимъ въ немъ возможность подчиненія лицъ, принадлежащихъ къ военному вѣдомству, за общія гражданскія преступленія общимъ судамъ. Между тѣмъ недавно въ одномъ журналѣ (Морск. Сборн. за Апрель) доказывалась невозможность подчиненія лицъ морскаго и военнаго вѣдомства общимъ судамъ за обыкновенныя гражданскія преступленія. Въ Англїи эта невозможность непонятна; и хотя матросы и солдаты доставляютъ не мало трудовъ судьямъ (*), но жалобъ на трудность и невозможность судить ихъ въ общихъ судахъ мы никогда еще не встрѣчали. Маловажные проступки и всякіе споры, къ которымъ прикосновенны лица, принадлежація къ разнымъ вѣдомствамъ: военному и морскому, подчинены въ Англїи также разбирательству обыкновенныхъ полицейскихъ судовъ. По этому поводу мы можемъ сообщить довольно интересный случай:

Въ послѣднее время лондонскимъ полицейскимъ судамъ часто приходилось разсматривать слѣдующаго рода дѣла: во многихъ мѣстахъ, напрімѣръ, на мостахъ, при вѣздѣ или проходѣ

(*) Такъ напрімѣръ при открытіи лѣтнихъ ассизъ въ Винчестерѣ, по реестру (calendar) дѣлъ, подлежащихъ рассмотрѣнію суда, изъ 45 самыхъ тяжкихъ преступленій 35 были совершены солдатами.

тѣшкомъ въ ворота парковъ, собирается небольшая подать, отъ которой освобождены солдаты, идущіе на службу или возвращающіеся съ нея, и въ недавнее время сдѣлано это же исключеніе въ пользу новосозданныхъ вольныхъ стрѣлковъ (riflemen). Однако нерѣдко возникаютъ споры между сборщиками этихъ денегъ и солдатами или новыми стрѣлками о томъ, въ какихъ именно случаяхъ они избавлены отъ платежа и въ какой формѣ они должны быть, чтобъ не платить этого сбора. Между прочимъ въ полицейской судъ квартала Гаммерсмита явился г. Уиллингъ, сборщикъ такой подати въ кенсингтонскомъ паркѣ, и жаловался на герцога Эдуарда Саксенъ-Веймарскаго, состоящаго на службѣ офицеромъ въ какомъ-то англійскомъ полку, за то, что онъ, проѣзжая чрезъ ворота кенсингтонскаго парка въ кабриолетѣ, запряженномъ въ одну лошадь, не заплатилъ установленнаго сбора. Авдוקатомъ Уиллинга былъ г. Мартинъ, герцогъ же явился одинъ, безъ адвоката.

Истець говорилъ, что 30 іюня Его Высочество проѣзжалъ въ четырехколесномъ кабриолетѣ въ одну лошадь, и когда съ него спросили 3 пенса установленнаго сбора, онъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ ѣдетъ по службѣ Ея Величества, то и долженъ быть изъятъ отъ платежа этого сбора. Хотя герцогъ былъ въ мундирѣ, но, говорилъ адвокатъ, всѣ офицеры, проѣзжающіе въ своихъ экипажахъ чрезъ ворота, обыкновенно платятъ сборъ. Его Королевское Высочество на это отвѣчалъ, что онъ не долженъ платить за проѣздъ на основаніи билля о возстаніяхъ (Mutiny bill), утвержденаго въ нынѣшнемъ году. Хотя же онъ ѣхалъ въ кенсингтонскіе барраки въ собственномъ кабриолетѣ, но онъ ѣхалъ на службу, а послѣднее измѣненіе билля о возстаніяхъ освобождаетъ офицеровъ отъ платежа сбора, когда они ѣдутъ по службѣ, хотя и въ собственномъ экипажѣ; въ подкрѣпленіе своихъ словъ герцогъ предъявилъ корреспонденцію съ военнымъ министерствомъ (war office) объ этомъ предметѣ, въ которой было сказано, что, по мнѣнію генераль-

адъютанта всѣ офицеры, отправляющіеся по службѣ, хотябы въ собственныхъ экипажахъ, не должны платить сбора. Герцогъ говорилъ въ заключеніе, что если онъ не заплатилъ 3 пенсовъ, то дѣйствовалъ единственно на основаніи мнѣнія, заявленнаго военнымъ министерствомъ.

Судья сказалъ, что этотъ вопросъ очень легко разрѣшить. Такъ какъ недоумѣніе происходитъ единственно отъ выпуска нѣсколькихъ словъ изъ прежняго парламентскаго акта, и заключаетъ въ себѣ очень важное обстоятельство для офицеровъ Ея Величества, то лучше представить вопросъ этотъ на разрѣшеніе суда королевинной скамьи (Queen's Bench). Издержки по этому дѣлу будутъ очень небольшія.

Но г. Мартинъ отвѣтилъ, что его кліенту, Уиллингу, гораздо пріятнѣе, чтобы это дѣло было разрѣшено имъ, судьей, а если военному министерству нужно или желательно, чтобы этотъ вопросъ былъ окончательно разрѣшенъ, то пусть оно само объ этомъ и позаботится.

Тогда судья объявилъ, что, рассмотрѣвъ добросовѣстно дѣло, онъ находитъ, что изъятія въ пользу офицеровъ, будущихъ въ экипажахъ не сдѣлано; если бы его Королевское Высочество ѣхалъ верхомъ, то не долженъ былъ бы платить сбора; но въ настоящемъ случаѣ онъ присуждаетъ его къ уплатѣ 3 пенсовъ за проѣздъ и 2 шиллинговъ за судебныя издержки.

Д. С.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

I. Часть официальная.

стр.

Книжка седьмая. (Июль).

Отдѣлъ I. Высочайшія повелѣнія. 5.

- I. Постановленія по судебной части обнародованныя въ теченіе мая и іюня 1860 г.
- II. Высочайшій именной указъ, данный правительствующему сенату.
- III. Высочайше утвержденныя мнѣнія государственнаго совѣта.

Отдѣлъ II. Правительственныя распоряженія. 73.

- I. Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета по министерству юстиціи. (*Окончаніе*).
- II. Годичный актъ въ императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія.

Отдѣлъ III. Личный составъ. 91.

Главнѣйшія перемены въ личномъ составѣ по вѣдомству министерства юстиціи.

Книжка осьмая (Августъ).

Отдѣлъ I. Высочайшія повелѣнія. 97.

- I. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ теченіе іюля 1860 года.

- II. Высочайшіе именные указы, данные правительствующему сенату.
- III. Высочайше утвержденное положеніе комитета гг. министровъ.

Отдѣлъ III. Личный составъ 109.

Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству министерства юстиціи.

Книжка десятая (Сентябрь).

Отдѣлъ I. Высочайшія повелѣнія 113.

- I. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ продолженіе іюля 1860 г.
- II. Высочайшій именной указъ, данный правительствующему сенату.
- III. Высочайше утвержденныя мнѣнія государственнаго совѣта.

Отдѣлъ II. Правительственныя распоряженія 127.

Циркуляры министерства юстиціи.

Отдѣлъ III. Личный составъ 143.

Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству министерства юстиціи.

III. Часть неофициальная.

Книжка седьмая. (Іюль).

- Отдѣлъ I. Объ обезпеченіи исковъ. . . *Нестржецкаго.* 3.
Двѣ главы изъ Финляндскаго уложенія.
Переводъ *Вальдена и Бруммера.* 75.

Отдѣлъ II. Судебная практика.

A. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ.

Изложение рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, въ коихъ разрѣшаемы были вопросы:

- I. О значеніи родословныхъ росписей при опредѣленіи родства и проистекающихъ изъ него наследственныхъ правъ. 93.
- II. О действительности публичной продажи въ томъ случаѣ, когда на торгъ и переторжку явятся только мужъ и жена. 101.
- III. О размѣрѣ вознагражденія слѣдующаго по закону опекуну. 107.
- IV. О порядкѣ исчисленія апелляціоннаго срока въ томъ случаѣ, когда при вызовѣ тяжущихся не соблюдены предписанныя закономъ правила. 109.
- V. О неприсвоеніи силы закладной такому обязательству, въ которомъ связано, что оно обеспечивается всѣмъ имуществомъ должника. 113.

B. РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ.

- I. Дѣло объ убійствѣ иностранца Роде.—Произнесеніе обвинительнаго приговора на основаніи уликъ.—Упущенія слѣдователей. 116.
- II. Дѣло о крестьянкѣ Марьѣ Ладыгиной, сужденной за намѣреніе отравить своего мужа.—Употребленіе при покушеніи на отравленіе недействительнаго средства признается не покушеніемъ, а приготовленіемъ къ убійству.— 132.

Отдѣлъ III. Библиографія.

Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, книга пятая съ приложеніемъ. . . . *Рец. Д. М.* 137.

Книжка осьмая (Августъ).

Отдѣлъ I. Тюремное заключеніе въ связи съ развитіемъ уголовной практики вообще. *перев. съ нѣмецкаго.* *Гаугеръ.* 157.

Отдѣль II. Судебная практика.

А. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ.

Изложение рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, въ копяхъ разрешаемы были вопросы:

- I. Объ оставленіи въ своей силѣ распоряженія о публичной продажѣ имущества, въ случаѣ поступленія отъ должника прошенія о продажѣ другого его имущества. 223.
- II. О правѣ состоящихъ подъ опекою лицъ провергать, по достиженіи совершеннолѣтія, даже такіе отчеты опекуна, которые были утверждены опекунскими установленіями. 228.
- III. О порядкѣ наследованія послѣ лица, состояшаго въ обществѣ капиталѣ съ другими лицами. 231.
- IV. О возможности оспаривать документы, находившіеся въ виду судебного мѣста при рѣшеніи дѣла, если только это судебное мѣсто, постановляя рѣшеніе, не входило въ обсужденіе достоинства сихъ документовъ. 242.

В. РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ.

- I. Дѣло о поджогѣ фабрики иностранца Мейера.—Оставленіе въ подозрѣніи на основаніи уликъ.—Упущенія п лицейскихъ чиновниковъ и членовъ слѣдственной комисіи. . . 246.
- II. Дѣло объ убійствѣ крестьянки Бурденковой.—Показаніе преступника о совершеніи имъ преступленія въ припадкѣ умоизступленія.—Признаніе сего показанія, не подтвержденнаго медицинскимъ удостовѣреніемъ и опровергаемаго обстоятельствами дѣла, незаслуживающимъ уваженія.—Произнесеніе обвинительнаго приговора. 298.

Отдѣль III. Библіографія.

Разборъ 4 тома «Юридическихъ Записокъ», издаваемыхъ Рѣдкимымъ и Яневичемъ-Яневскимъ. Рец. Д. М. 311.

Книжка девятая (Сентябрь).

Отдѣлъ I. Сонное оцѣненіе, какъ причина невѣжняемости. Д. Андреева. . . 337.

О земской давности при апелляціонномъ производствѣ. Т. Р. 353.

О существѣ юридическаго формализма (изъ Иеринга) перев. К. Царевскаго. 361.

Очеркъ англійскаго уголовнаго процесса (продолженіе) А. Кистяковскаго. 403.

Отдѣлъ II. Судебная практика.

A. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ.

Изложеніе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, въ коихъ разрѣшаемы были вопросы:

- I. О срокѣ совершеннолѣтія для обжалованія судебныхъ рѣшеній, на которыя опекунами изъявлено было удовольствіе, или не было принесено жалобы въ законный срокъ. 437.
- II. О значеніи подписаннаго однимъ лицомъ акта, коимъ устанавливается передача недвижимаго имѣнія въ пользованіе. 442.
- III. Объ обращеніи въ казенное вѣдомство населеннаго имѣнія, доставшагося лицу, не имѣющему права владѣть онымъ и о распространеніи сего правила на такіе случаи, въ которыхъ права наследника еще прежде полученія имъ законнаго вознагражденія, перешли къ третьему лицу, имѣющему право владѣть этимъ имѣніемъ. . . 448.
- IV и V. О необходимости соблюденія установленной формы въ порядкѣ составленія духовныхъ завѣщаній, отдаваемыхъ для храненія въ опекунскій совѣтъ или комитетъ челоувѣколюбиваго общества. 451.
- VI. О порядкѣ составленія духовныхъ завѣщаній до 1831 года. 456.
- VII. VIII и IX. О нераспространеніи закона о давности на дѣла, по коимъ принесены апелліаціи, не получившія еще разрѣшенія 462.

Б. РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ

- I. Дѣло о Ларіонѣ и Натальѣ Сивцовыхъ, сужденныхъ за воровство.—Произнесеніе обвинительнаго приговора и назначеніе наказанія по совокупности обстоятельствъ, увеличивающихъ вину. Общія разсужденія Государственнаго Совѣта о порядкѣ возвышенія степени и мѣры наказанія.—Циркуляръ министерства юстиціи. 471
- II. Дѣло о крестьянкѣ Каменской, сужденной за отравленіе своего мужа.—Оставленіе въ подозрѣніи по главному предмету обвиненія и назначеніе наказанія за невѣжественное употребленіе вреднаго средства 485.

В. ИНОСТРАННАЯ.

Дѣло объ убійствѣ г-жи Скейлъ. Недоумѣніе присяжныхъ о свойствѣ сего преступленія.—Понятіе объ убійствѣ предумышленномъ и непредумышленномъ.—Общность суда для всѣхъ классовъ гражданъ. 497.

SECRET

1. The first of the main tasks of the Party is to ensure the complete and thorough implementation of the Party's program and the Government's policy. This requires a high degree of discipline and unity among all Party members and officials.

2. The second task is to strengthen the Party's ties with the masses and to ensure that the Party's policies are based on the interests of the people. This requires a high degree of transparency and accountability.

CONCLUSION

The Party's success depends on the loyalty and dedication of its members and officials. It is the duty of every Party member to uphold the Party's principles and to work for the realization of its program.

С 1767

С П 6 Г У

СП66У

СПБГУ

000188044
ЮФ СПБГУ

С176Г7

Издаваемый съ іюля 1859 года *Журналъ Министрства Юстиціи* выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: 1) за годовое изданіе съ января 1860 по январь 1861 года составляетъ, безъ пересылки и доставки, *шесть* руб. сер., а съ пересылкою и доставкою на домъ *семь* руб. *пятьдесятъ* копѣекъ сер. 2) за полугодовое изданіе съ іюля 1860 по январь 1861 года (для лицъ, подписавшихся прежде на годовое изданіе съ іюля 1859 по іюль 1860 года,) *три* руб. сер. безъ доставки, съ доставкою же *три* руб. *семьдесятъ* *пять* коп. сер.

Подписка на журналъ принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи, находящейся при книжномъ магазинѣ Коммиссіонера Министерства Юстиціи книгопродавца А. И. Давыдова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Завѣтнава.

Желающіе доставить въ журналъ статью или какое-либо свѣдѣніе благоволятъ обращаться въ Редакцію *Журнала Министерства Юстиціи*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 13 сентября 1860 года.
Ценсоръ *Обертъ*.